

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 2025
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 4 (555) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Аскар Алеевич Шейх-Али* (Шейхгали) (1885–1968), инженер, создатель первой в России пишущей машины для татарского письма на основе арабской графики.

Аскар Шейх-али родился в 1885 году в Санкт-Петербурге в дворянской семье генерал-майора Шихалиева Али Давлетовича, уроженца Дагестана. После окончания учебы в Петербургском университете и службы в армии Аскар Алеевич работал в Московском лесотехническом институте. К технике его тянуло с самого детства, образованные родители такому увлечению не препятствовали, хотя отец мечтал, чтобы Аскар стал военным.

Хорошее образование и вложенная родителями любовь к своей истории способствовали тому, что Аскар не забывал о корнях. Он знал татарский язык, умел писать и читать на нем, но зарабатывал все-таки техническими навыками. В Москве, кроме обслуживания лабораторного оборудования, он занимался ремонтом разной техники — от замков до пишущих машин. Идея создать устройство, которое позволяло бы печатать на татарском, очень увлекла механика.

Имя Аскара Шейх-Али, вероятно, так и осталось бы в архивах созданного им производства, если бы не бывший конструктор Казанского завода ЭВМ, директор Музея истории вычислительной техники Маргарита Бадрутдинова. Она случайно нашла среди прочих бумаг обанкротившегося предприятия папку с грифом «секретно». В папке хранилось несколько документов о бывшем дворянине, офицере царской армии Аскаре Шейх-Али, который изобрел пишущую машинку с арабским шрифтом.

В то время в мире не существовало печатных машин для арабской письменности, а в Советском Союзе их вообще не производили. Были только привозные «Ундервуд», «Ремингтон», «Континенталь» и «Мерседес». Придумать каретку с более чем сотней символов очень сложно, да и от ошибок в тексте это бы вряд ли спасло.

Аскар Шейх-Али разработал на базе привозных печатных машин кинематическую схему, которая заставляла каретку перемещаться на один, два, три или четыре интервала в зависимости от ширины буквы. И вместо десятков клавиш с разным написанием появилось лишь четыре дополнительные вроде сегодняшней shift: «начальная», «конечная», «серединная» и «отдельная». Использовать такую машину могли не только татары, но и марийцы, чуваша, мордвина и другие народы.

В 1924 году Аскар Шейх-Али получил патент на свое устройство, в Казани появилась мастерская «Татязмаш», для которой изобретатель приобрел станки и пригласил рабочих.

Из «Ундервудов» и «Мерседесов» создавались машины с арабским шрифтом. Спрос на них был и в республиках Союза, и в Китае, Иране, Ливане и Индии. Но в том же 1924 году правительство решило последовать примеру Турции и «настойчиво рекомендовало» всем национальным республикам ввести латинский шрифт вместо арабского. Аргументы были железными:

арабизация способствует консервации религиозных настроений и является реакционной помехой на пути к социализму.

Однако языковую реформу Шейх-Али не поддерживал, поскольку, как и многие представители интеллигенции, считал, что переход на латиницу оторвет народ от литературного наследия и потомки вряд ли смогут прочесть даже эпитафии на надгробных камнях предков. Интернационализация в этом может только навредить, особенно если отказ от арабизации будет полным.

В мае 1927 года 82 человека, среди которых были ученые, врачи, учителя, юристы, писатели, студенты и другие представители образованного класса, подписали письмо Сталину, в котором высказали свои опасения по поводу внедрения яналифа — нового тюркского алфавита. Аскар Шейх-Али подписался под 78-м номером.

Он продолжил работу над своим устройством и смог протолкнуть идею создания фабрики по изготовлению печатных машин «Яналиф» в СССР. В 1929 году сборка опытного образца первой машины была завершена, сейчас он хранится в Казанском Музее истории вычислительной техники. Вскоре изготовили еще несколько экземпляров, которые представили в Москве. Устройство было зарегистрировано в ноябре того же года как «первая в СССР пишущая машина, изготовленная целиком из советских материалов».

Через год мастерская «Татязмаш» была преобразована в фабрику пишущих машин имени Самед Ага Агамалы Оглы — руководителя Азербайджанской ССР, который особенно рьяно выступал за перевод тюркских языков на латиницу. С 1931 года на фабрике пишущие машины выпускались со шрифтами для 44 языков народов СССР, поставлялись в Турцию, Монголию, Китай и другие страны, а весной в кабинет Шейх-Али пришли люди из госбезопасности и арестовали изобретателя за ту самую подпись под «письмом 82-х». Обвинительное заключение ему не предъявили, но он был отправлен в лагерь на пять лет: сначала на строительство Байкало-Амурской магистрали, затем в Карелию.

Весь срок изобретателю отбывать не пришлось. Его освободили из лагеря на полтора года раньше. Но так как возвращаться в Казань бывшему заключенному было запрещено, он переехал в Волжск Марийской АССР, устроился инженером-конструктором на одно из деревообрабатывающих предприятий, где его неоднократно поощряли за хорошую работу.

Несколько раз Аскар Алиевич писал прошения о реабилитации. Он боялся за судьбу своих дочерей и внуков, на которых падала тень изменника Родины. Только в 1959 году дело Шейх-Али было пересмотрено в Верховном суде Татарской Республики. Приговор был отменен за отсутствием состава преступления. Изобретателю на тот момент было 74 года. А в 75 лет он смог вернуться в Казань, где прожил еще девять лет до самой смерти.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Аминов А. А.**
Опыт европейских стран
в государственной регистрации прав
на недвижимое имущество 355
- Байдашин А. Д.**
Непоименованные способы обеспечения
обязательств: титульное обеспечение 358
- Байрамуков И. А.**
Латентность преступлений, связанных
с нарушением тайны переписки, телефонных
переговоров, почтовых, телеграфных или
иных сообщений 360
- Баландина Д. С.**
Особенности защиты гражданских
прав по действующему российскому
законодательству на современном этапе 362
- Барбашов М. М.**
Пределы договорной ответственности
при перевозке грузов железнодорожным
транспортом (на примере ОАО «РЖД») 364
- Барбашов М. М.**
К вопросу об ответственности сторон
в сфере перевозок грузов
железнодорожным транспортом 366
- Бокова М. Н.**
Некоторые аспекты правоспособности
некоммерческих организаций 368
- Голиков М. Ю.**
Правовые аспекты аэронавигационного
обслуживания полетов беспилотных
воздушных судов в Российской Федерации 372
- Григорьев М. В., Шевченко Э. С.**
Правовые аспекты муниципального
управления в условиях цифровизации 374
- Гужова Е. В.**
Гражданско-правовая ответственность
участников, осуществляющих
предпринимательскую деятельность:
общая характеристика 376
- Дельвер Ю. С.**
Соучастие при совершении экологических
преступлений 378
- Дихтярук И. П.**
О порядке въезда в Российскую
Федерацию и выезда из Российской
Федерации иностранных граждан и лиц
без гражданства: административно-
правовое регулирование 380
- Егоров П. П.**
Принцип независимости Конституционного
суда Российской Федерации: правовые
механизмы обеспечения 383
- Зелёнкина А. М.**
Предотвращение экстремизма и терроризма
в цифровом пространстве 386
- Золян А. В.**
Опека и попечительство как институт права
и законодательства 389
- Иванова Н. В.**
Сходства и различия залога в силу закона
и залога на основании договора 391
- Иванова Н. В.**
Правовое регулирование залога имущества
в налоговых правоотношениях и пути его
совершенствования 394
- Касымов А. А.**
Материальный вред и его значение
в уголовном праве 397
- Катаев С. А.**
Анализ актуального состояния и тенденций
киберпреступности в России 400
- Качейкина М. И.**
Основные направления противодействия
коррупции на государственной службе 402
- Кичекова Ж. Г.**
Вопросы соблюдения прав граждан
при применении конфискации и ареста
имущества в рамках уголовных дел 403
- Коденцева К. И., Желоков Н. В.**
Проблемы квалификации преступлений
при конкуренции уголовно-правовых норм ... 407
- Крюкова А. С.**
Перспективы развития криминалистической
тактики предъявления для опознания 408

Лукьянов Д. К.

Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, в условиях цифровой трансформации..... 411

Мирошниченко А. В.

Правовое регулирование криптовалюты и блокчейна в РФ 414

Нагайцев А. Е.

Дистанционное мошенничество и способы его совершения 416

Павлов Б. А.

Этапы расследования коррупционных преступлений: анализ, методы и практическая значимость 417

Пахомиков А. И.

Особенности соблюдения баланса частных и публичных интересов при оспаривании распорядительных решений государственных и муниципальных органов в Российской Федерации..... 419

Пахомиков А. И.

Проблема подмены судом функций административного органа при оспаривании распорядительных решений государственных и муниципальных органов в Российской Федерации..... 421

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Опыт европейских стран в государственной регистрации прав на недвижимое имущество

Аминов Анварбек Аминбек угли, судья
Административный суд Ташкентской области (Узбекистан)

Данное всестороннее исследование рассматривает европейский опыт в системах регистрации прав на недвижимое имущество, анализируя подходы к регистрации собственности как романо-германской, так и англо-саксонской правовых традиций. В исследовании изучаются фундаментальные принципы, технологические инновации и административные практики, характеризующие различные европейские регистрационные системы, с особым вниманием к системам, внедренным в Германии, Нидерландах, Швеции, Австрии, Швейцарии, Испании, Дании и Великобритании.

Ключевые слова: регистрация недвижимости, права собственности, система поземельной книги (*Grundbuch*), цифровая трансформация, реестр недвижимости, кадастр, правовая определенность, трансграничные сделки, регистрация титула, профессиональные посредники.

Эволюция систем регистрации прав на недвижимое имущество в европейских юрисдикциях представляет собой одно из наиболее сложных достижений в области вещного права, где различные правовые механизмы были тщательно разработаны для обеспечения безопасности и прозрачности сделок с недвижимостью при одновременной защите интересов всех участвующих сторон. Фундаментальная необходимость ведения точных и достоверных записей о правах собственности привела к появлению различных регистрационных систем, каждая из которых отражает уникальные исторические, культурные и правовые традиции разных европейских регионов, одновременно адаптируясь к вызовам современных рынков недвижимости и технологического прогресса. Значение этих систем выходит далеко за рамки простой административной процедуры, поскольку они формируют основу экономической стабильности и общественного порядка, обеспечивая правовую определенность в имущественных отношениях и способствуя эффективному функционированию рынков недвижимости.

Романо-германская правовая традиция, глубоко укоренившаяся в континентальной европейской юриспруденции, породила регистрационную систему, характеризующуюся акцентом на принципе законности и конститутивном эффекте регистрации, согласно которому передача прав на недвижимость становится юридически действительной только после регистрации в соответствующем публичном реестре [1]. Данная система, действующая при презумпции точности и полноты зарегистрированных прав, возлагает значительную ответственность на регистрационные ор-

ганы по проверке юридической действительности документов, представленных для регистрации, одновременно обеспечивая высокую степень определенности и защиты для зарегистрированных правообладателей. Присущее этой системе скрупулезное внимание к деталям в сочетании с участием нотариусов в удостоверении сделок с недвижимостью создает многоуровневую защиту, существенно снижающую риск мошеннических сделок и правовых споров относительно прав собственности.

Англо-саксонский подход к регистрации прав на недвижимость, разделяя фундаментальную цель обеспечения прав собственности, существенно отличается в своем историческом развитии и основополагающих принципах, эволюционировав от системы частного конвейеринга к современной модели публичной регистрации [2]. Отличительная особенность этой системы заключается в более гибком подходе к регистрации, который, сохраняя целостность записей о правах собственности, придает большее значение принципу свободы договора и допускает сохранение юридической силы определенных незарегистрированных интересов. Эволюция данной системы отражает прагматичный баланс между необходимостью правовой определенности в имущественных отношениях и традиционным акцентом общего права на справедливость и правосудие в конкретных случаях, одновременно учитывая динамичный характер современных рынков недвижимости.

Принцип публичности, служащий основой обеих правовых традиций, проявляется по-разному в каждой системе: романо-германский подход подчеркивает формальные аспекты публикации через строгие требования к регистрации

и ведение всеобъемлющих публичных записей. Реализация этого принципа в континентальных европейских юрисдикциях обычно включает сложные технологические решения для ведения и доступа к реестрам собственности при одновременном обеспечении защиты персональных данных и соблюдении правил конфиденциальности. Систематическая организация информации о собственности и четкое разграничение зарегистрированных прав создают прозрачную среду, облегчающую сделки с недвижимостью и способствующую эффективности рынка.

Роль профессиональных посредников, особенно нотариусов в романо-германской системе и солиситоров в англо-саксонской традиции, представляет собой основной элемент в функционировании регистрационных систем, поскольку эти профессионалы выступают в качестве хранителей, обеспечивающих законность и действительность сделок с недвижимостью до их вступления в процесс регистрации. Участие таких квалифицированных специалистов в сочетании с технологической инфраструктурой, поддерживающей процедуры регистрации, создает всеобъемлющую основу для защиты интересов всех сторон, участвующих в сделках с недвижимостью, одновременно поддерживая целостность регистрационной системы. Профессиональные стандарты и этические обязательства, налагаемые на этих посредников, значительно способствуют надежности и эффективности процесса регистрации. [3]

Возрастающая цифровизация регистрационных систем в европейских юрисдикциях привела к значительным улучшениям в доступности и эффективности регистрации прав собственности, одновременно создавая новые вызовы, связанные с кибербезопасностью и защитой данных. Внедрение электронных платформ регистрации в сочетании с передовыми механизмами аутентификации и решениями для безопасного хранения данных преобразовало традиционные бумажные регистрационные системы в современные цифровые инфраструктуры, способные обрабатывать сделки с недвижимостью с беспрецедентной скоростью и точностью. Эти технологические достижения облегчили трансграничные сделки с недвижимостью и повысили прозрачность рынков недвижимости, сохраняя при этом фундаментальные принципы безопасности и надежности, характерные для европейских регистрационных систем.

Германская система Grundbuch, являющаяся парадигматическим примером континентально-европейского подхода к регистрации прав на недвижимое имущество, функционирует на фундаментальных принципах абсолютной надежности и публичной достоверности, согласно которым содержание поземельной книги предполагается точным и полным, если не доказано иное посредством строго определенных правовых процедур. Сложная структура германской регистрационной системы, объединяющая правовую определенность, обеспечиваемую поземельной книгой (Grundbuch), с технической точностью кадастра (Liegenschaftskataster), создает всеобъемлющую основу для защиты прав собственности, которая суще-

ственно повлияла на развитие регистрационных систем по всей Европе и за ее пределами, в то время как строгое соблюдение принципа законности, требующее тщательной проверки всех юридических документов специализированными судьями (Rechtspfleger), обеспечивает исключительную надежность сделок с недвижимостью [4].

Технологический прогресс и непрерывная модернизация регистрационной системы Германии привели к разработке сложной электронной платформы, которая сохраняет традиционные принципы Grundbuch, одновременно повышая ее доступность и эффективность посредством цифровых средств, тем самым устанавливая новые стандарты электронной регистрации недвижимости по всей Европе. Интеграция передовых мер безопасности в сочетании с функционированием специализированных судов по вопросам регистрации земли и участием нотариусов в удостоверении сделок с недвижимостью создает многоуровневую систему защиты, эффективно предотвращающую мошеннические действия при одновременном облегчении законных передач собственности, хотя сложность системы и строгие требования иногда приводят к более длительным срокам обработки по сравнению с некоторыми другими европейскими юрисдикциями.

Нидерланды разработали исключительно эффективную систему регистрации недвижимости, которая уникальным образом объединяет функции земельного реестра (Kadaster) с кадастровыми картографическими службами, создавая единый подход к управлению правами собственности, значительно снижающий административную сложность при сохранении высоких стандартов точности и надежности [5]. Отличительная особенность голландской системы заключается в успешной интеграции фискальных и правовых функций в рамках единой организации, что позволило развить комплексные информационные услуги в сфере недвижимости, выходящие за рамки традиционных регистрационных обязанностей и включающие детальное картографирование, статистический анализ и управление экологическими данными, при одновременном соблюдении строгих стандартов защиты персональных данных и соответствия правилам конфиденциальности.

Внедрение передовых цифровых технологий в голландской регистрационной системе привело к созданию одной из самых сложных в Европе электронных платформ для регистрации недвижимости, которая обеспечивает быструю обработку транзакций при сохранении высоких стандартов безопасности и точности посредством инновационных механизмов аутентификации и автоматизированных процедур верификации. Эффективность системы дополнительно повышается благодаря тесному сотрудничеству с нотариусами, которые играют ключевую роль в проверке юридической действительности сделок с недвижимостью и обеспечении соответствия нормативным требованиям.

Новаторский подход Швеции к цифровой регистрации земли установил новые эталоны эффективности и доступности в управлении правами собственности, причем

ее раннее внедрение процедур электронной регистрации и всеобъемлющих цифровых архивов служит моделью для других европейских юрисдикций, стремящихся модернизировать свои регистрационные системы. Шведское управление регистрации земли (Lantmäteriet) успешно внедрило единую систему, объединяющую юридическую регистрацию с кадастровыми услугами [6], создавая бесшовный интерфейс для информации о недвижимости, что значительно сократило время обработки и административные расходы при сохранении высоких стандартов точности и надежности в регистрации прав собственности. Успешная интеграция различных услуг, связанных с недвижимостью, включая регистрацию ипотеки, определение границ и процедуры раздела земли, в рамках единой цифровой платформы демонстрирует потенциальные преимущества комплексной цифровизации в управлении правами собственности, в то время как удобный пользовательский интерфейс системы и автоматизированные процессы значительно снизили административную нагрузку как на собственников недвижимости, так и на профессионалов в сфере недвижимости.

Австрийская система регистрации земли, разделяя многие фундаментальные принципы с немецкой Grundbuch, разработала свои отличительные особенности, которые подчеркивают административную эффективность и цифровую доступность при сохранении высоких стандартов правовой определенности, характерных для континентальных европейских регистрационных систем [7]. Австрийский подход сочетает тщательную юридическую проверку сделок с недвижимостью с оптимизированными административными процедурами, создавая сбалансированную систему, которая эффективно защищает права собственности при содействии эффективным рыночным операциям через интеграцию современных технологий и традиционных правовых принципов.

Швейцарская система регистрации недвижимости демонстрирует успешную гармонизацию федеральных стандартов с кантональным управлением, создавая гибкую, но надежную структуру, которая учитывает региональные различия при сохранении последовательных национальных стандартов защиты прав собственности [8]. Швейцарский подход к регистрации, характеризующийся точной организацией и вниманием к деталям, сочетает традиционную надежность земельного реестра с современными цифровыми решениями, в то время как участие специализированных профессионалов обеспечивает точность и законность всех регистрируемых сделок посредством тщательной проверки и процедур верификации.

Модернизация испанской системы регистрации недвижимости за последние десятилетия представляет собой значительное достижение в адаптации традиционных принципов регистрации к современным рыночным требованиям, при этом внедрение передовых цифровых решений и улучшенных мер прозрачности создает более эффективную и доступную основу для защиты прав собственности [9]. Успешная интеграция новых технологий

с установленными правовыми принципами в испанской системе повысила ее эффективность в защите прав собственности при содействии рыночным операциям через улучшенный доступ к регистрационным услугам и информации о недвижимости.

Внедрение полностью цифровой регистрационной системы в Дании представляет собой один из самых успешных европейских примеров комплексной модернизации в управлении правами собственности, при этом ее безбумажные процедуры регистрации и интегрированные информационные системы устанавливают новые стандарты эффективности и доступности в администрировании недвижимости [10]. Датский подход к регистрации, который успешно сочетает кадастровые и правовые функции в рамках единой цифровой структуры, создал высокоэффективную систему, значительно сокращающую время обработки и административные расходы при сохранении высоких стандартов точности и надежности в регистрации прав собственности.

Подход Великобритании к регистрации прав на недвижимое имущество, глубоко укорененный в традиции общего права, представляет собой уникальную систему, которая существенно эволюционировала от своих исторических истоков в частном конвейеринге недвижимости к сложной современной регистрационной структуре, управляемой Земельным реестром Ее Величества [11]. Трансформация британской регистрационной системы, начавшаяся с Закона о регистрации земли 1862 года и достигшая кульминации во всеобъемлющих реформах, введенных Законом о регистрации земли 2002 года, представляет собой замечательный путь к созданию более прозрачного и эффективного рынка недвижимости при сохранении отличительных особенностей прав собственности общего права, включая концептуальное разделение между юридическими и справедливыми интересами в земле.

Фундаментальный принцип регистрации титула в британской системе действует на основе создания зеркала прав собственности, согласно которому реестр отражает все значительные интересы в земле, хотя определенные преобладающие интересы могут существовать независимо от регистрации, отражая прагматичный подход системы к балансированию потребностей различных заинтересованных сторон в имущественных отношениях. Утонченность британской регистрационной системы заключается в ее способности учитывать как зарегистрированные, так и незарегистрированные интересы, обеспечивая при этом существенную защиту зарегистрированным собственникам через государственную гарантию титула, что представляет собой значительное отхождение от исторического принципа *caveat emptor* , характеризовавшего традиционные сделки с недвижимостью в общем праве, при одновременном сохранении гибкости в признании различных форм прав собственности и интересов.

Основываясь на всестороннем анализе систем регистрации прав на недвижимое имущество в европейских юрисдикциях, возникает несколько значительных вы-

водов относительно развития, внедрения и будущей траектории структур регистрации недвижимости. Изучение как континентально-европейских, так и британских подходов, наряду с конкретными национальными системами, выявляет четкую тенденцию к технологической модернизации и цифровой трансформации при сохранении фундаментальных принципов правовой определенности и защиты прав собственности, исторически характеризующих европейское имущественное право.

Разнообразный опыт европейских стран в разработке и внедрении систем регистрации недвижимости демонстрирует, что успешные структуры могут быть достигнуты через различные правовые подходы при условии сохранения определенных существенных элементов: надежных процедур верификации, профессионального участия в процессе регистрации, технологических инноваций и сильной институциональной поддержки. Германская система Grundbuch с ее акцентом на абсолютной надежности, голландский интегрированный подход, объединя-

ющий кадастровые и правовые функции, шведские новаторские цифровые решения и британский прагматичный баланс между зарегистрированными и незарегистрированными интересами — все представляют различные, но одинаково действительные подходы к достижению фундаментальных целей регистрации недвижимости.

Продолжающаяся цифровая трансформация регистрационных систем по всей Европе, проиллюстрированная комплексными электронными платформами, внедренными в Дании, Австрии и Швейцарии, предполагает конвергенцию в операционных практиках при сохранении различных правовых традиций. Эта технологическая эволюция, в сочетании с возрастающей стандартизацией регистрационных процедур и протоколов управления данными, значительно повысила эффективность и доступность услуг по регистрации недвижимости при сохранении высоких стандартов безопасности и надежности, которые необходимы для стабильных рынков недвижимости.

Литература:

1. Amandine Cayol. The Roman origins of the European legal property right systems. On the Asian and European Origins of Legal and Political Systems, Peter Lang, pp.243–251, 2018.
2. Blajer, Paweł. The effect of registration in the land register in the framework of real estate sale (comparative study). European Property Law Journal, vol. 11, no. 1–2, 2022, pp. 29–61.
3. Barton, Barry, 'Property Rights Created under Statute in Common Law Legal Systems', in Aileen McHarg, and others (eds), Property and the Law in Energy and Natural Resources (Oxford, 2010; online edn, Oxford Academic, 1 May 2010).
4. Hartmut Müller, Mirko Siebold. Land Use Control and Property Registration in Germany—Procedures, Interrelationships, IT Systems. May 2007. 11 p.
5. Wakker, Willem & van der Molen, Paul & Lemmen, Christiaan. (2003). Land registration and cadastre in the Netherlands, and the role of cadastral boundaries: the application of GPS technology in the survey of cadastral boundaries. Journal of Geospatial Engineering. 5. 3–10.
6. Proskurovska, A., & Dörry, S. (2022). The blockchain challenge for Sweden's housing and mortgage markets. Environment and Planning A: Economy and Space, 54(8), 1569–1585.
7. Stanisław Bacior, Austrian Cadastre still in use — Example proceedings to determine the legal status of land property in southern Poland, Land Use Policy, Volume 131, 2023.
8. John Nevin. The Real Estate Law Review. Twelfth Edition. Law Business Research Ltd. March 2023. P. 24.
9. Femenia-Ribera, Carmen & Mora-Navarro, Gaspar. (2018). Cadastre-Land Registry Coordination in Spain: Application of Law 13/2015 and Its Effects. 10.20944/preprints201803.0232.v1.
10. Paasch, Jesper. (2005). Modelling Dutch Rights and Restrictions for Real Property Transactions. COST Scientific Report.
11. Timothy Monteath. The Information Infrastructure of Land Registration in England: A Sociology of Real Estate at the Intersection of Elites, Markets and Statistics. London school of economics. 29th January 2021. P. 370.

Непоименованные способы обеспечения обязательств: титульное обеспечение

Байдашин Алексей Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Горина Наталия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Тюменский государственный университет

В данной статье рассматривается один из непоименованных способов обеспечения обязательств — титульное обеспечение. Ввиду того, что в настоящее время в правоотношениях стороны договоров часто прибегают к такому способу обеспечения исполнения обязательств, как титульное обеспечение, немаловажным является его подробное рассмотрение, а также сравнение со схожим механизмом — залогом.

Автор в настоящей статье подробно рассматривает суть механизма титульного обеспечения, описывает его положительные стороны и обосновывает практическую значимость механизма титульного обеспечения в сравнении с залогом. В заключении автор приходит к выводу о преимуществах титульного обеспечения в сравнении с залогом.

Ключевые слова: непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств, титульное обеспечение, залог, удержание титула, передача титула, сохранение титула.

Надлежащее исполнение договорных обязательств субъектами правоотношений напрямую связано с эффективностью механизмов, обеспечивающих их исполнение. В условиях растущей важности этого вопроса, проблема обеспечения исполнения договорных обязательств становится все более насущной и требует тщательного рассмотрения. В ГК РФ отсутствует четкое определение понятия «способ обеспечения исполнения обязательств», что может вызывать неоднозначность в толковании и применении соответствующих норм. Кроме того, перечень существующих мер обеспечения не является исчерпывающим (ст. 329 ГК РФ).

Данная статья фокусируется на одном из таких непоименованных способов обеспечения обязательств — титульном обеспечении. Мы подробно рассмотрим его суть, сравнительные преимущества по отношению к залогом, а также проанализируем его правовое регулирование и практическую значимость в контексте российского гражданского права.

Понятие и правовая природа титульного обеспечения

Титульное обеспечение — это инструмент, сочетающий высокую эффективность в обеспечении исполнения обязательств с некоторой спорностью в трактовке его правового статуса. Его эффективность обусловлена тем, что оно позволяет кредитору получить непосредственный контроль над вещью должника, что существенно увеличивает шансы на получение удовлетворения требования в случае нарушения последним основного обязательства [1].

Право собственности, полученное титульным кредитором, является ключевым отличием от обычного залогового права, обеспечивая более высокую степень защиты интересов кредитора [2]. Выбор конструкции титульного обеспечения в практической деятельности также обусловлен стремлением сторон минимизировать влияние не всегда гибких и удобных правил, регулирующих залоговые правоотношения, на договорные обязательства сторон [3].

Механизмы реализации титульного обеспечения

Титульное обеспечение может быть реализовано двумя разными способами: передачей титула и сохранением титула. При передаче титула кредитор предоставляет финансирование и в обмен получает право собственности на имущество должника, обеспечивая тем самым возврат средств. При сохранении титула кредитор оставляет за собой право собственности на вещь, которую должник по-

лучает в пользование, и только после полного погашения долга право собственности переходит к должнику [4].

Обе модели титульного обеспечения предлагают кредиторам эффективные инструменты для защиты своих интересов. Однако, титульное обеспечение также является предметом ожесточенных споров в научной и практической среде. Многие эксперты подвергают сомнению его правовую природу, а также эффективность в различных ситуациях.

Сравнение с залогом

Ограничения прав залогодержателя в случае неисполнения денежного обязательства должником контрастируют с широкими полномочиями титульного кредитора, который обладает формальным правом собственности на предмет обеспечения. В отличие от залога, титульное обеспечение предоставляет кредитору более обширные права, позволяющие ему более эффективно защищать свои интересы в случае неисполнения обязательства [3].

Конструкции залога и титульного обеспечения демонстрируют принципиальное отличие: при залоге право собственности остается у должника, а кредитор получает ограниченное право на имущество, в то время как при титульном обеспечении ситуация обратная — кредитор становится владельцем титула, а должник имеет возможность вернуть или приобрести его. Это радикальное отличие в распределении рисков между сторонами имеет значительные экономические последствия, что напрямую влияет на выбор между этими двумя видами обеспечения [6].

Анализ на основе российского гражданского права

Сравнительный анализ титульного обеспечения и залога выявляет преимущество первого в плане обеспечения более быстрого и простого способа удовлетворения требований кредиторов. Отход от традиционной практики использования залога свидетельствует о наличии системных проблем в механизмах залога. Недостаточное правовое регулирование залоговых отношений, а также несовершенный механизм реализации залогового имущества лежит в основе этой тенденции, создавая практическую необходимость в поиске альтернативных способов обеспечения обязательств, таких как конструкции титульного обеспечения [8].

Позиция Карапетова А. Г. подчеркивает, что определенный круг цивилистов выступает категорически против обеспечительной собственности. Сам же Карапетов А. Г. придерживается точки зрения, согласно которой обес-

печительная собственность является результатом договорной конструкции, которая позволяет кредитору обеспечить свое требование к должнику посредством права собственности, а не права залога. Это принципиально отличает титульное обеспечение от залога, предоставляя кредитору более широкие полномочия и контроль над имуществом должника [5].

Заключение и выводы

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Титульное обеспечение представляет собой уникальный и эффективный способ обеспечения обязательств, который предоставляет кредитору значительно более широкие полномочия и контроль над имуществом должника по сравнению с традиционным залогом.

2. Несмотря на спорность в трактовке его правового статуса, титульное обеспечение демонстрирует свою практическую значимость и привлекательность для кредиторов, стремящихся минимизировать риски имущественных потерь в случае нарушения исполнения обязательства должником.

3. В рамках российского гражданского права существует необходимость в более детальном правовом регулировании титульного обеспечения, чтобы устранить правовую неопределенность и обеспечить равновесие интересов сторон правоотношений.

Рекомендации для дальнейших исследований включают более глубокое изучение судебной практики, связанной с использованием титульного обеспечения, а также разработку конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования данного механизма в рамках российского законодательства.

Литература:

1. Мышьяков С. В. Особенности титульного обеспечения как непоименованного способа обеспечения в российском гражданском праве // Юрист. 2021. №7. С. 43–49.
2. Громов С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2 С. 51–112.
3. Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4.
4. Усманова Е. Р. Обеспечение исполнения обязательств посредством передачи права собственности // Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации: В 2 т. / Сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 1: Общая часть. — М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 937.
5. Карапетов А. Титульное обеспечение vs Кредитование под залог / А. Карапетов. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/9/titulnoe_obespechenie_vs_kreditovome_pod_zalog (дата обращения: 25.04.2023). — Текст электронный.
6. Дорошенко Л. А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2020. № 2 С. 116.
7. Иванова А. И., Рыбалов А. О. Фидуциарная собственность и классический залог // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 109.
8. Сарбаш С. В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 22–23.

Латентность преступлений, связанных с нарушением тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений

Байрамуков Ислам Альбертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шаманский Дмитрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

Право на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений является фундаментальным конституционным правом граждан Российской Федерации, закрепленным в статье 23 Конституции РФ [1]. Нарушение этого права влечет за собой уголовную ответственность, предусмотренную статьей 138 Уголовного кодекса РФ [2].

Однако, несмотря на наличие законодательных механизмов, данные преступления характеризуются высокой

степенью латентности, что затрудняет их выявление и пресечение.

Официальная статистика по преступлениям, связанным с нарушением тайны переписки и иных сообщений, ограничена весьма слабой выявляемостью данной категории преступлений. Согласно данным судебной практики, количество приговоров по статье 138 УК РФ невелико [7].

Это свидетельствует о том, что значительная часть таких преступлений остается нераскрытой или не доходит до стадии судебного разбирательства.

Основные детерминанты латентности

В качестве основных обстоятельств, причин и условий латентности преступлений, связанных с нарушением тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений необходимо назвать следующие.

Техническая сложность обнаружения. Преступления, связанные с нарушением тайны переписки, часто совершаются с использованием сложных технологий, включая программы для перехвата данных, вирусы-шпионы и уязвимости в программном обеспечении. Преступники нередко используют зашифрованные каналы связи или поддельные IP-адреса, что затрудняет их идентификацию.

Анонимность в цифровой среде становится серьезной преградой для правоохранительных органов при расследовании преступлений, связанных с нарушением тайны переписки. Недостаток технической подготовки и доступ к устаревшим инструментам расследования также усугубляют проблему.

Низкая осведомленность граждан. Многие граждане не знают, что действия, связанные с несанкционированным доступом к их личной информации, являются уголовно наказуемыми. Например, случаи, когда третьи лица читают чужую переписку в социальных сетях, зачастую воспринимаются как незначительное нарушение, а не как преступление.

Исследования и опросы граждан, проводимые волонтерами и журналистами, показывают, что большинство опрошенных не осведомлены о своих правах в сфере цифровой безопасности. Это свидетельствует о необходимости образовательных мероприятий в данном направлении.

Недостаточная квалификация правоохранительных органов. Расследование преступлений, связанных с нарушением тайны переписки, требует от сотрудников правоохранительных органов владения современными технологиями, включая анализ данных, киберпатрулирование и использование специализированных программных средств. Однако существующие программы обучения сотрудников правоохранительных органов в недостаточной мере охватывают вопросы цифровой криминалистики. Это приводит к затруднениям при выявлении нарушителей и сборе доказательственной базы.

Отсутствие существенных последствий для жертвы: В ряде случаев жертвы преступлений не ощущают ущерба. Например, утечка личной переписки может быть воспринята как простое неудобство, особенно если она не сопровождается шантажом или другими формами воздействия. Отсутствие явных негативных последствий снижает вероятность обращения в правоохранительные органы, а ощущение безнаказанности среди преступ-

ников подпитывается пассивностью жертв, что способствует дальнейшему росту латентности.

Основные выводы и предложения

Повышение осведомленности граждан. Эффективное информирование населения может быть достигнуто за счет внедрения образовательных программ в школах и вузах, а также через медиаплатформы. Например, государственные кампании, направленные на разъяснение законодательства о защите личной информации, помогут гражданам понять, как реагировать на нарушения.

Важно развивать практические навыки у пользователей, такие как распознавание фишинговых писем или настройка приватности в социальных сетях. Информирование населения является ключевым элементом в борьбе с киберугрозами.

Обучение сотрудников правоохранительных органов. Видится важным и необходимым внедрение специализированных курсов и семинаров для правоохранителей, включающих изучение современных методов анализа цифровых доказательств. Такие программы должны быть интегрированы в базовое обучение и регулярно обновляться с учетом технологического прогресса.

Совершенствование законодательной базы. Представляется целесообразным разработать четкие и недвусмысленные правовые нормы, регулирующие сферу информационной безопасности. Например, введение обязательной ответственности для компаний за утечки данных может снизить количество случаев несанкционированного доступа. Также следует установить более жесткие требования к провайдерам и разработчикам программного обеспечения в части защиты пользовательских данных.

Внедрение технических средств защиты. Также представляется, что гражданам и организациям следует предоставлять доступ к простым и эффективным средствам защиты, таким как шифрование сообщений, антивирусные программы и системы двухфакторной аутентификации. Государство может содействовать распространению таких технологий путем субсидирования или организации бесплатных обучающих вебинаров. Широкое использование технологий защиты данных способно снизить вероятность нарушения тайны переписки на всех уровнях — от личной до корпоративной сферы.

Высокая латентность преступлений, связанных с нарушением тайны переписки и иных сообщений, обусловлена комплексом факторов, включая технические сложности, недостаточную осведомленность граждан и пробелы в законодательстве.

Предложенные меры направлены на устранение причин высокой латентности и создание условий для эффективного противодействия данным преступлениям. Их реализация позволит обеспечить защиту конституционных прав граждан и повысить доверие общества к органам правопорядка.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета от 25.12.1993. № 237; Российская газета от 04.07.2020. № 144. Официальный интернет-портал правовой информации. www.pravo.gov.ru.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в редакции от 04.08.2023) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. <http://www.pravo.gov.ru>
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета от 31.12.2001 № 256, <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.
6. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О связи» // «Собрание законодательства РФ», 14.07.2003, № 28, ст. 2895.
7. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru>. (Дата обращения 08.01.2025).
8. Иванов С. О. «Основы информационной безопасности». Учебное пособие. Изд-во Чувашского ун-та, 2019. 95 с.

Особенности защиты гражданских прав по действующему российскому законодательству на современном этапе

Баландина Дарья Сергеевна, студент магистратуры
Московский экономический институт

В статье анализируются подходы к определению понятия «защита права». Указывается, что способ защиты права должен соответствовать характеру нарушения права, самому нарушенному праву и правонарушителю. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: защита права, порядок защиты права, способ защиты права, самозащита права, признание права.

Features of the protection of civil rights under the current Russian legislation at the present stage

Balandina Darya Sergeevna, student master's degree
Moscow Economic Institute

The article analyzes approaches to the definition of the concept of «protection of law». It is indicated that the method of protecting the right must correspond to the nature of the violation of the right, the violated right itself and the offender. The ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: protection of law, procedure for protection of law, method of protection of law, self-defense of law, recognition of law.

Гражданский кодекс Российской Федерации не предоставляет четкого легального определения защиты гражданских прав. В основном, в первой части Кодекса законодатель лишь фиксирует декларацию о защите гражданских прав и законных интересов, принадлежащих субъектам правоотношений [1].

Исследование категории защиты гражданских прав, по нашему мнению, следует начинать с положений, изложенных в Основном Законе России. Впервые эта категория появилась в отечественном законодательстве с принятием Конституции СССР в 1977 году. Согласно этому

Основному Закону, право на защиту было определено как конституционное, что подразумевает наличие не только соответствующего статуса, но и определенных гарантий его реализации. Конституция СССР 1977 года впервые зафиксировала право на судебную защиту (ч. 2 ст. 57) и «право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов» (ч. 1 ст. 58).

Современная редакция Конституции Российской Федерации также закрепляет защиту прав граждан [2]. Так, в ст. 45 Конституции Российской Федерации определено, что государство обязано защищать права и свободы чело-

века и гражданина, предоставляя каждому возможность отстаивать свои права всеми законными средствами. Следовательно, защита, а также право на государственную защиту, являются ключевыми гарантиями прав и свобод.

Определяя охрану субъективных гражданских прав и законных интересов, гражданское законодательство не делает различий между этими терминами и считает их эквивалентными. В соответствии с общепринятой интерпретацией, используемой в гражданском праве, как «защита», так и «охрана» представляют собой законодательно установленную процедуру, направленную на устранение последствий нарушения субъективных гражданских прав.

Защита гражданских прав может рассматриваться как феномен, который зависит от действий участников гражданского оборота, а также влияет на их поведение, включая возможность принуждения к устранению негативных последствий в области прав. В отличие от охраны, защита гражданских прав применяется в тех случаях, когда права уже нарушены или оспариваются (ст. 11 ГК РФ). То есть, защита лишена превентивного характера и является реакцией на негативные воздействия на субъективные гражданские права или охраняемые законом интересы.

Что касается права на защиту, то в юридической литературе его рассматривают как совокупность возможностей, доступных уполномоченному субъекту. Эти возможности включают требования, адресованные как обязанному лицу, так и компетентным государственным органам с целью обеспечения защиты права. Так, В. П. Грибанов отмечает, что характер защищаемого права и юридические инструменты, которые обеспечивают право на защиту, обусловлены их взаимозависимостью [3, с. 107].

Защита прав граждан, стоит отметить, не всегда требует применения государственного принуждения. Вид защиты определяется выбором пострадавшего, и права могут быть защищены через судебные инстанции, административные органы или другие, не указанные в законодательстве, структуры (например, профсоюзы). Кроме того, полномочное лицо может осуществлять действия по самозащите своих прав. Таким образом, когда лицо прибегает к самозащите, оно не использует меры государственного принуждения, однако это не снимает ответственности других участников гражданских правоотношений в отношении таких действий. Следует подчеркнуть, что законность шагов, предпринятых в рамках самозащиты, может быть подтверждена через обращение в суд.

Действия по применению права, выполняемые уполномоченными лицами в процессе защиты своих нарушенных прав, имеют отличия от «обычных» действий, связанных с реализацией прав и выполнением обязательств. Процесс принуждения правонарушителя (ранее обязанного лица) к устранению последствий его действий также отличается. При обращении в судебные органы (то есть при защите прав в правовой форме) процесс защиты гражданских прав осуществляется в строгой последовательности, начиная с выяснения обстоятельств правонарушения и определения, подходит ли выбранный стороной способ защиты

для разрешения спора, и завершается принудительным исполнением решения, принятого судебным органом, с применением мер государственного принуждения.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что защита гражданских прав представляет собой правоприменительную активность, осуществляемую в соответствии с законодательно установленными нормами органами публичной власти или самим потерпевшим, которая возникает в ответ на негативное воздействие на субъективное гражданское право и нацелена на достижение целей защиты.

Существуют различные мнения относительно классификации методов защиты гражданских прав, рассматриваемых как меры защиты и как меры ответственности. При этом подчеркиваются важные различия между этими двумя типами. Прежде всего, их можно отделить по целям. Меры ответственности имеют компенсаторную и восстановительную функцию, то есть они направлены на восстановление имущественных прав потерпевшего или на предоставление ему компенсации. Эти меры действуют ретроспективно, так как применяются в ответ на уже совершенное правонарушение. В отличие от этого, основная цель мер защиты заключается в предотвращении правонарушений.

Таким образом, в юридической науке указывается, что меры защиты могут быть использованы против продолжающегося правонарушения, в то время как меры ответственности применимы исключительно к завершенным нарушениям.

Общим для всех методов защиты гражданских прав является их направленность на защиту конкретных субъективных прав уполномоченных лиц, то есть на защиту частных интересов участников гражданского оборота.

Использование судебных и административных методов для защиты прав рассматривается как юрисдикционная форма, представляющая собой «определяемую правовыми нормами деятельность уполномоченных органов по восстановлению нарушенного права, включая установление обстоятельств дела, оценку правильности выбора средств защиты, вынесение решений и контроль за их реализацией». Чтобы понять суть способов защиты гражданских прав, современные юристы обычно, следуя традициям советских цивилистов, устанавливают связь с мерами государственного принуждения. В то же время, некоторые исследователи связывают способы защиты с другими юридическими категориями, такими как средства защиты прав.

В рамках данной темы стоит обратить внимание на обсуждение соотношения понятий «способ защиты» и «средство защиты». Так, О. О. Юрченко отмечает, что эти термины являются смежными и могут использоваться для обозначения структурных элементов защиты, но требуют четкого разграничения в применении. Автор выделяет «средство защиты» в узком (как способ защиты) и широком значениях (как совокупность норм, направленных на защиту субъективных прав). Он также подчеркивает, что для эффективной защиты необходимо применение средств в широком смысле и предлагает в некоторых слу-

чаяя заменять термин «способ защиты» на «средство защиты» в гражданском праве [4, с. 8].

На основании вышеизложенного, можно определить, что под защитой гражданских прав подразумевается комплекс методов, средств и юридических мер, ориентированных на обеспечение целей защиты прав субъектов гражданских правоотношений, реализуемых в установленном законом порядке с соблюдением обязательных условий для применения конкретных методов защиты.

Вопреки распространенным заблуждениям, следует отметить, что самозащита не относится к формам защиты или методам гражданских прав. Понятие «самозащита» должно рассматриваться наряду с термином «защита» гражданских прав.

Таким образом, для охраны гражданских прав применяются как методы защиты, так и средства самозащиты. Более того, возможно одновременное использование как методов защиты, так и самозащиты, что способствует более эффективному достижению целей по защите нарушенных гражданских прав.

Формой защиты гражданских прав считается внешнее проявление применения методов защиты, которое зависит от определённого порядка действий со стороны субъекта. Учитывая, что самозащита обладает самостоя-

тельным характером, необходимо различать формы защиты и формы самозащиты гражданских прав. В данном контексте защита прав осуществляется в рамках судебной и административной юрисдикции (что явно указано в ст. 11 ГК РФ) с использованием методов, перечисленных в ст. 12 ГК РФ, тогда как самозащита реализуется в неюрисдикционных формах как с использованием указанных, так и неуказанных законом методов.

Изучая судебную практику, мы можем отметить, что количество обращений граждан о защите гражданских прав увеличилось в сравнении с предыдущим годом. Так, за 2022 г. в суды поступило 423 566 исковых заявлений, а за 2023 год количество поступивших заявлений увеличилось до 442 374 исковых заявлений [5].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что охрана и защита гражданских прав хотя и имеют схожие черты, но при этом они также существенно различаются. Охрана гражданских прав может проявляться как в зависимости от действий участников гражданского оборота, так и оказывать влияние на их поведение, включая механизмы принуждения к устранению негативных последствий для прав. В отличие от охраны, защита гражданских прав осуществляется в случаях, когда право уже нарушено или оспаривается.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994 г. — № 32. — ст. 3301.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237.
3. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., — 1992.
4. Юрченко, О. О. Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. — 2004.
5. Судебная статистика РФ — электронный ресурс — URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/gr/t/22/s/31>

Пределы договорной ответственности при перевозке грузов железнодорожным транспортом (на примере ОАО «РЖД»)

Барбашов Михаил Максимович, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Деятельность, связанная с повышенной опасностью, предполагает значительные материальные издержки. Железнодорожная перевозка представляет собой такую форму правоотношений, которая имеет связь с повышенной опасностью не только для субъектов, которые вовлечены в данную отрасль национальной экономики, но и для третьих лиц. В рамках настоящей статьи автором сделана попытка проанализировать специфику ответственности по договорам перевозки грузов на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: договор, перевозка грузов, железнодорожный транспорт, перевозчик, отправитель, ответственность.

Транспортная стратегия, которая была утверждена на прогнозный период до 2035 года [1], говорит о том, что за последние годы в Российской Федерации был увеличен спрос на грузоперевозки. В частности, отмечается

рост грузооборота по всем видам транспорта на 12 %, а по железнодорожному транспорту — на 13 %. При этом средний возраст грузовых вагонов в государстве составляет 12,4 года, а грузовых локомотивов — 24,2 года. Сле-

дует обратить внимание и на то, что загрузка большей части российских железных дорог практически равна предельному показателю эффективного использования пропускной способности, часть железнодорожной инфраструктуры требует ремонта (в настоящее время около 17 %).

Лица, являющиеся профессиональными участниками договорных отношений по осуществлению доставки грузов на железнодорожном транспорте, к которым, несомненно, относится ОАО «РЖД» с учетом всех обозначенных обстоятельств, подвержены императивному воздействию множества нормативных правовых актов.

Для того, чтобы защитить права и законные интересы участников правоотношений, связанных с доставкой грузов железнодорожным транспортом, необходимо обратиться к мерам защиты, среди которых можно выделить:

- 1) страхование ответственности перевозчиков, отправителей и получателей грузов;
- 2) сочетание механизмов ограниченной и повышенной ответственности;
- 3) обеспечение единого правового регулирования в части сумм, которые подлежат уплате перевозчиком;
- 4) упрощение процедуры получения отправителем или получателем груза компенсационных сумм.

При этом в научных трудах достаточно часто ученые высказываются о том, что недопустимым представляется установление максимального предела ответственности для перевозчика в связи с тем, что это создает риск длительного судебного разбирательства по каждому спору, вытекающему из доставки грузов, несвоевременной компенсации нарушений, которые были допущены перевозчиком на железнодорожном транспорте в рамках соответствующего соглашения, создаст риск банкротства для перевозчика [2].

Положительно воспринимается в науке нормативный подход, который предполагает определение средне рационального предела ответственности [3]. Это обусловлено тем, что подобный подход обеспечивает возможность учета интересов каждой стороны и позволяет оптимизировать процессы, протекающие в предпринимательской деятельности, связанной с доставкой грузов.

В свою очередь международные акты достаточно часто говорят о том, что пределы ответственности перевозчика в сфере железнодорожного транспорта ограничены таким размером возмещения, который перевозчик должен уплатить в случае утраты груза. Российский законодатель также склонен к обозначенной точке зрения, развивая ее в нормативных правовых актах.

Осуществляя перевозки на железнодорожном транспорте ОАО «РЖД», будучи перевозчиком, при причинении ущерба грузу должен возместить ущерб в размерах,

установленных ст. 96 УЖТ РФ. Если же ОАО «РЖД» допустит просрочку доставки груза, УЖТ РФ возлагает на него ответственность в форме пеней. Законодатель устанавливает, что размер пени исчисляется из платы за перевозку груза и будет составлять 6 % от нее за каждые сутки просрочки. При этом дополнительно УЖТ РФ ограничивает данный вид ответственности 50 % от общей платы за осуществляемую грузоперевозку.

Те обстоятельства, которые составляют основание для возникновения договорной ответственности ОАО «РЖД», должны быть удостоверены коммерческими актами, актами общей формы или же иными актами, о чем говорит ст. 119 УЖТ РФ. При этом не исключается возможность подготовки таких актов не только в письменной, но и в электронной форме.

Акт, подтверждающий наличие оснований для договорной ответственности ОАО «РЖД», должен быть составлен в следующие сроки:

- 1) в день выгрузки или же в день выдачи груза его получателю — в случаях, когда ОАО «РЖД» осуществляет выгрузку в местах общего пользования;
- 2) в день выгрузки — когда ОАО «РЖД» проводит выгрузку в местах необщего пользования, но при этом сам груз должен быть проверен в процессе выгрузки или же сразу после нее;
- 3) в день обнаружения нарушения — при перемещении груза, то есть в пути следования [4].

Если акт не может быть составлен в обозначенные сроки, его необходимо подготовить в течение следующих суток. Подготовка таких актов осуществляется в 3 экземплярах, которые подготавливают для расследования обстоятельств, для выдачи получателю груза и для ОАО «РЖД».

Таким образом, ОАО «РЖД» в доставке грузов выступает в роли перевозчика. В случае нарушения договорных обязательств по грузоперевозке данный перевозчик несет ответственность в таком размере, который определяется на основании положений ст. 96 УЖТ РФ: по стоимости груза определяется ответственность в случае его утраты или недостачи, по сумме, на которую эта стоимость была снижена, ответственность определяют в случае повреждения или порчи груза. Аналогичные правила предусмотрены в случае грузоперевозки с объявленной стоимостью. Если же ОАО «РЖД» допустит просрочку доставки груза, УЖТ РФ возлагает на него ответственность в форме пеней, которые составляют 6 % за сутки просрочки, но всего не более 50 % платы за перевозку груза. Те обстоятельства, которые составляют основание для возникновения договорной ответственности ОАО «РЖД», должны быть удостоверены коммерческими актами, актами общей формы или же иными актами, о чем говорит ст. 119 УЖТ РФ.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 N 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ, 13.12.2021, N 50 (часть IV), ст. 8613.

2. Кунгурина А. Ю. Защита прав на железнодорожном транспорте // Вестник науки и образования. — 2022. — № 2. — С. 4–11.
3. Зурабишвили Л. К. Форма и содержание договора перевозки груза и пассажиров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 9. — С. 102–104.
4. Приказ Минтранса России от 27.07.2020 N 256 «Об утверждении Правил перевозок грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, содержащих порядок переадресовки перевозимых грузов, порожних грузовых вагонов с изменением грузополучателя и (или) железнодорожной станции назначения, составления актов при перевозках грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, составления транспортной железнодорожной накладной, сроки и порядок хранения грузов, контейнеров на железнодорожной станции назначения» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.10.2020 N 60411) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.10.2020.

К вопросу об ответственности сторон в сфере перевозок грузов железнодорожным транспортом

Барбашов Михаил Максимович, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В рамках настоящей статьи представлен анализ некоторых значимых спорных ситуаций, которые возникают в правоотношениях, обусловленных заключением соглашения на перевозку грузов железнодорожным транспортом. Проведен анализ доктрины и правоприменительной практики относительно вопросов, возникающих в случаях повреждения или утраты грузов, вопросов взыскания убытков при просрочке доставки грузов. Представлены выводы, направленные на совершенствование российского законодательства по данному вопросу.

Ключевые слова: договор, перевозка грузов, железнодорожный транспорт, перевозчик, отправитель, ответственность.

На сегодняшний день перевозки железнодорожным транспортом составляют существенный элемент как российского гражданского оборота, так и мирового. При этом развитие данного института зависит в значительной степени от обеспечения юридической защиты сторонам договора перевозки груза.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в российском законодательстве крайне неоднозначно изложены вопросы ответственности перевозчика в тех случаях, когда последний предоставляет технически неисправные контейнеры для перевозки грузов. Если обратиться к содержанию Устава железнодорожного транспорта России (а именно — к ст. 20), то в нем определено, что обязанность по определению технической пригодности составляет обязанность перевозчика. И именно на него возложена обязанность по замене контейнеров в случае, когда что-либо будет свидетельствовать об их непригодности для осуществления перевозки. Кроме того, данный участник анализируемых гражданских правоотношений должен понести ответственность и в том случае, когда техническая неисправность привела к повреждению или же утрате груза. Но, в то же время, российское законодательство не устанавливает, в какой именно форме перевозчик будет нести ответственность в указанных случаях.

Относительно данного вопроса заслуживает внимания и позиция ранее существовавшего Верховного Арбитражного Суда РФ, который еще в 2005 году отметил, что пе-

ревозчик понесет ответственность и тогда, когда отправитель уже разместил груз в технически непригодном контейнере [1]. По нашему мнению, представленные разъяснения формируют новое основание для ответственности перевозчика, в законодательстве его представлено не было. Но это основание видится некорректным, более логично было бы возлагать в таком случае ответственность на грузоотправителя, ведь именно им было принято решение об осуществлении погрузки, несмотря на техническую непригодность. То есть, по нашему мнению, в ст. 20 Устава железнодорожного транспорта РФ следует включить оговорку, согласно которой ответственность не должна возникать у перевозчика в том случае, когда отправитель совершил погрузку и должен был знать об имеющейся технической непригодности для перевозки.

При этом, например, Г. А. Моргунова отмечает, что для договора перевозки грузов железнодорожным транспортом значимой является не только техническая, но и коммерческая пригодность. Эти термины автор соотносит как общее и частное, то есть если отсутствует техническая пригодность, то не представляется возможным говорить и о коммерческой пригодности [2]. При этом в контексте настоящей статьи коммерческую пригодность мы будем рассматривать в качестве состояния соответствия той категории грузов, перевозка которой запланирована железнодорожным транспортом. Особенность же российского законодательства применительно к коммер-

ческой пригодности проявляется в том, что уже на текущий момент из Устава железнодорожного транспорта РФ усматривается, что в случаях, когда отправителю было заранее известно о коммерческой непригодности контейнеров, перевозчик не несет ответственности за повреждение или же утрату груза.

Но на практике достаточно часто коммерческая непригодность скрыта, когда обязанности отправителя состоят в проверке представленного к перевозке контейнера на явные неисправности. То есть достаточно важным моментом является то, что ответственность снимается с перевозчика лишь тогда, когда отправитель при должной осмотрительности должен был осознавать недостатки контейнера, представленного для железнодорожной перевозки.

Следует отметить, что при перевозках грузов железнодорожным транспортом не исключается и ситуация, при которой контейнеры под погрузку предоставляет третье лицо, а не перевозчик. В данном случае непригодность к перевозке должна быть представлена в письменной форме для каждого из участников рассматриваемых гражданских правоотношений [3]. Подобную норму видится логичной закрепить и в том случае, когда контейнеры предоставляются самим перевозчиком. Включение подобной нормы в российском законодательстве видится логичным по той причине, что это обеспечит упрощение доказывания по спорам, связанных с вопросами пригодности контейнеров, предоставленных под железнодорожную перевозку, и с вопросами повреждения и утраты грузов во время этих перевозок. Кроме того, следует изменить правовые нормы, изложенные в Уставе железнодорожного транспорта РФ таким образом, чтобы осмотр контейнеров перед погрузкой воспринимался не в качестве права отправителя, а в качестве его непосредственной обязанности.

Не менее сложной в рамках рассматриваемых правоотношений является ситуация просрочки исполнения обязательства перевозчиком. Если обратиться к ст. 97 Устава железнодорожного транспорта РФ, то в ней отражено, что в случае просрочки перевозки у участника на стороне перевозчика возникает ответственность в форме пени. Размер этой санкции урегулирован законодательством (не менее 6 % от стоимости перевозки за 1 день, но не более 50 % всей оплаты по заключенному соглашению). Исключается такая форма ответственности лишь в ситуациях, которые обозначены ст. 29 Устава железнодорожного транспорта РФ.

Но в некоторых ситуациях на практике пеня составляет недостаточно эффективный инструмент защиты прав отправителя. Это обусловлено законодательным ограничением размеров взыскиваемой пени. Как правило, отправитель груза является не только участником рассматриваемых гражданских правоотношений, но и участником иных обязательственных правоотношений (например, он может выступать на стороне поставщика каких-либо товаров). В таких ситуациях доставка грузов

позже обозначенного срока приводит к возникновению у заказчика права требовать возмещения убытков, так как ошибки в перевозке не составляют основание для исключения ответственности отправителя груза, выступающего в иных правоотношениях. Логичным в данном случае является вопрос о том, вправе ли отправитель груза требовать от перевозчика возмещение всего объема убытков, которые были понесены.

Если анализировать содержание Устава железнодорожного транспорта РФ, то в нем не обозначено никаких иных мер ответственности на случай просрочки доставки груза, за исключением пени. Более конкретного ответа на рассматриваемый вопрос не представлено и в рамках Гражданского кодекса РФ. По этой причине защита интересов отправителя груза основывается на общих нормах российского гражданского законодательства.

В целом по данному вопросу представляется возможным выделить 2 точки зрения. Согласно одной из них, взыскание убытков видится возможным на основании норм гражданского права, а вторая состоит в том, что ответственность в таком случае возможна лишь в строгом соответствии с положениями Устава железнодорожного транспорта РФ. Так, например, Н. А. Духно говорит о том, что ответственность возможна в форме штрафа и пеней [4].

Обратимся к судебной практике. В частности, заслуживает внимания постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа, вынесенное в 2022 году. В нем отмечено, что отсутствие в специальном законодательстве упоминания о возможности взыскания убытков не лишает отправителя груза права истребовать какое-либо возмещение, помимо пеней. Суд пришел к выводу, что отправитель груза вправе заявлять требование о взыскании убытков на основании ст. 393 ГК РФ [5].

Важно отметить то, что к соответствующему выводу пришел суд кассационной инстанции. Тот же орган судебной власти, в котором дело находилось по первой инстанции, неправильно применил положения законодательства по вопросам перевозки, в связи с чем был сделан вывод о невозможности заявления требования о взыскании убытков. Видится более корректной в данном споре позиция именно кассационного суда, в связи с чем ст. 97 Устава железнодорожного транспорта следует дополнить нормой, в соответствии с которой взыскание пеней не исключает обязанности перевозчика возместить все убытки, которые были понесены отправителем груза.

Таким образом, действующее на сегодняшний день законодательство не в полной мере регулирует вопросы ответственности участников договора перевозки грузов железнодорожным транспортом, в первую очередь, речь идет об Уставе железнодорожного транспорта РФ. В частности, можно отметить отсутствие баланса ответственности перевозчика и отправителя грузов при использовании технически непригодных контейнеров, а также отсутствие указания на то, что взыскание пеней не ограничивает отправителя в возможности реализации права на взыскание убытков, обусловленных просрочкой доставки груза.

Литература:

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.10.2005 N 30 (ред. от 01.07.2010) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 1.
2. Моргунова Г. А. Перевозка грузов в контейнерах железнодорожным транспортом. — М.: Юридический институт [электронный ресурс]. — Режим доступа: https://miit.ru/content/Содержимое.pdf?id_vf=11657 (дата обращения: 30.06.2023).
3. Приказ Минтранса России от 27.07.2020 N 256 «Об утверждении Правил перевозок грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, содержащих порядок переадресовки перевозимых грузов, порожних грузовых вагонов с изменением грузополучателя и (или) железнодорожной станции назначения, составления актов при перевозках грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, составления транспортной железнодорожной накладной, сроки и порядок хранения грузов, контейнеров на железнодорожной станции назначения» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.10.2020 № 60411) // СПС КонсультантПлюс.
4. Духно Н. А. Транспортное право: учебник для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — С. 303.
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.11.2022 N Ф03–5721/2022 по делу N А73–5825/2022 // СПС КонсультантПлюс.

Некоторые аспекты правоспособности некоммерческих организаций

Бокова Мария Николаевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В последние годы значительно возросла роль и влияние общественных организаций на многие сферы жизни общества: экономическую, социальную, духовную, культурную, политическую и другие. Тем не менее, некоторые вопросы их правового положения в системе юридических лиц остаются неурегулированными, это препятствует развитию, стабильности, прозрачности и эффективности деятельности некоммерческих организаций. В данной статье рассматриваются вопросы, которые касаются правосубъектности и правоспособности некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность без образования юридического лица. Особое внимание уделяется их положению в гражданском обороте Российской Федерации. Проведен краткий анализ законодательства. Представлен перечень организационно-правовых форм общественных объединений, которые согласно закону вправе осуществлять деятельность при отсутствии государственной регистрации. В статье приведены предусмотренные законом основания и последствия принятия такого решения.

Ключевые слова: некоммерческая организация, общественное объединение, государственная регистрация, юридическое лицо, специальная правосубъектность, правоспособность, вид деятельности.

В системе юридических лиц Российской Федерации некоммерческая организация представляет собой особый вид юридического лица, деятельность которого не направлена на извлечение прибыли. Гражданский кодекс РФ в статье 50 определяет некоммерческую организацию как юридическое лицо, не имеющее основной целью своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющее полученную прибыль между участниками. [2] Аналогичное определение дает Федеральный закон «О некоммерческих организациях», который определяет особенности гражданско-правового положения некоммерческих организаций отдельных организационно-правовых форм, видов и типов некоммерческих организаций, определяет порядок их создания и деятельности на территории Российской Федерации. [12]

Виды разрешенной законом деятельности некоммерческих организаций определяются широким кругом органи-

зационно-правовых форм, ключевыми характеристиками их гражданско-правового статуса, многообразием целей, зафиксированных учредительными документами и Уставами. Главным условием осуществления выбранного вида деятельности является его закрепление в Уставе организации, утвержденном учредителями.

Общие формулировки, приведенные в законе, не конкретизирующие направления и количество видов деятельности общественных организаций, оставляющих этот перечень открытым, дают законодателю возможность их развития в специальном законодательстве об отдельных видах НКО. Пункт 1 статьи 50 ГК РФ содержит четкое указание на то, что независимо от вида НКО, ее деятельность должна соответствовать целям, предусмотренным учредительными документами организации. [2]

Таким образом, не является закрытым установленный законодателем перечень целей, для достижения которых

создана некоммерческая организация, также как и перечень видов деятельности, осуществляемой для реализации поставленных целей. Право определять исчерпывающий перечень целей и видов деятельности делегировано учредителям организации.

В соответствие с законом, НКО могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. [12]

Исходя из перечисленных целей, приведем некоторые основные виды деятельности НКО:

- социальное обслуживание, поддержка и защита;
- охрана окружающей среды и защита животных;
- охрана объектов исторического, культурного значения, ценных природных ландшафтов;
- оказание юридической помощи;
- благотворительность и волонтерство;
- патриотическое воспитание;
- увековечение памяти жертв политических репрессий;

Для понимания сущности НКО, их важности для общества, возможности дать правовую характеристику организации необходимо определить их правосубъектность.

Подчеркнем, что правосубъектность некоммерческих организаций является специальной, это обусловлено тем, что НКО вправе осуществлять только ту деятельность, которая соответствует целям создания организации и должна быть отражена в учредительных документах. В свою очередь, цели создания определяют объем специальной правосубъектности и ее структурного элемента — правоспособности, каждой конкретной организации. То есть объем специальной правосубъектности у разных некоммерческих организаций различен, он определяется для каждой конкретной организации и регулируется законом. [3]

Именно цель создания определяет объем специальных правомочий и предмет, то есть совокупность видов деятельности, в рамках которого субъект приобретает те или иные права и обязанности. Статья 49 Гражданского кодекса РФ определяет цель и вид деятельности НКО как два необходимых критерия способности иметь гражданские права и нести обязанности.

Следует иметь в виду, что получение некоммерческой организацией лицензии не свидетельствует о наличии специальной правоспособности для осуществления лицензируемого вида деятельности, если он отсутствует в учредительных документах. Специальная правоспособность подразумевает, что все виды деятельности, которыми организация планирует заниматься, должны быть прямо прописаны в уставе. В случаях с некоммерческими организациями, специальная правосубъектность и правоспособность выступают как ограничение на осуществление

видов деятельности, не зафиксированных учредительными документами.

В то же время, если в учредительных документах предусмотрены виды деятельности, которые могут осуществляться только при наличии лицензии, получение такой лицензии выполняет роль наделения этих субъектов специальной исключительной правоспособностью. Только в этом случае они становятся полноценными участниками гражданского оборота и полноценными субъектами права. [14]

Пределы правоспособности определяют участие НКО в гражданских правоотношениях. Поскольку вопрос о пределах и содержании правоспособности определяет правомерность действий некоммерческой организации, он остается актуальным и сейчас. Содержание правосубъектности может быть различным и зависит от области общественных отношений, в которых участвует субъект. Все аспекты правосубъектности исчерпывающим образом определяются в учредительных документах организации. Специальная правосубъектность и специальная правоспособность — это одно из главных отличий некоммерческой организации от коммерческой.

Как считает В. А. Потоцкий: «Правосубъектность — одно из основополагающих правовых понятий науки гражданского права, характеризующее правовое положение того или иного субъекта гражданских правоотношений, определяющая способность субъекта быть участником этих отношений. Участие некоммерческой организации в гражданских правоотношениях возможно лишь при наличии признаваемой и представляемой государством правосубъектности. Несмотря на то, что в гражданском законодательстве термин «правосубъектность» не употребляется, однако в научной литературе данная категория широко используется». [9, с. 106]

В российском гражданском законодательстве термин «правосубъектность» употребляется крайне редко и не имеет определения. Так статья 5 Кодекса административного судопроизводства от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ определяющая административную процессуальную правоспособность, дееспособность и правосубъектность, понятие «правосубъектность» не раскрывает. И термин «административная процессуальная правосубъектность» приводит только в отношении иностранных и международных организаций. [5] По мнению теоретиков и некоторых специалистов различных отраслей юридического права, этот термин не нуждается в законодательном закреплении, как утвердившийся в международных актах о правах и признанный одной из базовых категорий любой правовой системы. [6]

Однако при использовании данного термина в действующем законодательстве России представляется логичным и обоснованным его законодательное закрепление, в том числе и для определения специальной правосубъектности. Под правосубъектностью в общей теории права понимается юридическое качество лица или организации (субъекта права), позволяющее ему участвовать в правоотношениях. Правосубъектность — это признаваемая

государством способность лица или организации быть субъектом правовых отношений. [10]

Иначе говоря, правосубъектность — это способность юридического лица иметь права и обязанности, быть субъектом гражданско-процессуальных и иных правоотношений. Которая, как правило, возникает с момента государственной регистрации юридического лица и включения его в реестр, а заканчивается с внесением записи в реестр юридических лиц о его исключении.

Неотъемлемым элементом структуры правосубъектности является правоспособность. При этом необходимо помнить, что правоспособность некоммерческих организаций как элемент правосубъектности также является специальной.

Таким образом, момент возникновения правоспособности юридического лица определяется датой его государственной регистрации. Этот момент знаменует собой начало законной и полноценной уставной деятельности, когда юридическое лицо может заключать договоры, участвовать в судебных разбирательствах и совершать другие юридически значимые действия. Однако с момента регистрации также наступает ответственность юридического лица за свои действия перед обществом и государством.

Возвращаясь к вопросу об установленных Федеральным законом «О некоммерческих организациях» организационно-правовых формах, в которых могут существовать некоммерческие организации, приведем их перечень:

- общественные и религиозные организации (объединения),
- общины коренных малочисленных народов РФ,
- казачьи общества,
- фонды,
- государственные корпорации и компании,
- автономные некоммерческие организации,
- учреждения,
- адвокатские образования,
- ассоциации, союзы, некоммерческие партнерства.

В аспекте исследуемого вопроса, интерес вызывает такая форма некоммерческой организации как общественные организации (объединения). Отношения, возникающие с реализацией прав на свободное объединение граждан, гарантированных ст. 30 Конституции РФ, и последующая деятельность таких объединений регулируются Федеральным законом «Об общественных объединениях». [11] В соответствии с которым вправе не осуществлять государственную регистрацию юридического лица объединения граждан, созданные в следующих формах:

- общественная организация,
- общественное движение,
- общественный фонд,
- общественное учреждение,
- орган общественной самодеятельности.

Исключением являются политические партии, союзы и ассоциации общественных объединений, государственная регистрация которых обязательна.

Закон прямо устанавливает право общественных объединений функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица, абзац четвертый статьи 3 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». [11]

Таким образом, в действующем законодательстве создана правовая коллизия, когда правосубъектность и правоспособность организаций возникают без прохождения процедуры государственной регистрации в качестве юридического лица.

И что важно, это обстоятельство актуализирует вопрос правоприменения терминов «правосубъектность» и «правоспособность». Поскольку вопрос их «слияния», что часто происходит на практике, имеет негативные последствия для лиц, осуществляющих в соответствии с законом, деятельность без образования юридического лица. [1]

Следовательно, отличительной чертой некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в форме общественных объединений, является их свойство приобретать правосубъектность и правоспособность без осуществления государственной регистрации.

Кодекс административного судопроизводства в статье 5 закрепляет сделанный вывод, указывая, что в административном судопроизводстве способность осуществлять процессуальные права, нести и исполнять процессуальные обязанности признается за общественными объединениями не являющимися юридическими лицами. [5]

Заметим, что особенности конституционного статуса общественных объединений подлежат применению независимо от наличия или отсутствия у них прав юридических лиц. Следует подчеркнуть, что судебная практика исходит из приоритетности конституционного статуса общественных объединений и закрепляющих его положений по отношению к гражданско-правовому статусу и нормам Гражданского кодекса РФ. Так Верховный Суд Российской Федерации указал: отсутствие у общественного объединения, созданного в форме органа общественной самодеятельности (в данном случае территориального общественного самоуправления), статуса юридического лица не может являться препятствием для реализации им права на судебную защиту. [4] Однако случаи такого правоприменения крайне редки в российской судебной практике.

На протяжении последних лет численность общественных объединений, осуществляющих деятельность без образования юридического лица, неуклонно растет. Как показывают проведенные опросы, многие общественные объединения работают как «коллективные субъекты», не имея государственной регистрации. Однако в силу закона, такие субъекты значительно ограничены в правах по сравнению с юридическими лицами.

В закон «О некоммерческих организациях» были внесены изменения, согласно которым с 1 июня 2024 года некоммерческая организация больше не обязана иметь печать, теперь это ее право. Закон «Об общественных объ-

единениях» предписывает четко формулировать цели организации в ее уставе. Одновременно с принятием устава происходит формирование руководящих органов организации. Указанные требования в полной мере относятся к общественным объединениям, принявшим решение об осуществлении деятельности без образования юридического лица. Таким образом, полномочия избранных руководителей считаются легитимными. [11]

Исходя из вышеизложенного, предлагается рассмотреть возможность законодательного закрепления за общественными организациями, осуществляющими свою деятельность без государственной регистрации, следующих прав: заключать договоры; открывать счета в банках; выступать в суде в качестве истцов и ответчиков, а также нести соответствующие обязанности.

Сложившаяся практика, основанная на действующем законодательстве, безусловно актуализирует вопросы

правосубъектности и правоспособности общественных объединений, функционирующих в отсутствие статуса юридических лиц, а также момент их образования.

Исследуемая тема недостаточно изучена в российской юридической теории и практике. В настоящее время существуют ограничения, которые можно рассматривать как нарушение прав граждан на объединение и свободу действий таких объединений. Законодатель не дает четкого ответа на вопрос, являются ли они полноценными субъектами гражданского права. Для решения этой задачи необходимо продолжить исследования и разработать правовой механизм, который будет регулировать деятельность организаций, не имеющих статуса юридического лица, в целях повышения эффективности и прозрачности работы некоммерческих организаций, а также для обеспечения защиты прав этих объединений и их полноценного участия в гражданском обороте.

Литература:

1. А. В. Габов. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 2 Виды юридических лиц в российском законодательстве / А. А. Аюрова, О. А. Беляева, М. М. Вильданова [и др.]; отв. ред. А. В. Габов. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2022—352 с. — DOI 10.12737/17050
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1. Принят Федеральным законом от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в редакции Федерального закона от 13 июня 2023 г. N 235-ФЗ) [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Гарант-Мастер. (Дата обновления 28.12.2024)
3. Грднева О. В. Правособственности некоммерческих организаций: общая характеристика // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-sobstvennostinekommercheskih-organizatsiy-obschaya-harakteristika>
4. Кассационное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 3 июня 2020 г. N 84-КА20-1 // [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Гарант-Мастер. (Дата обновления 28.12.2024)
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ // [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Гарант-Мастер. (Дата обновления 28.12.2024)
6. Кузнецов С. В., Хасимова Л. Н. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-pravosubektnosti-v-obschey-teorii-prava-osnovnye-podhody-i-vzglyady>
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС17-22541 по делу № А40-226692/2016 [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Гарант-Мастер. (Дата обновления 28.12.2024)
8. Письмо Минфина России от 20 октября 2023 г. N 24-01-07/100177 «Об отказе в принятии жалобы к рассмотрению при отсутствии у участника закупки специальной правоспособности. URL: <https://mobileonline.garant.ru/#/document/407859849/paragraph/2/doclist/1301/1/>
9. Потоцкий В. А. Правосубъектность некоммерческих организаций / В. А. Потоцкий. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 11 (353). — С. 106–111. URL: <https://moluch.ru/archiv/353/79072/> (дата обращения: 14.09.2023).
10. Субъекты права — участники правовых отношений. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/formy_pravovyh_otnosheniy/subekty_prava_uchastniki_pravovyh_otnosheniy/
11. Федеральный закон от 19.05.1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в редакции Федерального закона от 19 декабря 2022 г. N 535-ФЗ) [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Гарант-Мастер. (Дата обновления 28.12.2024)
12. Федеральный закон от 12.01.1996г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в редакции Федерального закона от 14 апреля 2023 г. N 119-ФЗ) [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Гарант-Мастер. (Дата обновления 28.12.2024)

13. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в редакции Федерального закона от 12 июня 2023г. N 204-ФЗ) [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Гарант-Мастер. (Дата обновления 28.12.2024)
14. Упоров И. В. Взаимосвязь лицензирования и правоспособности юридических лиц теоретико-практический аспект // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-litsenzirovaniya-i-pravospobnosti-yuridicheskikh-lits-teoretiko-prakticheskiiy-aspekt>

Правовые аспекты аэронавигационного обслуживания полетов беспилотных воздушных судов в Российской Федерации

Голиков Михаил Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Винниченко Олег Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются правовые аспекты определения беспилотных воздушных судов на территории Российской Федерации. Подробно рассматривается вопрос регулирования сборов за аэронавигационное обслуживание полетов беспилотных летательных аппаратов. Указан ряд несовершенств нормативного правового акта, регулирующего взимание платы за аэронавигационное обслуживание. Дана оценка необходимости правовой регламентации установления сборов за аэронавигационное обслуживание беспилотных воздушных судов массой до 30 кг.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, правовое регулирование, аэронавигационное обслуживание, аэронавигационный сбор, правовая регламентация.

Legal aspects of air navigation services for unmanned aerial vehicles in the Russian Federation

The article discusses the legal aspects of the definition of «unmanned aircraft» in the Russian Federation. The issue of regulating payment for air navigation services for flights of unmanned aerial vehicles is being considered in detail. A number of disadvantages are indicated in the legal act regulating the collection of payments for air navigation services. An assessment is given of the need for legal regulation of the establishment of payments for air navigation services for unmanned aircraft weighing up to 30 kg.

Keywords: unmanned aircraft, legal regulation, air navigation service, air navigation payment.

Беспилотные воздушные суда являются на сегодняшний день новым этапом развития мировой и отечественной авиации. Компактные, обладающими превосходными летно-техническими характеристиками, беспилотные летательные аппараты являются универсальными ассистентами во многих сферах деятельности: транспортная сфера, сельское хозяйство, контрольная (надзорная) деятельность и т. д. Стоит подчеркнуть, что перечень выполняемых задач при помощи беспилотных воздушных судов расширяется на регулярной основе ввиду простоты и экономической выгоды их использования, возрастает популярность эксплуатации беспилотных летательных аппаратов у граждан (в личных целях) и организаций (в интересах бизнеса), поэтому применение беспилотников должно быть законодательно урегулированным в полном объеме.

Что такое БВС в контексте воздушного законодательства? Ответ на этот вопрос регламентирует п.5 ст. 32 «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997

N 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024), законодатель приводит легальное определение «Беспилотное воздушное судно — воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)». На рис. 1 представлен наиболее распространенный тип БВС — «квадрокоптер», владельцами которого являются, преимущественно, физические лица.

Обратимся к проблеме аэронавигационного обслуживания полетов беспилотных воздушных судов в Российской Федерации. П.1 ст.69 ВЗК РФ: «Аэронавигационное обслуживание полетов воздушных судов (организация воздушного движения, радиотехническое обеспечение полетов, включая обеспечение авиационной электро-связи, предоставление аэронавигационной и метеорологической информации, поиск и спасание), а также светотехническое, инженерно-авиационное, аэродромное, аварийно-спасательное и другое обеспечение полетов воздушных судов, в том числе предоставление постав-

Рис. 1. Квадрокоптер DJI Mavic 3 Classic

щиком услуг по обслуживанию линий управления беспилотными авиационными системами и контроля беспилотных авиационных систем, **осуществляется на единообразных условиях с взиманием платы**, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации». Следует акцентировать внимание на наличие факта регулирования (на уровне Федерального закона) законодателем предоставления услуг по аэронавигационному обслуживанию на условиях возмездной платы, причем, на паритетных условиях. В связи с этим, предлагаем рассмотреть «Приказ Минтранса РФ от 27.04.2024 N 149 (вступает в силу с 01.03.2025)», детально регламентирующий установление и взимание аэронавигационных сборов:

«23. Сбор за аэронавигационное обслуживание на маршрутах обслуживания воздушного движения и на маршрутах полета устанавливается за аэронавигационное обслуживание полетов воздушных судов в воздушном пространстве, обеспеченном диспетчерским обслуживанием (в воздушном пространстве класса А и класса С), на воздушных трассах, маршрутах зональной навигации, местных воздушных линиях, а также вне маршрутов обслуживания воздушного движения и в воздушном пространстве свободной маршрутизации, включая оказание (выполнение) следующих услуг (работ):

- 1) организация воздушного движения;
- 2) планирование и координирование использования воздушного пространства;
- 3) предоставление средств радиотехнического обеспечения полетов, включая обеспечение авиационной электросвязи;
- 4) аварийное оповещение и координация полетов при проведении поисковых и аварийно-спасательных работ;
- 5) передача экипажам оперативной аэронавигационной информации и изменений в аэронавигационной обстановке;
- 6) обеспечение функционирования органов обслуживания воздушного движения на запасных аэродромах;
- 7) обеспечение дежурств и тренировочных полетов поисково-спасательных воздушных судов и их экипажей;
- 8) сбор, обработка, передача и предоставление метеорологической информации, включая передачу экипажам

метеорологической информации на этапе подготовки к полету, в том числе в электронном виде.

25. Сбор за аэронавигационное обслуживание на маршрутах обслуживания воздушного движения и на маршрутах полета устанавливается на 100 километров расстояния, рассчитанного по ортодромии по маршруту полета, дифференцированно для внутренних и международных полетов и по максимальной взлетной массе воздушных судов:

- 1) от 0,03 тонн включительно до 2 тонн включительно;
- 2) свыше 2 тонн до 5 тонн 700 килограмм включительно;
- 3) свыше 5 тонн 700 килограмм до 20 тонн включительно;
- 4) свыше 20 тонн до 50 тонн включительно;
- 5) свыше 50 тонн до 100 тонн включительно;
- 6) свыше 100 тонн до 200 тонн включительно;
- 7) свыше 200 тонн до 300 тонн включительно;
- 8) свыше 300 тонн до 400 тонн включительно;
- 9) свыше 400 тонн.

Проводя исследование пункта 23 «Приказ Минтранса РФ от 27.04.2024 N 149», следует обратить внимание на многообразие предоставляемых услуг, которые включены в комплексный термин «аэронавигационное обслуживание». Пунктом 25 «Приказ Минтранса РФ от 27.04.2024 N 149» регламентированы основные категории воздушных судов, для которых, дифференцированно, установлен аэронавигационный сбор. Стоит подчеркнуть, что законодатель устанавливает сбор, начиная с категории воздушных судов максимальной взлетной массы 0,03 т (куда входят беспилотные воздушные суда массой 30 кг и более, внешние пилоты которых входят в категорию лиц авиационного персонала и имеют свидетельство).

Возникает вопрос, каким образом возможно урегулировать установление сборов для самой распространенной категории беспилотных воздушных судов массой от 125 г до 30 кг, которая не включена в перечень законодателем? Следует отметить, что деятельность по использованию воздушного пространства такими аппаратами осуществляется посредством установления временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений (представления на установление временного

и местного режимов подаются пользователями воздушного пространства в соответствии с Инструкцией по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений, утвержденной приказом Минтранса России от 27.06.2011 № 171). Как пользователю воздушного пространства (в рассматриваемом случае — внешнему пилоту беспилотного воздушного судна) следует оплачивать предоставленную аэронавигационную услугу? За время, на которое будет «зарезервирована» зона ограничений для выполнения полета такого пользователя воздушного пространства? Или за пройденное расстояние в зоне ограничений, что, в большинстве случаев, невозможно объективно установить, ввиду особенностей ра-

боты системы наблюдения обслуживания воздушного движения и, зачастую, малой высотой полета таких беспилотных летательных аппаратов? На сегодняшний день указанные аспекты законодательно не установлены. Полагаем, что рассмотрение возможности разработки методики расчета, установления и правовой регламентации аэронавигационных сборов для беспилотных воздушных судов массой от 125 г до 30 кг, будет являться положительным шагом на пути к развитию аэронавигационной отрасли, поскольку, благодаря установлению (даже незначительной) суммы сбора,кратно улучшится финансово-экономическое состояние аэронавигационной системы, а государство, в свою очередь, получит в бюджет дополнительные средства.

Литература:

1. «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.05.2023). // [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ (дата обращения 23.01.2025)
2. Приказ Минтранса России от 27.06.2011 N 171 (ред. от 10.08.2017) «Об утверждении Инструкции по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.07.2011 N 21481) // [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117641/ // (дата обращения 23.01.2025).
3. Приказ Минтранса России (Министерство транспорта РФ) от 27 апреля 2024 г. № 149 «Об утверждении Порядка аэронавигационных и аэропортовых сборов, тарифов за обслуживание воздушных судов в аэропортах и воздушном пространстве Российской Федерации и взимания рассчитанной на их основе платы с юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, осуществляющих коммерческие воздушные перевозки авиационные работы, полеты авиации общего назначения, организаций экспериментальной и государственной авиации и с осуществляющих деятельность в соответствии со статьей 63 Воздушного кодекса» — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409013434/> // (дата обращения 23.01.2025)

Правовые аспекты муниципального управления в условиях цифровизации

Григорьев Максим Викторович, студент;
Шевченко Элеонора Сергеевна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В данной работе детально рассмотрены процессы цифровизации как комплексной трансформации традиционных методов работы органов муниципального управления, правового закрепления и регулирования данной деятельности в рамках осуществления муниципального управления. Детально изучены пути разрешения проблем, рекомендации по оптимизации и повышению эффективности данной деятельности.

Ключевые слова: цифровизация, муниципальное управление, моносервисы, стандартизированные информационные системы, электронный документооборот, искусственный интеллект.

Legal aspects of municipal governance in the context of digitalization

Grigoriev Maxim Viktorovich, student;
Shevchenko Eleonora Sergeevna, student
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar)

This paper examines in detail the processes of digitalization as a complex transformation of traditional methods of work of municipal government bodies, legal consolidation and regulation of this activity within the framework of municipal government. The ways of solving problems, recommendations for optimizing and improving the efficiency of this activity are studied in detail.

Keywords: digitalization, municipal management, mono-services, standardized information systems, electronic document management, artificial intelligence.

В настоящее время, когда все сферы жизни общества постепенно модернизируются, в рамках реализации и массового использования цифровых разработок и новшеств, упрощается механизм взаимодействия граждан с государственными органами и представителями местного самоуправления, уменьшается время, необходимое на выполнение определённых действий. С каждым днём наши повседневные дела (такие как покупки продуктов, бытовых приборов, вещей и т. д.) перетекают в электронный формат, в так называемое информационное поле. Конечно, не исключением в этом процессе является государственная, муниципальная власть. На данном пути важным этапом является перевод государственных, муниципальных услуг в новый формат- цифровой. Цифровизация осуществляется по двум взаимосвязанным направлениям- быстрое и комплексное решение задач и вопросов, возникающих у граждан, различных видов бизнеса и создание специальных цифровых платформ, суперсервисов, так называемых моносервисов.

В наших реалиях существует достаточно большое количество цифровых технологий (искусственный интеллект, блокчейн), которые напрямую открывают новые перспективы развития, изменения самой сути работы органов местного самоуправления. Именно новые технологии позволят модернизировать деятельность данной системы, создать единую информационную среду в рамках специальных интернет-площадок, обеспечив при этом непрерывную прямую и обратную связь граждан с органами и должностными лицами, наделёнными полномочиями по осуществлению муниципального управления. Но как мы знаем, процесс цифровизации при всех его положительных аспектах имеет и отрицательные стороны, а значит необходимо создать правовое поле, регламентирующее данную сферу деятельности.

Стоит отметить, что процесс активной цифровизации в нашей стране начался в распространения заболевания COVID-19 (с 2020 года), ключевую роль сыграли установление ограничений на передвижения граждан, существенно усугубившее непосредственное общение и взаимодействие должностных лиц органов местного самоуправления с гражданами [1]. В результате возникших сложностей были созданы специальные способы дистанционного (электронного) взаимодействия. Именно в этот период были созданы предпосылки активного использования в данной сфере IT-форм, участие в онлайн-мероприятиях.

Главной проблемой является отсутствие конкретного нормативно-правового акта, который регламентировал бы данную деятельность. Косвенное упоминание об данном развитии и распространении информации о деятельности органов местного самоуправления есть в статье 13 Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ

«Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [2], а также в Распоряжении Правительства РФ от 22.10.2021 года № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления [3]. При этом существует достаточно большое количество актов субъектов РФ, регулирующих аспекты цифровизации, что в свою очередь только усложняет деятельность по единому осуществлению муниципального управления, приводя к вариативности подходов.

Выделим некоторые сложности, возникающие в рамках реализации и правового обеспечения деятельности органов муниципального управления:

1. Отсутствие единого федерального закона. Мы видим, что законодательство регламентирующее данное направление отсутствует, некоторые аспекты содержатся в различных нормативно-правовых актах, что вызывает разрозненность интерпретации, применения норм права. Для решения этого вопроса необходимо разработать единый нормативно-правовой акт, в котором будут прописаны нормы права для данной деятельности;

2. Процесс цифровизации достаточно сложный, он затрагивает различные сферы жизни общества, именно поэтому приходится в рамках осуществления деятельности органов местного самоуправления обращаться к различным законам, таким как: ФЗ «О персональных данных» [4], «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5] и т. д. Решение данной проблемы будет создание единого свода законов, в котором будет ясно и четко прописаны все нормативно-правовые акты, регулирующие процесс цифровизации;

3. При этом важной проблемой является быстрое изменение, введение новых технологий, за которыми законодательство не успевает обновляться, что создаёт так называемые «правовые вакуумы», вызывающие трудности для муниципалитетов. Во избежание описанного выше явления можно предпринять меры по разработке механизмов быстрого реагирования на возникающие изменения в технологиях.

Можно также выделить проблемы, связанные с внедрением и непосредственным использованием цифровых технологий в рамках деятельности по осуществлению муниципального управления:

1. Введение электронного документооборота, хоть и облегчает работу данных органов, уменьшает затрачиваемое время граждан на обращение к должностным лицам органов муниципальной власти, требует внедрение соответствующих информационных систем, также нередко возникает вопрос о правовой силе используемых документов. При решении этого вопроса необходимо разработать и внедрить стандартизированные информа-

ционные системы, обеспечивающие надежную защиту персональных данных, в целом электронного документооборота;

2. Необходима соответствующая квалификация, подготовленность кадров для работы в данном цифровом пространстве. Для решения такой проблемы нужно расширить возможности обучения граждан, переподготовки кадров, для основания новых технологий, осуществления трудовой деятельности в информационном пространстве;

3. Возникает также нехватка финансирования данной деятельности, так требуются значительные затраты на кибербезопасность, недопущения утечки данных о гражданах, личной и конфиденциальной информации;

4. Нет единой правоприменительной практики по реализации деятельности в рамках цифрового поля, что создает трудности по её реализации для муниципалитетов. Необходимо разработать методические рекоменда-

ции, с учётом специфики различных органов местного самоуправления. Как вариант создать единый центр компетенций по осуществлению цифровизации органов муниципального управления, разработке стандартов и оказанию консультационной поддержки.

Таким образом, правовые аспекты цифровизации деятельности муниципального управления сложная область, требующая значительной модернизации, детального правового регулирования, систематического совершенствования в виду динамичного развития и усовершенствования используемых в данной области информационных технологий. Достижения успешной цифровизации муниципального управления зависит от реализации комплексного подхода, включающего как технологические, так и правовые аспекты. Только при их совокупности возможно достичь положительный результат в работе органов муниципальной власти.

Литература:

1. Липчанская М. А., Чаннов С. Е. Правовое обеспечение цифровой трансформации местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2(64). С. 239–253. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-239-253. — URL: file:///C:/Users/user/Downloads/pravovoe-obespechenie-tsifrovoy-transformatsii-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-perspektivy.pdf (дата обращения: 06.12.2024);
2. Об общих принципах организации местного самоуправления: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3833;
3. Овчинников И. И. Муниципальное право: учебник и практикум для вузов. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 432 с.;
4. Масалаб А. Ф. Проблемы развития государственного контроля и надзора в контексте реформы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2020. — № 4. — С. 94–101;
5. Распоряжение Правительства РФ от 22 октября 2021 г. N 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.12.2024 г.);
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 35. Ст. 289.;
7. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 08.07.2024). Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 86. Ст. 315.;
8. Бельчик А. М., Павлов Н. В. Правовые аспекты государственного и муниципального управления // Закон и право. — 2022. № 4. — С. 29–31;
9. Павлов Н. В., Овчинников Е. Б., Пуликов В. Г. Полномочия Правительства РФ в особых условиях, связанных с пандемией COVID-19 // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 8 (159). — С. 137–139;
10. Павлов Н. В. Правовое регулирование муниципального управления: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Краснодар, 2002. — 191 с.

Гражданско-правовая ответственность участников, осуществляющих предпринимательскую деятельность: общая характеристика

Гужова Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье проводится углублённое исследование гражданско-правовой ответственности участников, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в условиях современной правовой системы. Анализируются основные теоретические аспекты, такие как природа и функции гражданско-правовой ответственности, а также ключевые практи-

ческие вопросы её применения в хозяйственной деятельности. Рассматриваются особенности договорной и деликтной ответственности, условия их наступления и специфика правоприменения в различных отраслях предпринимательства. Особое внимание уделено роли страхования ответственности и проблемам доказательной базы в судебной практике. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства и повышению эффективности правоприменительной практики. Работа ориентирована на широкий круг читателей, включая юристов, предпринимателей, студентов юридических специальностей и всех, кто интересуется правовыми аспектами предпринимательства.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, предпринимательская деятельность, обязательства, деликт, убытки, договорная ответственность, правоприменительная практика, форс-мажор, возмещение вреда, юридический риск, страхование ответственности, судебная практика.

Гражданско-правовая ответственность занимает центральное место в системе гражданского права, выступая ключевым инструментом защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота. В предпринимательской деятельности она приобретает особое значение, так как обеспечивает стабильность делового оборота, стимулирует добросовестное поведение участников и минимизацию юридических рисков.

Современные вызовы, включая глобализацию экономики, развитие цифровых технологий и рост конкуренции, ставят перед предпринимателями новые задачи, требующие комплексного подхода к соблюдению гражданско-правовых норм. Законодательство предъявляет повышенные требования к профессиональной осмотрительности, компетентности и ответственности предпринимателей, что делает необходимым углублённое изучение данного института.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу гражданско-правовой ответственности участников предпринимательской деятельности. В ней рассмотрены правовые основы, виды ответственности, их функции и особенности, а также проблемы применения законодательства в данной сфере и возможные пути их решения.

Правовые основы гражданско-правовой ответственности

Гражданско-правовая ответственность основывается на нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), который регулирует обязательства и устанавливает общие правила возмещения убытков. Основные положения содержатся в статьях 15, 393, 401 ГК РФ, закрепляющих принципы ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Предприниматели, как профессиональные участники рынка, обязаны соблюдать повышенные стандарты добросовестности и осмотрительности. В этом контексте гражданско-правовая ответственность выступает не только механизмом восстановления нарушенных прав, но и способом предупреждения недобросовестного поведения [1, 2].

Правовые основы дополняются специальными законами, регулирующими различные аспекты предпринимательской деятельности, такими как Закон о защите прав потребителей, антимонопольное законодательство и нормативные акты, устанавливающие стандарты качества

продукции и услуг [3, 4]. Виды гражданско-правовой ответственности Гражданско-правовая ответственность подразделяется на договорную и деликтную. Каждый из этих видов имеет свои особенности и играет важную роль в обеспечении стабильности гражданского оборота.

Договорная ответственность применяется при нарушении условий договоров и включает такие меры, как возмещение убытков, уплата неустоек и компенсация морального вреда. Её реализация требует соблюдения ряда условий, включая доказательство факта нарушения, причинно-следственной связи и размера убытков [5, 6]. Договорная ответственность играет центральную роль в предпринимательской деятельности, где большая часть сделок заключается в письменной форме. Однако в практике нередко возникают сложности с доказательством убытков и их размера, что делает необходимым развитие института страхования ответственности [7].

Деликтная ответственность наступает в случаях причинения вреда вне рамок договорных отношений. Её основными элементами являются противоправность, вина, причинно-следственная связь и наличие ущерба. Этот вид ответственности охватывает широкий спектр ситуаций, от нарушения экологических норм до реализации некачественной продукции [8, 9]. Примером деликтной ответственности в предпринимательской деятельности может быть нарушение антимонопольных требований или причинение вреда потребителям вследствие недостатков товаров. В таких случаях важным аспектом становится определение степени вины и размера причинённого ущерба [10].

Особенности гражданско-правовой ответственности предпринимателей связаны с повышенными стандартами их поведения, а также с необходимостью учёта специфики различных отраслей экономики. В частности, выделяют следующие особенности:

- Ужесточённые требования к добросовестности и профессионализму;
- Применение ограниченного принципа вины;
- Возможность исключения ответственности при наступлении форс-мажорных обстоятельств [11].

Форс-мажорные обстоятельства, такие как природные катаклизмы, эпидемии или политические конфликты, позволяют предпринимателям избежать ответственности при условии, что их влияние на выполнение обязательств было объективно непреодолимым [12].

Страхование гражданско-правовой ответственности становится важным инструментом управления рисками. Оно позволяет минимизировать финансовые потери и обеспечить устойчивость бизнеса. В практике предпринимательской деятельности всё чаще используется данный механизм, особенно в высокорискованных отраслях, таких как строительство, транспорт и медицина [13].

Важной проблемой остаётся отсутствие единообразной судебной практики. Это затрудняет прогнозирование исхода споров и снижает эффективность гражданско-правовой ответственности. Решение данной проблемы возможно путём унификации правоприменительных подходов и повышения квалификации юристов и судей [14].

Гражданско-правовая ответственность участников предпринимательской деятельности является важным

инструментом обеспечения стабильности, доверия и справедливости в деловом обороте. Она сочетает в себе договорные и деликтные элементы, что позволяет регулировать широкий спектр ситуаций, возникающих в процессе предпринимательства.

Эффективное применение данного института требует совершенствования нормативной базы, внедрения инновационных механизмов правоприменения и развития страхования ответственности. Особое внимание следует уделить унификации судебной практики и повышению прозрачности правоприменительных процедур. Будущее развитие гражданско-правовой ответственности должно быть направлено на создание благоприятной правовой среды для бизнеса, что позволит повысить его конкурентоспособность и укрепить правопорядок в условиях глобальных вызовов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2023).
2. Алексеев С. С. Теория права и государства. — М.: Норма, 2020.
3. Венгеров А. Б. Право и экономика. — СПб.: Юрайт, 2019.
4. Лазарев В. В. Гражданско-правовая ответственность: современное состояние. — М.: Проспект, 2021.
5. Кутафин О. Е. Основы предпринимательского права. — М.: Статут, 2022.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — М.: Статут, 2020.
7. Тихомиров Ю. А. Публичное право и частное право. — М.: Юрист, 2021.
8. Черепанов В. С. Ответственность в предпринимательской деятельности. — Казань: Феникс, 2020.
9. Иванов И. П. Гражданское право: проблемы теории и практики. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2022.
10. Харитонов Е. И. Основы делового права. — Новосибирск: Сибирское изд-во, 2021.

Соучастие при совершении экологических преступлений

Дельвер Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тирранен Василий Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

Экологические преступления представляют серьезную угрозу для окружающей среды и человеческого благополучия. Однако рассмотрение только действий непосредственных исполнителей преступлений ограничивает полное понимание и эффективное противодействие этому явлению. В данной статье исследуется понятие соучастия при совершении экологических преступлений, его теоретические основы и практическое применение. Анализируются различные формы соучастия, включая активное и пассивное соучастие, а также их роль в формировании и распространении экологической преступности. Кроме того, обсуждаются проблемы, связанные с доказыванием соучастия в рамках уголовного процесса, и необходимость разработки эффективных стратегий пресечения и наказания соучастников экологических преступлений.

Ключевые слова: экологические преступления, соучастие, проблемы расследования соучастия, судебная практика, преступление.

Экологические преступления являются одной из наиболее острых проблем в современном обществе. Они не только наносят значительный ущерб окружающей среде, но и подрывают экономическую стабильность, здоровье людей и социальную справедливость.

Традиционно внимание уделяется рассмотрению действий непосредственных исполнителей преступлений, в то время как роль соучастия остается недостаточно исследованной и понимаемой. Соучастие при совершении экологических преступлений является сложным и мно-

гоаспектным явлением, требующим детального исследования и анализа.

Н. С. Таганцев определяет соучастие как совместную виновность, предполагает единение в преступной деятельности в широком значении этого слова, хотя бы таковая по законной ее характеристике и в ее фактическом проявлении представлялась сложной, составленной из ряда действий, отделенных друг от друга и по месту, и по времени и тем не менее составляющих одно общее целое [1].

Ф. Г. Бурчак сформулировал следующее понятие: соучастие — это совместное участие двух или более лиц в совершении одного и того же умышленного преступления.

Критикуя положения, выдвинутые П. Ф. Тельновым [6], Ф. Г. Бурчаком и некоторыми другими авторами, Н. Г. Иванов предложил определение, которое более точно, на наш взгляд, отражает трактовку соучастия, данную законодателем: «Соучастием является совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении одного и того же умышленного преступления».

Данная формулировка в достаточной мере лаконична и отражает все присущие соучастию признаки: совместность свидетельствует о двусторонней связи соучастников, а указание на умышленный характер преступления означает, что все признаки деяния, в том числе и признаки соучастия, охватываются умыслом всех лиц, участвующих в преступлении.

Групповое совершение экологических преступлений как квалифицирующий (особо квалифицирующий) признак встречается в гл. 26 УК, редко — в ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260 (группа лиц по предварительному сговору и организованная группа), п. «а» ч. 2 ст. 260 (группа лиц) УК и в преступлениях с широким пониманием субъекта, обладающего, как правило, только признаками общего субъекта.

При проведении анализа судебной практики, а именно «Обзора практики применения судами положений гл. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях», было выделено несколько примеров [5].

Согласно приговору Икрянинского районного суда Астраханской области от 2 сентября 2021 года, граждане К., Л. и А. были осуждены по ч. 3 ст. 258 и ч. 3 ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ каждому из них назначено наказание в виде 5 лет 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 5 лет. Осужденные признаны виновными в незаконной добыче рыбы осетровых видов: русского осетра в количестве 4 экземпляров, белуги — 1 экземпляра и стерляди — 5 экземпляров. Данное преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору, что привело к нанесению материального ущерба федеральным рыбным запасам Российской Федерации на сумму 781 581 рубль.

Помимо этого, К., Л. и А. незаконно добывали водные биологические ресурсы, используя запрещенные орудия лова и самоходное плавательное средство. Добыча производилась на миграционных маршрутах рыбы к местам не-

реста, в результате чего рыбным запасам был нанесен материальный ущерб в размере 203 520 рублей.

В обоснование квалификации действий осужденных по ч. 3 ст. 258 УК РФ суд отметил, что незаконно выловленные осетровые виды рыб включены в Перечень особо ценных водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации. Данный перечень утвержден постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 года № 978. Эти виды являются объектом государственной охраны в соответствии с требованиями модельного закона «О сохранении осетровых рыб, их воспроизводстве, рациональном использовании и регулировании оборота продукции из них», который был принят постановлением от 17 апреля 2001 года № 23–16 на 23-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ [4].

30 января 2019 года Коченевский районный суд Новосибирской области вынес приговор по делу граждан Д. и Т., признав их виновными по ч. 2 ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обвиняемым вменялась незаконная охота, совершенная в группе по предварительному сговору с использованием механического транспортного средства, что привело к причинению особо крупного ущерба.

Суд определил судьбу вещественных доказательств следующим образом: охотничий карабин «ВЕПРЬ-12» 12-го калибра вместе с тремя магазинами на 8 патронов были возвращены Т.; охотничье ружье «МР-43Е» 12-го калибра — Д.; а автомобиль марки УАЗ «Патриот» оставлен в распоряжении его собственника Т. Приговор суда в апелляционном порядке не обжаловался.

Однако позже представитель потерпевшего, Министерства природных ресурсов и экологии Новосибирской области, подал кассационную жалобу. В ней он указал на нарушения уголовно-процессуального закона, считая, что суд необоснованно принял решение о возврате орудий преступления их владельцам. На его взгляд, охотничье оружие и транспортное средство подлежали конфискации как использованные для совершения преступления.

22 мая 2019 года президиум Новосибирского областного суда частично удовлетворил кассационную жалобу. Он отменил решение суда первой инстанции в части определения судьбы вещественных доказательств — охотничьего карабина, ружья и автомобиля УАЗ «Патриот». Материалы дела были направлены на повторное рассмотрение в Коченевский районный суд, но с измененным составом суда [3].

По некоторым другим экологическим преступлениям, на наш взгляд, требуется дальнейшая дифференциация уголовной ответственности с учетом групповых способов их совершения. К таким преступлениям относятся, например, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, загрязнение вод, загрязнение морской среды, нарушение законодательства РФ о континентальном шельфе и исклю-

чительной экономической зоне РФ. В них должны быть предусмотрены части с самостоятельным и разным повышением ответственности за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. То, что некоторые из этих преступлений могут быть совершены специальным субъектом, не помеха для указанных квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков. Законодатель использует их и в таких составах (ч. 4 ст. 290 УК).

Еще один вопрос, который необходимо затронуть, — современная квалификация экологических преступлений, совершаемых специальным субъектом при помощи других лиц, в соучастии. Они квалифицируются как пособничество, подстрекательство или организация конкретного экологического преступления, с применением ст. 33 УК [2]. Невозможно лишь соисполнительство

в таких преступлениях, в связи с наличием у субъекта преступления дополнительных признаков, которыми он обладает, как правило, из-за занятия определенной должности или допуска к определенной работе.

Подводя итог, можно сделать вывод, что соучастие при совершении экологических преступлений является важным аспектом, который необходимо учитывать при разработке стратегий борьбы с экологической преступностью. Понимание различных форм соучастия и их роли в формировании и распространении экологических преступлений поможет эффективно пресекать и наказывать соучастников. Дальнейшие исследования и анализ судебной практики позволят улучшить политику и законодательство в области экологической безопасности и создать более устойчивую и экологически ответственную общественную систему.

Литература:

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая / Н. С. Таганцев. — Тула : Автограф, 2001. — 800 с.
2. Житков, А. А. Актуальные вопросы правового регулирования квалификации деяния при соучастии в преступлении / А. А. Житков. — Текст: непосредственный // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил). — Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН, 2017. — С. 106–110.
3. Таюрская, Е. А. Основные криминологические показатели преступности, связанной с незаконной охотой / Е. А. Таюрская. — Текст: непосредственный // Право и практика. — 2018. — С. 189–193.
4. Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 (в ред. от 05.10.2023) «Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами российской федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153941/
5. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) [Электронный ресурс] — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420088/
6. Тельнов П. Ф. Ответственность за участие в преступлении / П. Ф. Тельнов. — М. : Юрид. лит, 1974. — 208 с.

О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: административно-правовое регулирование

Дихтярук Ирина Петровна, студент магистратуры
Академия управления МВД России (г. Москва)

Миграционная политика является одной из наиболее обсуждаемых в современном российском обществе тем. Въезд на территорию Российской Федерации, пребывание и выезд иностранных граждан и лиц без гражданства регулируются многочисленными законодательными актами. Миграционная политика РФ направлена на обеспечение безопасности страны, соблюдение прав человека и поддержку социально-экономического развития, с учетом международных обязательств Российской Федерации.

Порядок въезда и выезда иностранных граждан и лиц без гражданства предполагает соблюдение ряда процедур, которые могут варьироваться в зависимости от гражданства, статуса и цели поездки.

Данная статья призвана рассмотреть основные моменты, касающиеся законодательства о въезде и выезде иностранных граждан, а также процедуры, которые должны быть выполнены на разных этапах их пребывания на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, въезд в Российскую Федерацию, выезд из Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства.

Целями административно-правового регулирования порядка въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства являются обеспечение формирования отвечающей интересам Российской Федерации миграционной ситуации, способствующей решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышение качества жизни ее населения, обеспечение безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержание международного и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе.

Прежде всего при изучении данного вопроса необходимо рассматривать общественные отношения, складывающиеся по поводу получения (утраты) иностранными гражданами и лицами без гражданства права на въезд и нахождение на территории Российской Федерации, связанные с этим права, свободы и обязанности иностранных граждан, лиц без гражданства, граждан Российской Федерации и организаций.

Для реализации четкой государственной миграционной политики необходимо установление особого порядка правового регулирования, направленного на обеспечение устойчивого функционирования общественных отношений в данной сфере.

С помощью юридических средств и организационно-технических мер, закрепленных государством в целях регулирования общественных отношений, устанавливается определенный правовой режим, контролируемый порядок въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Важнейшими нормативными документами в области миграции являются:

1. Конституция Российской Федерации — основной закон страны, который гарантирует права и свободы всех граждан, включая иностранных граждан и лиц без гражданства. В Конституции также предусмотрены положения, касающиеся свободы передвижения, права на въезд и выезд.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» — основной закон, регулирующий правовой статус иностранных граждан в России. Он устанавливает правила въезда, регистрации, пребывания и выезда для иностранцев.

3. Закон РФ от 1 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» — регулирует порядок пересечения государственной границы,

включая вопросы оформления документов, контроль и безопасность.

4. Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства» — определяет правила регистрации и учета иностранных граждан в России, их нахождение в стране на определенный срок.

5. Международные соглашения и двусторонние договоры, которые заключены между Россией и другими государствами, — касаются визовых режимов, безвизовых поездок и обмена информацией о миграции.

В целях обеспечения национальной безопасности, решения иных задач внутренней и внешней политики особенности правового положения отдельных категорий иностранных граждан, носящие временный характер, могут определяться указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства.

При рассмотрении вопроса о порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации важно понимать, что население любой страны состоит не только из граждан данной страны, но и из иностранных граждан (а также лиц без гражданства), которые находятся на территории страны. Иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Данные категории обладают разным правовым статусом, в основе которого лежит гражданство. В этой связи в каждом государстве имеются законодательно установленные понятия, касающиеся статуса этих категорий.

В целях рассмотрения нормативно-правового регулирования порядка въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства применяются следующие основные понятия:

— иностранный гражданин — физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства;

— лицо без гражданства — физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

Следует отметить, что в большинстве случаев в законодательстве Российской Федерации понятия «иностранец» и «лицо без гражданства» отождествлены. В соответствии со ст. 1 № 115-ФЗ, понятие «иностранец» включает в себя понятие «лицо без граждан-

ства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан. Однако статусы данных категорий различаются. Иностранный гражданин находится в устойчивой правовой связи со своим государством, а значит, имеет право на защиту и покровительство такового. Особенностью положения лиц без гражданства (апатридов) в любой стране является то, что они не имеют устойчивой правовой связи ни с одним государством и не могут рассчитывать на дипломатическую защиту какого-либо государства. Апатрид не имеет ряда субъективных прав, неразрывно связанных с состоянием гражданства: избирательного права, доступа к государственной службе и т. д.

Административно-правовое регулирование — отрасль административного права, отвечающая за регулирование режима въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. По мнению О. А. Юркиной, «в данном режиме проявляются такие черты административно-правовых отношений, как сочетание административно-правовых средств регулирования, опосредованное централизованным порядком и методом правового воздействия — управлением, основанным на юридическом неравенстве сторон» [9, с. 122]. Также данный режим отвечает за обеспечение безопасности и охраны общественного порядка в государстве, что также позволяет нам отнести режим въезда в РФ и выезда из РФ к административно-правовому регулированию.

Иностранные граждане могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации на основании визы (иностранные граждане, въезжающие в Российскую Федерацию на основании визы) или в безвизовом порядке (иностранные граждане, въезжающие в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы). Безвизовый порядок въезда применяется в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

В отношении иностранных граждан, въезжающих в Российскую Федерацию из государства, в отношении граждан которого по общему правилу установлен визовый режим въезда, в отдельных случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или актом Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации, может быть установлена возможность въезда без оформления визы. Лица без гражданства могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, выданным соответствующими органами государства их проживания, удостоверяющим их личность и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации, Федеральным законом или указами Президента Российской Федерации.

Датами въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации считаются соответственно даты пересечения государственной границы Российской Федерации при въезде иностранного гражданина в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации в порядке и на условиях, установленных законодательством о государственной границе Российской Федерации.

Иностранные граждане при въезде в Российскую Федерацию обязаны получить и заполнить миграционную карту. При выезде из Российской Федерации иностранный гражданин обязан сдать миграционную карту в пункте пропуска через государственную границу Российской Федерации должностному лицу органа пограничного контроля.

Законно находящимся в Российской Федерации иностранным гражданином считается лицо, имеющее действительный вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и/или миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

В Российской Федерации три правовых режима пребывания иностранных граждан: временное проживание, временное проживание, постоянное проживание.

Срок временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации определяется сроком действия выданной ему визы. Срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток в течение календарного года, за исключением случаев, если такой срок не продлен.

Временно проживающим в Российской Федерации иностранным гражданином считается лицо, получившее разрешение на временное проживание.

Постоянно проживающим в Российской Федерации иностранным гражданином считается лицо, получившее вид на жительство.

Иностранные граждане и лица без гражданства при въезде на территорию Российской Федерации подлежат постановке на миграционный учет.

Государственное регулирование въезда и выезда с территории государства позволяет быстро и практически без потерь обеспечивать в государстве безопасность. Это является мощным инструментом, так как благодаря регулированию въезда/выезда можно предотвратить множество тяжких преступлений на территории государства. К таким преступлениям можно отнести преступления террористического характера, незаконный ввоз на территорию Российской Федерации наркотических средств, оружия, боеприпасов и другого.

Ограничение въезда в Российскую Федерацию заключается в установлении временного ограничения права иностранного гражданина на въезд в Российскую Фе-

дерацию и на законное нахождение в Российской Федерации. В российском законодательстве не используют термин «запрет на въезд». Вместо него в законе «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» есть формулировка «въезд может быть не разрешен» — это статья 26 закона, а также «въезд не разрешается» — статья 27. Разница между этими формулировками в том, что в первом случае уполномоченный орган не обязан устанавливать запрет на въезд, но может это сделать, если посчитает нужным, а во втором случае запрет точно установят. Но для удобства необходимо использовать в статье термин «запрет на въезд», понимая под ним все ситуации, когда иностранцу могут не разрешить или точно не разрешат въезд в Россию, а «отказ во въезде» и «ограничение въезда» использовать как синонимы этого термина. Запрещать въезд могут несколько

госорганов. Кто именно — указано в постановлении Правительства Российской Федерации от 14.01.2015 № 12: МВД, ФСБ, Минобороны, СВР — Служба внешней разведки, МИД, ФСИН, ФТС — Федеральная таможенная служба, Росфинмониторинг. Ограничить въезд в РФ могут на определенный срок — три года, пять, десять лет — или бессрочно. Если обстоятельства, по которым въезд запретили, изменились, орган, принявший решение, может отменить запрет.

Таким образом, вследствие вышеизложенного можно сделать вывод о том, что действующее законодательство Российской Федерации регулирует права иностранных граждан и лиц без гражданства на въезд, пребывание и выезд из Российской Федерации, устанавливает запреты и ограничения для обеспечения государственной и общественной безопасности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013 (актуальная редакция).
2. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 августа 1996 г. — № 34. — С. 4029.
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. — № 30. — С. 3032.
4. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 29 апреля 1993 г. — № 17. — С. 594.
5. Постановление Правительства РФ от 14 января 2015 г. № 12 «О порядке принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 января 2015 г. — № 4. — С. 654.
6. Гаглоева Л. А. Понятие иностранного гражданина и лица без гражданства в Российской Федерации / Л. А. Гаглоева // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 3. — С. 202–210.
7. Смирная Т. С. Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства // Репозиторий Тольяттинского государственного университета, https://dspace.tltsu.ru/jspui/bitstream/123456789/11680/1/Смирная_Т.С._ОНБз-1401.pdf
8. Юркина О. А. Государственное регулирование въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты / О. А. Юркина // NovaUm.Ru. — 2021. — № 31. — С. 122–124. — EDN NTZZXP.
9. Ашралов Ф. Р. Административно-правовое регулирование въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных лиц и апатридов: теоретико-правовые аспекты / Ф. Р. Ашралов // Молодой ученый. — 2023. — № 51 (498).

Принцип независимости Конституционного суда Российской Федерации: правовые механизмы обеспечения

Егоров Павел Петрович, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье рассматривается принцип независимости Конституционного суда Российской Федерации как ключевой элемент его деятельности. Автор анализирует нормативное закрепление данного принципа. Раскрываются правовые механизмы, обеспечивающие независимость судебного органа. Подчеркивается важность комплексного подхода, объединяющего нормы различных отраслей права для обеспечения указанного основополагающего начала.

Ключевые слова: Конституционный суд Российской Федерации, принцип независимости, конституционное судопроизводство, статус судьи, конституционная реформа.

Одним из принципов конституционного судопроизводства является его независимость. Согласно толковому словарю И. С. Ожегова [5] независимость означает политическую самостоятельность, отсутствие подчиненности, суверенитет. Ученый М. В. Садовой указывает, что «поскольку Конституционный суд Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства напрямую влияет на обеспечение конституционно-правового баланса в российском обществе, он может эффективно осуществлять свои функции, только будучи независимым органом, обладающим вышеуказанными свойствами независимости, самостоятельности и беспристрастности» [6, с.15]. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть, что из себя представляет независимость указанного органа судебной власти и какие правовые механизмы его обеспечивают.

Установлено, что принцип независимости судей Конституционного суда Российской Федерации закреплён в рамках конституционного судопроизводства как одно из основополагающих требований ст. 120 Конституции Российской Федерации. Наличие этого принципа органически обусловлено включением положений о Конституционном суде Российской Федерации в раздел, посвящённый судебной власти, что позволяет распространить на него все основные конституционные положения, регулирующие функционирование данной ветви государственной власти.

Суть независимости судей Конституционного суда Российской Федерации раскрывается в неразрывной связи с фундаментальным принципом разделения властей. Такое регулирование исключает влияние иных ветвей власти на принятие судебных решений, подчёркивая автономный характер деятельности судебных органов. Например, Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 19.06.2002 г. № 11-П признал неконституционными положения закона о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации, которые ограничивали размер возмещения вреда [9].

Полагаем, что указанное решение иллюстрирует, как Конституционный суд Российской Федерации обеспечивает защиту прав граждан, действуя независимо от исполнительной власти, и подчёркивает его роль в исправлении законодательных недостатков. Независимость в данном контексте становится не только атрибутом правосудия как формы осуществления государственной власти, но и ключевым элементом статуса судьи, определяющим его юридическую и процессуальную свободу.

Судьи обладают несменяемостью и неприкосновенностью. Как указал Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 18.10.2011 г. № 23-П, указанные качества, будучи элементами конституционно-правового статуса судьи, обеспечивают самостоятельность и незави-

симость судебной власти, служат средством защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия, и не только не исключают, но, напротив, предполагают повышенную ответственность судьи за выполнение своих профессиональных обязанностей, соблюдение законов и правил судейской этики [10].

Особенности независимости судей Конституционного суда Российской Федерации прослеживаются в рамках их полномочий. Законодатель четко обозначил, что, исполняя свои обязанности, судьи подчиняются исключительно Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству о Конституционном суде Российской Федерации. Закрепленный подход обусловлен спецификой функций, возложенных на суд: он вправе проверять соответствие законов Конституции, а в случае выявления несоответствий лишать их юридической силы. Таким образом, конституционное судопроизводство требует исключительной независимости судей, что исключает их подчинение какому-либо нормативному акту, кроме основного закона страны.

Уникальность статуса Конституционного суда Российской Федерации заключается в его способности воздействовать на правовую систему путем отмены несоответствующих Конституции норм, что влечет прямое влияние на законодательный процесс и регулирование общественных отношений. Такая деятельность невозможна без строгого соблюдения независимости как в процессе принятия решений, так и в обеспечении гарантий для судей. Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации является ключевым органом, отвечающим за соблюдение конституционности и законности в государстве. Как указывает ученый М. А. Мокосеева, Конституционный суд Российской Федерации «выносит решения, оказывающие непосредственное воздействие на систему законодательства Российской Федерации» [4, с.128].

Принципы, которыми руководствуется Конституционный суд Российской Федерации, предполагают высокую степень автономии и свободы при формировании судьями своей позиции относительно конституционности правовых норм. Такая свобода диктуется не только необходимостью беспристрастного анализа правовых актов, но и общей логикой разделения властей, в которой судебная власть призвана оставаться независимой и объективной. Вместе с тем свобода судей не является абсолютной, она ограничивается требованиями Конституции и законодательством о Конституционном суде, что обеспечивает баланс между автономией и ответственностью.

Конституция Российской Федерации и Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» (далее — Закон о Конституционном суде) задают четкие рамки

судейской деятельности, исключая возможность произвольных решений. Независимость здесь следует рассматривать не как привилегию, а как ключевое условие объективного и справедливого правосудия. Она направлена на обеспечение того, чтобы каждое решение было основано исключительно на правовых принципах и соответствовало высшему закону страны.

Взаимосвязь между Конституцией Российской Федерации и Законом о Конституционном суде Российской Федерации заслуживает особого внимания. Конституция Российской Федерации формулирует цели, ради которых действует суд, тогда как Закон описывает средства, посредством которых эти цели достигаются. Такой дуализм создает прочную юридическую основу для деятельности суда, устраняя потенциальные противоречия.

Интересен аспект ответственности судей в процессе осуществления их полномочий. Их независимость — не средство уклонения от контроля, а гарантия, что решения будут приниматься на основании глубокого анализа, свободного от давления. Такая независимость способствует укреплению доверия к Конституционному суду Российской Федерации и восприятию его как института, защищающего права граждан и основы конституционного строя.

В литературе указывается, что существуют внешняя (объективная) и внутренняя (субъективная) стороны независимости судей Конституционного суда Российской Федерации. Так, внешняя независимость судей обеспечивается запретом занимать государственные или общественные должности, принадлежать к политическим партиям и движениям (ст. 11, ч. 2 ст. 29 Закона о Конституционном Суде). Судьи не обязаны подчиняться лицам, выдвинувшим их кандидатуру, и имеют право отстаивать собственную правовую позицию. Никто не вправе вмешиваться в их деятельность или давать указания (ч. 4 ст. 29 Закона о Конституционном Суде). Судьи также обязаны отвергать любые внешние указания. Заключение экспертов и доводы сторон учитываются, но не являются обязательными для суда (ст. 62, ст. 63, ст. 74 Закона о Конституционном суде). Условия принятия решений обеспечивают свободу волеизъявления судей и исключают давление извне и внутри коллегии (ч. 4 ст. 29 Закона о Конституционном Суде). Равенство прав, свобода высказываний и тайна совещания поддерживают независимость в ходе работы (ст. 16, ст. 60, ст. 70 Закона о Конституционном Суде). Внутренняя независимость судей выражается в их субъективной правовой позиции. Они руководствуются личным правопониманием, свободным от внешнего влияния и политических пристрастий (ч. 3 ст. 29 Закона о Конституционном Суде) [3].

Говоря о механизмах обеспечения независимости Конституционного суда, стоит согласиться с М. В. Садовым в том, что «в отечественном законодательстве механизм реализации принципа независимости Конституционного суда не может быть установлен в виде закрытой системы норм, закрепленной отдельным законом о независимости

Конституционного суда, либо отдельным разделом в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Скорее, этот механизм должен представлять собой комплекс правовых норм, закрепленных в нормативных актах конституционного, процессуального, уголовного и иных отраслей права. Именно по такой модели построено действующее правовое регулирование» [6, с.13].

Полагаем, что закрепление механизма независимости в рамках различных отраслей права позволяет учитывать специфику различных аспектов деятельности Конституционного суда Российской Федерации и эффективно предотвращать потенциальные угрозы его независимости. Эффективность комплексного подхода заключается в его гибкости и системности. Во-первых, распределение норм по различным правовым актам создает условия для взаимного контроля и баланса между сферами регулирования. Во-вторых, включение норм о независимости в акты конституционного, процессуального и уголовного права позволяет охватить как статусные, так и процедурные аспекты деятельности судей, обеспечивая их защиту от внешнего давления. Таким образом, комплексная модель механизма независимости Конституционного суда Российской Федерации представляет собой оптимальное решение, но её успешная реализация зависит от качества правового регулирования и строгого соблюдения установленных норм.

В то же время стоит отметить, что существует ряд проблем в обеспечении независимости судей Конституционного суда Российской Федерации. К таковым относятся изменения, внесённые в рамках конституционной реформы 2020 г. М. В. Садовой указывает, что «было существенно скорректировано законодательство по вопросам организации и функционирования Конституционного суда Российской Федерации, в том числе были подвергнуты изменениям полномочия органа; сокращен численный состав; изменены требования к кандидатам на должность судей и ужесточены действующие в отношении судей ограничения и запреты; изменен порядок досрочного прекращения полномочий судей и т. д. Значительная часть изменений коснулась норм права, входящих в систему гарантий реализации принципа независимости Конституционного суда Российской Федерации» [7]. Действительно, количество судей сократилось до 11, кандидатуры судей представляются Президентом Российской Федерации и утверждаются Советом Федерации, судьи могут лишиться статуса за поведение, несовместимое с их статусом.

Представляется, что увеличение роли иных органов власти в процессе назначения судей и возможность представления с их стороны предложений о досрочном прекращении полномочий судей может поставить под угрозу их независимость, так как усиливается риск политического влияния иных ветвей власти. Указанную точку зрения занимают некоторые исследователи, в том числе Т. К. Ан-

дреева [2]. Также численное сокращение судейского состава ведёт к снижению многообразия точек зрения, что создаёт почву для уязвимости. Ещё до завершения конституционной реформы К. М. Худoley на этот счёт отмечал, что «снижение состава судей до небольшого компактного числа» посягает на принцип независимости этого судебного органа [8, с.123]. Следовательно, введённые изменения в законодательство в рамках реформы 2020 года сделали процесс назначения и прекращения полномочий судей менее автономным и более зависимым от иных ор-

ганов власти, что потенциально угрожает независимости судебной системы в России в целом [1].

Решением указанных проблем может стать внесение изменений в законодательство — создание правовых механизмов обеспечения независимости Конституционного суда Российской Федерации. В частности, полномочие назначения судей может быть распределено между различными ветвями власти, прекращение статуса судей должно быть объективным и обоснованным, численный состав судей предлагается увеличить до ранее установленного количества.

Литература:

1. Егоров, П. П. Принцип независимости Конституционного суда Российской Федерации: порядок формирования кадрового состава / П. П. Егоров. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 26 (525). — С. 203–205. — URL: <https://moluch.ru/archive/525/116118/> (дата обращения: 16.01.2025).
2. Жуйков В., Воскобитова Л., Ярков В., Андреева Т., Пашин С., Алексеевская Е., Бевзенко Р. Конституционные поправки и независимость суда // Закон. — 2020. — № 2. — С. 33–43.
3. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева, В. В. Балытников, Н. С. Бондарь и др.; под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012. — 672 с.
4. Мокосеева М. А. К вопросу о сходствах и различиях между правовой позицией и решением Конституционного суда РФ / М. А. Мокосеева // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 3. — С. 128–133.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва: Азбуковник, 2000. — 940 с.
6. Садовой М. В. О подходах к пониманию категории независимости Конституционного суда Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. — 2021. — № 5. — С.11–17.
7. Садовой М. В. Принцип независимости Конституционного суда Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис... канд. юрид. наук: 5.1.2. / Михаил Владимирович Садовой. — Екатеринбург, 2023. — 251 с.
8. Худoley К. М. Изменения в законодательстве о Конституционном суде РФ // Пермский юридический альманах. — 2022. — № 5. — С.120–132.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев» // Российская газета. — 2002. — № 118.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Л. Панченко» // Российская газета. — 2011. — № 246.

Предотвращение экстремизма и терроризма в цифровом пространстве

Зелёнкина Александра Максимовна, студент

Научный руководитель: Шумилова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Севастопольский государственный университет

В статье автор исследует проблему профилактики экстремизма и терроризма в цифровом пространстве, анализирует ее масштабы, правовые и организационные основы, а также предлагает различные меры и направления для эффективной борьбы с этими угрозами.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Информационно-коммуникационные сети, ИКТ, профилактика, цифровое пространство, кибербезопасность, радикализация, идеология, международное сотрудничество, Национальный анти-террористический комитет, НАК.

Современный мир претерпевает беспрецедентный период трансформации, определяемый стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Глобализация, мгновенный обмен информацией и доступ к практически неограниченным ресурсам интернета создали новые возможности для сотрудничества, экономического роста и культурного обмена. Однако, несмотря на все достижения цифровой эпохи, она же породила новые проблемы для глобальной безопасности. Одной из таких проблем стало создание благоприятной почвы для распространения экстремистской и террористической идеологии, в том числе посредством информационно-коммуникационных сетей. Теперь они стали не только инструментом, но и определяющим фактором современного терроризма и экстремизма, что делает профилактику и противодействие первостепенной задачей для всех государств и международного сообщества. [1].

Более того, экстремистские и террористические организации мастерски используют Интернет для пропаганды своей идеологии, вербовки новых рекрутов, планирования и координации террористических актов, а также для проведения финансовых операций и манипулирования общественным мнением [2]. Они используют социальные сети, мессенджеры, форумы и другие платформы для распространения экстремистского контента, призывов к насилию и пропаганды нетерпимости.

В связи с этим, профилактика экстремистской и террористической деятельности, совершенной с использованием информационно-коммуникационных сетей, требует комплексного и многогранного подхода. Необходимо разрабатывать и внедрять не только технические средства мониторинга и блокировки экстремистского контента, но и эффективные законодательные механизмы, программы повышения медиаграмотности населения, а также в настоящее время остро стоит вопрос о социальных инициативах, противодействующих радикализации в интернете. В представленной работе будет проведен анализ существующих трудностей и выявлены многообещающие стратегии для укрепления информационной безопасности и профилактики экстремизма и терроризма в цифровом пространстве. Особую значимость в данном контексте приобретает межведомственное взаимодействие, усиление роли институтов гражданского общества, а также активизация международного сотрудничества в противодействии этой угрозе.

Основные понятия «экстремистская» и «террористическая деятельность», даны в ФЗ от 25.06.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и ФЗ от 06.03.2006 N 35 «О противодействии терроризму» [4] и нашего рассмотрения в рамках данной статьи не требуют.

Опираясь на данные опубликованные на сайте Национального антитеррористического комитета, целью противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации является защита личности, общества и государства от экстремистских и террористических угроз и проявлений [5].

Для достижения обозначенной цели, необходимо определить основными задачи ее достижения, они обозначены Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [6]:

- выявление и нейтрализация обстоятельств, способствующих возникновению и распространению экстремистской и террористической активности;
- обнаружение, предупреждение и пресечение деяний отдельных лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений террористической направленности, а также на содействие подобным действиям;
- обеспечение привлечения к ответственности субъектов экстремистской и террористической деятельности согласно действующему законодательству Российской Федерации;
- препятствование проникновению в страну деятельности международных экстремистских и террористических структур, а также использование потенциала международного антитеррористического сообщества;
- непрерывное совершенствование общегосударственной системы противодействия терроризму (ОГСПТ) и поддержание в состоянии боевой готовности сил и средств, предназначенных для выявления, предупреждения, пресечения террористических актов и минимизации их последствий;
- обеспечение антитеррористической защиты потенциальных объектов экстремистских и террористических атак, включая критически важную инфраструктуру, объекты жизнеобеспечения и места массового скопления людей.

Важно отметить, что наравне с основными задачами противодействия экстремизма и терроризма, необходимо выделить и основные задачи профилактической работы.

Под профилактикой экстремизма и терроризма понимается деятельность субъектов ОГСПТ, включающая комплекс мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности.

Согласно сведениям, опубликованным на сайте администрации Тракторозаводского района г. Челябинска [7], в качестве основных превентивных мер по профилактике экстремизма и терроризму выделяются:

- политическое регулирование: меры, направленные на нормализацию общественно-политической ситуации,

разрешение социальных конфликтов, снижение социально-политической напряженности, а также развитие международного партнерства и регулирование миграционных потоков;

– социально-экономическое оздоровление: меры, ориентированные на улучшение социально-экономической ситуации в регионах, уменьшение социальной маргинализации, сокращение имущественного разрыва и обеспечение социальной поддержки населения.

– юридическое обеспечение: комплекс административных, уголовных, организационных и иных мер, нацеленных на неотвратимое наказание за экстремистские и террористические деяния, совершенствование механизма юридической ответственности за неисполнение антитеррористических норм; пресечение незаконной торговли оружием, взрывчатыми веществами, наркотиками и радиоактивными веществами;

– информационно-идеологическое противодействие: разработка и внедрение специализированных программ и мероприятий по обеспечению объектов, подверженных потенциальным террористическим посягательствам, техническими средствами защиты, усиление ответственности за невыполнение требований по антитеррористической защите и техническое оснащение лиц, участвующих в антитеррористических действиях.

Особую значимость в рамках профилактики приобретает превентивная работа, ориентированная на молодежную среду, поскольку именно молодые люди, в силу ряда обусловленных факторов, демонстрируют повышенную восприимчивость к деструктивному влиянию антисоциальных и криминогенных групп. Социально-экономическая уязвимость, свойственный им максимализм в оценках и суждениях, психологическая незрелость, а также высокая степень зависимости от внешнего мнения — это лишь некоторые из факторов, обуславливающих возможность беспрепятственного распространения радикальных идей среди российского молодого поколения. Между тем, данные идеи в молодежной среде получают значительное распространение: лидеры экстремистских группировок различного толка привлекают молодежь в свои объединения, часто обещая легкое решение всех проблем, в основном материальных [9].

Важно отметить, что поведение комплексных мероприятий по формированию правовой культуры в молодежной среде. В частности, этому могло бы способствовать существенное расширение юридической составляющей воспитания и образовании. Знание своих собственных прав и свобод будет способствовать развитию у молодого поколения чувства уважения к правам и свободам других лиц, в том числе к их жизни, здоровью и достоинству.

Приоритетным направлением профилактики экстремистской и террористической деятельности является воспитание у подрастающего поколения мировоззрения, основанного на принципах толерантности и терпимости по отношению к представителям всех социальных групп, вне зависимости от их этнических, религиозных, имуще-

ственных и иных различий. Конституция Российской Федерации, в частности ч. 2 ст. 19, устанавливает запрет на любые ограничения прав граждан по мотивам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [10]. С самого раннего возраста необходимо формировать у каждого человека убеждение о необходимости уважительного отношения ко всем людям, независимо от их особенностей, а также не допускать разделение людей на основе произвольных признаков [11]. Это, в свою очередь, является одним из ключевых факторов для противодействия религиозному, национальному и социальному экстремизму.

В современных реалиях оптимизация организации досуговой и рекреационной деятельности молодежи приобретает особую актуальность. Причинами вовлечения молодых людей в радикальные объединения зачастую выступают недостаток мотивации и ограниченные ресурсы для содержательного проведения свободного времени. В связи с этим, государству необходимо инициировать создание и поддержание широкой сети культурно-досуговых учреждений — от клубов и домов культуры до кинотеатров и музеев — не только в крупных городских центрах, но и в небольших населенных пунктах. Наряду с этим, необходимо интенсифицировать продвижение ценностей здорового образа жизни и физической активности в молодежной среде. Существенным условием эффективности данных мер является их доступность для всех молодых людей, в том числе с точки зрения финансовых возможностей.

Повышение уровня социальной и материальной защищенности молодежи, помощь в трудоустройстве молодых специалистов, поддержка жилищных программ для молодежи. Данные меры помогут молодым людям осознать, что государство заботится о них, и нет необходимости совершать противозаконные действия и получать материальные средства от террористов и экстремистов.

Проведенный анализ проблемы профилактики экстремистской и террористической деятельности в информационно-коммуникационных сетях выявил ее многоаспектный и динамичный характер, требующий комплексного подхода, основанного на междисциплинарном сотрудничестве и применении инновационных методов.

В условиях глобализации информационного пространства и интенсивного развития цифровых технологий, экстремистские и террористические организации активно используют информационно-коммуникационные сети (ИК-сети) в качестве платформы для рекрутинга, распространения деструктивной идеологии и координации противоправных действий. Это обуславливает необходимость усиления профилактической работы на всех уровнях: от международного сотрудничества в сфере кибербезопасности до локальных мер по формированию устойчивости к деструктивной информации у индивидов, в особенности у молодежи, как наиболее уязвимой группы риска.

Еще одним из важных элементов профилактики является ранняя диагностика и нейтрализация очагов рас-

пространения экстремистских и террористических идей в ИК-сетях. Это требует применения передовых технологий анализа больших данных, искусственного интеллекта для выявления и мониторинга контент-деструктивных нарративов, а также разработки эффективных контрпропагандистских стратегий. При этом, соблюдение принципов законности и защиты прав человека является неотъемлемым условием проведения любого профилактического мероприятия.

Таким образом, противодействие экстремизму и терроризму в ИК-сетях не сводится к техническим мерам

блокировки контента. Оно должно включать в себя стратегию комплексного социального воздействия, включающую формирование критического мышления и медиаграмотности у населения, развитие позитивных общественных ценностей и укрепление межкультурного диалога. Помимо этого, необходима постоянная адаптация профилактических мер к меняющимся технологическим трендам и тактикам деструктивных факторов. Только такой системный и многоуровневый подход позволит минимизировать риски и обеспечить устойчивую безопасность в цифровой среде.

Литература:

1. Богданов А. В., Дорожко Ф. И., Хазов Е. Н. /Угрозы и вызовы экстремизма и терроризма в современном мире: оперативно-розыскная характеристика // Вестник экономической безопасности. 2021. № 6.
2. Парамонов А. В., Харин В. В. / Уголовно-правовые аспекты противодействия экстремизму в виртуальном пространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 13.
3. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) ч.1 ст.1
4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) ч.2 ст.3
5. Сайт Национального антитеррористического комитета — nac.gov.ru
6. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) ст.5
7. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.)
8. Администрация Тракторозаводского района города Челябинска Официальный сайт <http://admintzr.ru/novosti/?ID=18878>
9. Профилактика терроризма//Главное управление МЧС России по Новгородской области//URL: <https://53.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4568090>
10. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст.19 ч.2
11. Шумилова М. А. О вовлечении молодежи в деятельность террористических организаций через сеть «Интернет» // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ovlechenii-molodezhi-v-deyatelnost-terroristicheskikh-organizatsiy-cherez-set-internet>

Опека и попечительство как институт права и законодательства

Золян Алина Ваниковна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В настоящей статье автором рассматривается правовая регламентация опеки и попечительства, изучаются особенности заключения договорных отношений в рамках данного института, определяется статус патронатной семьи, проводится сравнительный анализ с зарубежным опытом.

Актуальность темы исследования обусловлена развитием института опеки и попечительства, проведением системной работы государства, направленной на поддержку детей-сирот, а также выработкой новых идей и решений, направленных на совершенствование организации правовой помощи детям, оставшимся без попечения родителей.

Ключевые слова: дети-сироты, опека и попечительство, договорное регулирование, приемная семья, патронатное воспитание.

Contractual regulation of guardianship and trusteeship of minor children

In this article, the author examines the legal regulation of guardianship and trusteeship, studies the features of concluding contractual relations within the framework of this institution, determines the status of a foster family, and conducts a comparative analysis with foreign experience.

The relevance of the research topic is due to the development of the institution of guardianship and trusteeship, the systematic work of the state aimed at supporting orphans, as well as the development of new ideas and solutions aimed at improving the organization of legal assistance to children without parental care.

Keywords: *orphans, guardianship and trusteeship, contractual regulation, foster family, foster care.*

Институту опеки и попечительства в России все больше уделяется внимание со стороны государства, однако до настоящего времени его нельзя назвать совершенным. Так, согласно приведенной статистике по состоянию на 2023 года в России числилось 35 тысяч детей-сирот, находившихся в органах опеки и попечительства, половина из которых пребывает в детских государственных учреждениях более двух лет. При этом необходимо отметить наличие показателей, свидетельствующих об отмене решений усыновления, который равен 8,5 %.

Анализ принятых актов указывает, что среди отмененных решений о передаче воспитанников детских домов в семью имеются факты как ненадлежащего выполнения опекунами своих обязанностей, так и проявленная инициатива самих усыновителей и опекунов, что говорит о необходимости совершенствования данного института, в том числе, и в рамках договорного регулирования установления опеки и попечительства над несовершеннолетними [2].

Необходимо отметить, что заключению договора на установление права осуществлять опеку и попечительство над несовершеннолетним, предшествует несколько этапов прохождения не только проверки опекуна и попечителя на соответствие требований, установленных действующим законодательством, но также подготовке их, подбору и учету.

В соответствии с утвержденными Постановлением Правительства РФ Правилами заключения договора об осуществлении опеки и попечительства в отношении несовершеннолетнего подопечного от 18 мая 2009 года № 423 (далее — Правила), устанавливается порядок заключения договоров об опеке и попечительстве над несовершеннолетними, а также сроки его заключения.

Необходимо отметить, что в соответствии со ст.16 ФЗ от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» данный вид правоотношений может быть установлен как на безвозмездных основаниях, так и возмездно. Именно наличие договорных отношений, заключаемых с опекуном или попечителем говорит об условиях выплаты им соответствующего вознаграждения, которое исчисляется, исходя из доходов, получаемых несовершеннолетним, третьим лицом, либо за счет средств государственного бюджета.

Необходимо отметить, что Правила содержат минимальный перечень пунктов, анализ которых показал на отсутствие непосредственных условий содержания договора, ограничившись лишь следующими положениями о порядке его заключения и сроками. При этом, в числе положений о порядке законодатель счел необходимым оговорить лишь такие условия, как:

- возмездность устанавливаемых правоотношений;
- возможность установления опеки и попечительства в отношении одного или нескольких подопечных;
- исключение возможности подписания договора третьим лицом, действующим от имени опекуна или попечителя;
- соблюдение территориального принципа, исходя из места жительства опекуна, попечителя, а также основания расторжения договора при его несоблюдении или смены места жительства;
- порядок урегулирования спорных условий договора и разногласий;
- предельный размер вознаграждений.

Как мы видим, указанные Правила не содержат конкретного перечня положений, которые должны быть включены в содержание договора, кроме того, его образец не представлен в Приложениях рассматриваемого нормативного акта.

Вместе с тем, анализ условий заключенных договоров показал, что основным содержанием его выступает:

1. Предмет договора, в число которого входит указание:
 - ФИО несовершеннолетнего, подлежащего передаче под опеку;
 - состояния здоровья опекаемого;
 - цели передачи, а именно: содержание, воспитание, образование и защиты прав.
2. Права и обязанности опекуна и попечителя.
3. Условия содержания, воспитания и образования ребенка.
4. Права и обязанности органов опеки и попечительства.
5. Выплата вознаграждений.
6. Порядок о предоставлении отчета об имуществе несовершеннолетнего, его состоянии, использовании.
7. Ответственность сторон.
8. Условия изменения и прекращения договора.
9. Заключительные положения.

Анализ судебной практики показал, что предметом спора в рамках заключения договора выступают отказы опекунам и попечителям в оформлении опеки над несовершеннолетними. Так, перед вступлением в договорные отношения, одним из требований, которые предъявляются к лицам, желающим оформить опеку над несовершеннолетним, является наличие определенных судимостей, однако не весь перечень статей уголовного законодательства устанавливает такие ограничения. Например, решением Октябрьского районного суда г. Новосибирска иск гр. М. об оспаривании заключения отдела опеки и попечительства в лице администрации Октябрьского района г. Но-

восибирска были удовлетворены требования истца. Гр. М обратился в суд, указав на незаконность отказа ему в оформлении опеки над несовершеннолетним, чему послужило наличие у него судимости.

В рамках рассмотрения дела суд установил, что согласно заключению от 20.01.2023г. органа опеки и попечительства администрации Октябрьского района г. Новосибирска административный истец не может быть кандидатом в опекуны и принять на воспитание одного мальчика в возрасте от 1 до 2 лет с V группой здоровья, в связи с имевшимися у гражданина судимостями по преступлениям против жизни и здоровья, против общественной безопасности.

Указанное Заключение является незаконным и необоснованным, препятствует реализации прав и законных интересов административного истца. В обоснование своих доводов суд привел определение Конституционного суда, который указал на несоответствие абз. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ Конституции РФ, а именно, её статьям 7 (часть 2), 19 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55

(часть 3). Кроме того, суд обратил внимание, что с момента совершения преступлений, за которые был судим истец, прошло много лет, административный истец характеризуется исключительно положительно и по месту жительства, и по месту работы, воспитывает несовершеннолетних детей [1].

Как мы видим, наличие судимости у опекунов и попечителей является препятствием к заключению договора об оформлении опекунства над несовершеннолетним, в то же время, исходя из его условий, в пункт «Условия изменения, дополнения, прекращения договора», не включено основание его расторжения в случае, если установившим лицом опеку в последствии будут совершены преступления.

Как мы видим, непосредственно условия договора имеют более широкий характер требований, нежели они непосредственно указаны в Правилах, что, на наш взгляд, требует расширения положений рассматриваемого нормативного источника, указание на которые позволит избежать судебных споров и разногласий.

Литература:

1. Дело № 2а-4128/2023 — [Электронный ресурс] — URL: [http:// sudact.ru>law/federalnyi-zakon-ot-24042008-n-48-...](http://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-24042008-n-48-...) (дата обращения: 20.04.2024).
2. Направления совершенствования деятельности органов опеки и попечительства — [Электронный ресурс] — URL: [http:// http://duma.gov.ru>Новости/54071](http://duma.gov.ru/Новости/54071) (дата обращения: 20.04.2024).
3. Низамиева О. Н. Некоторые теоретические вопросы института приемной семьи / О. Н. Низамиева // Ученые записки Казанского университета. — Казань, 2019. — Т. 151. — С. 107–113.

Сходства и различия залога в силу закона и залога на основании договора

Иванова Наталья Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Усанова Виктория Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье автор рассматривает сходства и различия залога возникающего на основании договора в гражданско-правовых отношениях и залога, возникающего в силу закона в налоговых правоотношениях.

Ключевые слова: залог в силу закона, залоговый кредитор, предмет залога, контроль над залоговым имуществом, обеспечение исполнения обязательств.

В связи с популяризацией института банкротства в Российской Федерации актуальными становятся вопросы приоритета одних кредиторов над другими. Так, залоговый кредитор имеет право на удовлетворение своих требований за счет заложенного имущества в приоритетном порядке перед другими кредиторами.

Гражданским законодательством предусмотрено, что залог возникает не только на основании договора между залогодателем и залогодержателем, но и «при наступлении указанных в законе обстоятельств (залог на основании закона)» [1]. Одним из таких обстоятельств,

при наступлении которых возникает залог является отсутствие уплаты налогоплательщиком причитающихся сумм налогов и сборов на основании решения налогового органа вынесенного по результатам налоговой проверки, обеспеченного имуществом налогоплательщика.

Основание возникновения залога в силу закона в отношении имущества налогоплательщика были внесены в ст. 73 НК РФ 29.09.2019 в ст. 73 НК РФ и вступили в силу с 01.01.2020 года. Таким образом, с 2019 года в налоговом законодательстве появился залог в силу закона, который

имеет свои отличительные особенности от залога, возникающего на основании договора. Отличия залога возник-

кающего в силу закона от залога, возникающего на основании договора, приведены в таблице 1.

Таблица 1. Отличия залога возникающего в силу закона от залога, возникающего на основании договора

Критерии сравнения	Залог на основании договора	Залог в силу закона
Основание возникновения	Договор между залогодателем и залогодержателем.	Наступление указанных в законе обстоятельств.
Предмет залога	Имущество, указанное в договоре.	Имущество, указанное в решении уполномоченного органа.
Стоимость предмета залога	Определяется исходя из рыночной стоимости предмета залога на основании оценки с учетом суммы задолженности.	В законодательстве отсутствуют методы и способы определения стоимости предмета залога.
Момент возникновения залога	Момент возникновения залога указан в договоре залога.	Момент наступления указанных в законе обстоятельств.
Контроль над сохранностью залогового имущества.	В договоре указаны способы и методы контроля над сохранностью залогового имущества.	Отсутствуют установленные способы и методы контроля над сохранностью залогового имущества.
Момент прекращения залога	Момент погашения задолженности по договору, на основании которого возник залог.	Наступление указанных в законе обстоятельств.

Из приведенной таблицы видно, что залог, возникший на основании договора, регламентирован условиями договора, а также нормами гражданского законодательства. При этом залог, возникший в силу закона, в частности в налоговых правоотношениях, носит относительный и неопределенный характер. Так, моментом определения объекта залога в налоговых правоотношениях является дата решения о принятии обеспечительных мер. От этой даты до даты возникновения залога проходит от одного до трех месяцев. В результате чего с момента вынесения обеспечительных мер в отношении имущества налогоплательщика и моментом возникновения залога, имущество может быть передано третьим лицам (дело № 2–1062/2020 рассмотренное Новокуйбышевским городским судом Самарской области по иску Николенко А. В.).

. А при возникновении залога на основании договора дата определения залогового имущества и дата возникновения залога, как правило, одинаковые.

Еще одной особенностью залога в силу закона является, отсутствие правового регулирования методов и способов контроля над ним, что приводит в конечном итоге к невозможности взыскания задолженности за счет заложенного имущества. При этом, в случае ликвидации, порчи или перерегистрации имущества, находящегося в залоге налогового органа налогоплательщику за данные нарушения законодательством Российской Федерации предусмотрены налоговая и уголовная ответственность не соизмеримые с причиненным ущербом бюджету, в результате отсутствия взыскания.

Также, при возникновении договора в силу закона отсутствует регулирование правил определения стоимости залогового имущества, что также приводит к ситуации, при которой налоговый орган не сможет взыскать суммы налогов и сборов, обеспеченные залогом.

Залог независимо от оснований возникновения является способом обеспечения исполнения обязательств. В процедуре банкротства Залоговый кредитор имеет преимущественный статус перед другими кредиторами, что дает залоговому кредитору больше шансов на погашение долгов в процедуре банкротства. При этом залогодержатели в процедуре банкротства имеют равные права на получение статуса залогового кредитора независимо от оснований возникновения залога.

Чтобы получить приоритетное удовлетворение своих требований за счет залогового имущества кредитору необходимо соблюсти следующие условия:

- залоговое обеспечение должно быть признано действительным и иметь приоритет в процедуре банкротства, а также залог должен быть правильно зарегистрирован в установленном законом порядке.
- Залоговый кредитор должен своевременно (до даты закрытия реестра требований кредиторов) предоставить необходимые документы и доказательства о наличии залога и размере его требования в рамках процедуры банкротства.
- Залоговый кредитор имеет право участвовать в процедуре банкротства и встречах кредиторов, где обсуждаются вопросы, связанные с реализацией имущества и удовлетворением требований кредиторов.
- При проведении процедур банкротства, залоговому кредитору может потребоваться пройти процедуры проверки и оценки заложенного имущества, чтобы установить его рыночную стоимость.
- В случае реализации заложенного имущества должника, залоговому кредитору предоставляется возможность принимать участие в процессе продажи и контролировать этот процесс.
- Залоговый кредитор обязан соблюдать установленные сроки и процедуры в рамках процесса банкротства.

Несмотря на наличие большого количества неурегулированных моментов, а также недостатков в вопросе возникновения залога в силу закона, в случае соблюдения правил регистрации залога и соков и процедур в рамках процесса банкротства залог, возникший в силу закона имеет такие же основания обеспечения взыскания в процедуре банкротства, как и залог, возникший на основании договора.

В силу того, что залогодержателем при возникновении залога в силу закона является налоговый орган, который действует в интересах государства, у залога, возникшего на основании закона, имеются и свои преимущества перед залогом, возникшим на основании договора.

Так, залог на основании договора возникает при добровольном волеизъявлении обеих сторон. В случае возникновения залога в силу закона залог возникает не независимо от желания залогодателя. В этой связи, при заключении договора залога, залогодатель знает какое именно имущество обременено залогом. В случае возникновения залога в силу закона налоговый орган имеет право взять в залог любое имущество, находящееся у налогоплательщика, о котором известно налоговому органу. Налогоплательщик будет лишь уведомлен о том, какое имущество находится в залоге у налогового органа.

Основным преимуществом залога в силу закона является то, что в случае установления статуса залогового кредитора налоговый орган имеет преимущественное положение при взыскании задолженности не независимо от даты возникновения задолженности. Это означает следующее:

В случае если у организации появляется должник и этот должник не заключает с кредитором договора залога, то кредитор вынужден через суд устанавливать свой статус кредитора и только после этого подавать заявление о признании должника банкротом. При этом, если у указанного должника после образования задолженности перед указанным кредитором возникнет задолженность перед налоговым органом, то налоговый орган имеет право взять имущество должника в залог. Таким образом, залог, возникший в силу закона, дает преимущество на взыскание

задолженности перед другими кредиторами, даже теми, у которых задолженность возникла раньше, чем у залогового кредитора.

При этом, ввиду особенностей возникновения залога в силу закона, основания для обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом может возникнуть раньше залога. В этом случае налоговые органы пользуются разъяснениями данных в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя». «Если кредитор при установлении требований не ссылаясь на наличие залоговых отношений, в результате чего суд установил данные требования как не обеспеченные залогом, то впоследствии кредитор вправе обратиться с заявлением о признании за ним статуса залогового кредитора по делу в соответствии со ст. 138 Закона о банкротстве» [4]. (Дело А 12–890/22 рассмотренное Волгоградским арбитражным судом)

Таким образом, залог независимо от оснований возникновения является способом обеспечения исполнения обязательств и при этом дает приоритетное положение залогодержателю в случае взыскания задолженности в процедуре банкротства. В налоговых правоотношениях с 2020 года появился залог в силу закона. Возникновение залога в силу закона до конца не урегулировано нормами ни налогового, ни гражданского законодательства. При этом законодатель наделил налоговый орган правом брать в залог имущество налогоплательщика при наступлении определенных обстоятельств, но не наделил налоговый орган правами контролировать имущество, находящееся в залоге. Так, в законодательстве отсутствуют методы и способы определения стоимости предмета залога и методы и способы контроля над имуществом находящемся в залоге налогового органа. При этом, налоговые органы в случае возникновения залога в силу закона имеют в случае взыскания задолженности в процедуре банкротства, имеют преимущества перед кредиторами, у которых задолженность возникла ранее.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2024. — № 33.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации: часть 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2024. — № 42.
3. Федеральный закон 127-ФЗ «О несостоятельности (Банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2024. — № 52.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58
5. Дело № 2–1062/2020 рассмотренное Новокуйбышевским городским судом Самарской области по иску Николенко А. В.
6. Дело А 12–890/22 рассмотренное Волгоградским арбитражным судом
7. <https://pravo.ru/opinion/219416/>

Правовое регулирование залога имущества в налоговых правоотношениях и пути его совершенствования

Иванова Наталья Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Усанова Виктория Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье автор рассматривает пути совершенствования контроля над имуществом, находящимся в залоге налогового органа.

Ключевые слова: *зalog в силу закона, обеспечительные меры, налогово-процессуальный кодекс, налоговые правоотношения, осмотра имущества, мероприятия налогового контроля.*

Залог имущества в налоговых правоотношениях становится более популярной мерой воздействия на хозяйствующие субъекты по вопросу исполнения обязанностей по уплате налогов. При этом, как налоговый орган, при реализации своих прав, так и налогоплательщик, при отстаивании своих прав, сталкиваются с рядом процессуальных вопросов возникновения и прекращения залога, а также с проблемами реализации залогового имущества. Данные проблемы связаны с тем, что в налоговом законодательстве не только не закреплены процессуальные нормы, связанные с залогом, но и п. 7 ст. 73 НК РФ установлено, что правоотношения, возникающие при установлении залога налоговыми органами, регулируются нормами гражданского законодательства.

Проблема применения гражданского законодательства к правоотношениям, возникающим между налоговым органом и налогоплательщиком, связана с тем, что налоговые правоотношения носят характер административно-правовых, а не гражданско-правовых отношений. В этой связи применение некоторых норм гражданского законодательства в отношении правоотношений, возникших в связи с применением залога налоговых органов, становится затруднительно.

Так, например, в ст. 334.1 ГК РФ установлено, что залог может возникать как на основании договора, так и в силу закона, как это и происходит в случае возникновения залога налогового органа при отсутствии уплаты по решению о привлечении к ответственности по результатам проведенной налоговой проверки. Гражданское законодательство достаточно подробно регулирует отношения, возникшие на основании договора залога. По вопросу регулирования отношений, возникших в результате возникновения залога в силу закона в ст. 334.1 установлено, что залогодатель и залогодержатель вправе заключить соглашение, регулирующее их отношения.

При этом, говоря о залоге налогового органа, возникшем на основании закона, мы чаще говорим об отношениях между государственным органом и недобросовестным налогоплательщиком, который по каким-либо причинам уклоняется от уплаты налогов. Такие налогоплательщики не только не идут на контакт и составление соглашений, регулирующих взаимоотношения залого-

держателя и залогодателя, но и стараются всячески препятствовать налоговым органам в реализации права проведения осмотра заложенного имущества, ссылаясь на норму ст. 343 ГК РФ.

В случае непредставления залогодателем имущества для осмотра, налоговый орган, пользуясь нормами гражданского законодательства вправе потребовать досрочного погашения обязательств, обеспеченных залогом. Возвращаясь к тому, что отношения, возникшие в результате залога налогового органа, носят административно-правовой характер, и причиной возникновения залога по закону является неисполнение одной из сторон обязанности по уплате налогов и сборов, то применение данной нормы права невозможно. Тогда налоговый орган вынужден возвращаться к нормам налогового права, где в ст. 125 НК РФ закреплена ответственность налогоплательщика за несоблюдение порядка владения, пользования и распоряжения имуществом, в отношении которого налоговым органом приняты обеспечительные меры в виде залога имущества.

Следует отметить, что формулировка «либо в виде запрета на отчуждение (передачу в залог) имущества лица без согласия налогового» была внесена в данную статью 31.07.2023 г. ФЗ № 389. Ранее налоговый орган мог привлечь к ответственности недобросовестного налогоплательщика только за «несоблюдение порядка владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, на которое наложен арест или в отношении которого налоговым органом приняты обеспечительные меры в виде залога» [5].

Но, несмотря на эти новшества, привлечь к налоговой ответственности в виде штрафа в размере 30 тыс. руб. налоговый орган может только в случае имеющихся доказательств нарушения правил владения пользования и распоряжения имуществом, находящегося в залоге. Доказательствами утраты, утери и (или) повреждения имущества должен являться осмотр имущества. Налоговый орган провести осмотр заложенного имущества без согласия налогоплательщика не может, так как нормами налогового законодательства не предусмотрены мероприятия налогового контроля, направленные на контроль имущества, находящегося в залоге налогового органа,

а нормы гражданского законодательства носят гражданско-правовой, а не административно-правовой характер.

Согласно гражданскому законодательству налоговый орган вправе, на основании ст. 343 ГК РФ досрочно обратиться с взысканием на имущество, находящееся в залоге налогового органа. Данную норму также трудно применить к правоотношениям с должником по налогам, так как налоговый орган в рамках ст. 47 и ст. 48 НК РФ имеет право на взыскание задолженности за счет имущества налогоплательщика. Взыскание задолженности за счет имущества должника происходит через службу судебных приставов, на основании ФЗ «Об исполнительном производстве».

Применения залога имущества налоговым органом направлено на обеспечение взыскания задолженности, возникшей по результатам проведенной налоговой проверки. Соответственно, налоговый орган заинтересован в том, чтобы имущество находилось в целости и сохранности, чтобы в случае отсутствия уплаты по решению, налоговый орган мог взыскать задолженность за счет реализации имущества, находящегося в залоге. Однако, основываясь на действующих нормах налогового и гражданского законодательства у налогового органа отсутствуют полномочия для того чтобы проверять сохранность имущества, находящегося у него в залоге. Налоговый орган может только обратиться с взысканием на имущество, находящееся в залоге. Но как правило, к моменту наступления сроков обращения с взысканием за счет имущества налогоплательщика этого имущества либо нет, либо оно находится в виде не пригодном к эксплуатации.

Существует еще одна процессуальная проблема, касающаяся имущества, находящегося в залоге налогового органа, связанная с вопросом реализации заложенного имущества. Как уже говорилось ранее, реализация имущества должника происходит в соответствии с ФЗ «Об исполнительном производстве».

Согласно п. 12 ст. 87 ФЗ «Об исполнительном производстве», в случае, если имущество должника не реализовано в течение одного месяца после снижения цены, то взыскателю предлагается оставить нереализованное в ходе торгов имущество за собой. При этом налоговый орган, являясь взыскателем не может согласиться на данное предложение, так как является бюджетной организацией органа исполнительной власти, а финансовая деятельность бюджетной организации строго регламентирована. В результате чего, нереализованное в рамках торгов имущество возвращается должнику, и налоговый орган, как взыскатель больше не в праве обращаться с взысканием задолженности за счет этого имущества должника. Таким образом, имущество остаётся у должника, задолженность перед бюджетом остается не погашенной, что приносит ущерб бюджету РФ.

Немало вопросов по заложенному имуществу возникает и в процедуре банкротства организаций. Так, по делу А60-19031/2021 были вынесены определение Арбитражного суда Свердловской области от 16.04.2022 и постанов-

ление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2022 в которых требования кредитора Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 22 по Свердловской области не признавались обеспеченными залогом. В дальнейшем, подав кассационную жалобу Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 22 по Свердловской области удалось доказать свой статус залогового кредитора и установить его требования как обеспеченные залогом имущества должника Волкова А. В. Суть спора заключалась в следующем.

Уполномоченным органом во исполнение решения о привлечении к ответственности Волкова А. В. решением от 23.07.2020 № 11 года приняты обеспечительные меры в виде запрета на отчуждение (передачу в залог) без согласия налогового органа следующего имущества: ½ доли в праве собственности на квартиру и ½ доли в праве собственности на нежилое помещение общей стоимостью имущества 1 906 тыс. руб.

В порядке, предусмотренном п. 2.1. ст. 73 НК РФ Уполномоченным органом 16.12.2020 направлено электронное уведомление в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии о возникновении на данное имущества залога. Обращаясь с заявлением об установлении статуса залогового кредитора по отношению к Волкову А. В., Уполномоченный орган настаивает на том, что с 17.12.2020 г. Является залогодержателем в отношении упомянутого имущества Должника. Судами 1-й и 2-й инстанции Уполномоченному органу было отказано в требованиях.

Отказывая Уполномоченному органу в удовлетворении его требований, суд 1-й и 2-й инстанции сослались на правовую позицию, изложенную в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-381/2015, согласно которой арестный залог — запрет на распоряжение имуществом в интересах кредитора не предоставляет последнему прав, предусмотренных ст. 18.1 и 138 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

Применив системное толкование положений ст. 73 и п. 7 ст. 101 НК РФ, статей 174.1, 334 ГК РФ, статей 50 и 77 ФЗ от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», статей 2, 18.1, 138 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» Арбитражный суд Уральского округа постановил признать требования Федеральной налоговой службы в лице Межрайонной Инспекции № 22 по Свердловской области обеспеченными залогом имущества должника Волкова Алексея Викторовича.

Для разрешения данного спора суду кассационной инстанции пришлось воспользоваться нормами не только налогового и гражданского законодательства, но и нормами ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Решением проблемы недостаточного правового регулирования норм по применению залога налоговыми органами, на мой взгляд, должно стать создание налогово-про-

цессуального кодекса Российской Федерации, в котором будут четко прописаны права налоговых органов на осмотр заложенного имущества, предусмотрена ответственность залогодателя за непредставление к осмотру заложенного имущества, установлен приоритетный способ взыскания задолженности в случае банкротства залогодателя, установлен порядок снятия залога в рамках процедуры банкротства, с целью реализации имущества должника, а также привлечение к ответственности за утрату или порчу заложенного имущества со стороны залогодателя.

Необходимость создания налогово-процессуального кодекса обусловлена тем, что Налоговый Кодекс Российской Федерации плохо справляется с задачами регулирования отношений между Федеральной налоговой службой и налогоплательщиками. Налогоплательщики не всегда понимают свои права, а закон трактуется по-разному в судебной практике.

Первое предложение о создании налогово-процессуального кодекса внесли в 2005 году в администрацию президента аналитики Издательского дома «Главбух» в рамках объявленного открытого конкурса на выполнение научно-исследовательских работ, которые должны помочь властям в проведении различных реформ, в частности налоговой «Законодательные подходы к разграничению практики цивилизованного налогового планирования от поведения, направленного на избежание налогообложения».

Аналитиками Издательского дома «Главбух» были представлены предложения по разработке и принятию в России целого ряда законодательных актов, направленных на повышение уровня защиты добросовестных налогоплательщиков и усиление административной ответственности уклонистов. Объединялся этот пакет законопроектов под общим названием «Налоговый процессуальный кодекс». В конкурсе на подготовку научно-исследовательской работы «Законодательные подходы к разграничению практики цивилизованного налогового планирования от поведения, направленного на избежание налогообложения» победила немецкая юридическая фирма Naarmann, Hemmelrath & Partners. В остальных реформах администрация президента пока полагается на российских специалистов [3].

Обязательным условием участия в конкурсе «Законодательные подходы к разграничению практики цивилизованного налогового планирования от поведения, направленного на избежание налогообложения» являлось — учет германского опыта. Это было обусловлено тем, что в 2002 году в Германии была принята новая редакция Положения о сборах (Abgabenordnung), которое к 2005 году уже успело доказать свою эффективность на практике. В этой связи структура налогово-процессуального кодекса, предлагаемая аналитиками издательства «Главбух» в 2005 году, была основана на германском опыте. Переноса германский опыт в российское налоговое законодательство, пришлось бы вводить принципиально новые для него нормы. По мнению аналитиков издательства «Главбух»: «Одна

из них — позволить налоговикам обращаться в суд за изменением квалификации действий налогоплательщика без оспаривания самой сделки. Такая норма необходима, чтобы налоговики не требовали признать недействительными сделки в гражданско-правовом порядке (с конфискацией всего полученного по сделке в пользу государства), как это происходит сейчас. Доначисление налогов и применение санкций в результате изменения квалификации сделки должно происходить при одновременном наличии двух обстоятельств: налогоплательщик ранее уже привлекался к налоговой ответственности и использовал для ухода от налогов «схему повышенного риска» [2].

За прошедшие 18 лет предложенные нововведения не нашли отражения в российском налоговом законодательстве, хотя проблемы с оспариванием сделок налоговыми органами существуют и по сегодняшний день.

В настоящее время среди практиков, занимающихся налоговыми и финансовыми спорами, ведутся дискуссии о необходимости введения налогового процессуального кодекса. Так, например, адвокат коллегии адвокатов г. Москва А.Ханов, специализирующийся на защите по экономическим и налоговым преступлениям и спорам, в своем блоге и на сайте zakon.ru 16.10.2022 года опубликовал статью «Налогово-процессуальный кодекс РФ». Необходимость принятия налогово-процессуального кодекса автор объясняет тем, что отсутствие ясных законодательных норм, регулирующих отношения налогового органа и налогоплательщика при проведении различных мероприятий налогового контроля создаёт множество спорных и конфликтных ситуаций [4].

В своей статье А.Ханов предлагает выстроить структуру налогово-процессуального кодекса по аналогии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ. По мнению А. Ханова налогово-процессуальный кодекс должен содержать включать части: 1. Общие положения в которую войдут Основные положения, Участники уголовного судопроизводства, Доказательства и доказывание, Меры процессуального принуждения, Ходатайства и жалобы и Иные положения. 2. Досудебное производство (регламентация мероприятий налогового контроля). 3. Судебное производство. 4. Особый порядок судебного производства в отношении отдельных групп и налогоплательщиков. 5.международное сотрудничество в сфере досудебного и судебного производство. 6. Электронные документы и бланки процессуальных документов.

Данная структура, по мнению автора, обусловлена тем, что в настоящее время самыми очевидными налоговыми законодательными пробелами являются наиболее частые мероприятия налогового контроля, а именно, предпроверочный анализ, различные комиссии, рабочие группы и встречи, вне рамок налогового контроля, допросы, выемки, ознакомление с материалами мероприятий налогового контроля, жалобы, сроки.

На мой взгляд, в данную структуру налогово-процессуального кодекса необходимо добавить раздел «Производство по залогам налоговых органов». В данном разделе не-

обходимо регламентировать следующие процессуальные вопросы, касающиеся залога

– Права налоговых органов на осмотр имущества налогоплательщика до взятия имущества в залог и вынесения обеспечительных мер на имущество налогоплательщиков;

– Обязанность налогоплательщика информировать налоговый орган в случае утраты, утери или порчи имущества, находящегося в залоге налогового органа;

– Регламентировать ответственность налогоплательщика за необеспечение сохранности имущества, находящегося в залоге налогового органа;

– Регламентировать право налогового органа на досрочную реализацию имущества, находящегося в залоге у налогового органа, в случае выявления признаков банкротства налогоплательщика.

Таким образом, можно сказать, что остро назрел вопрос разработки и принятия налогово-процессуального кодекса. Он должен внести ясность в правовое регулирование отношений налогового органа и налогоплательщика при проведении различных мероприятий налогового контроля, таких как предпроверочный анализ, ознакомление с материалами мероприятий налогового контроля, жалобы, осмотры, выемки, допросы, истребование документов. А также он должен регламентировать новые мероприятия налогового контроля, которые активно применяются налоговыми органами, но при этом никак не регламентированы законодательством, такие как осмотр залогового имущества, проведение комиссии по урегулированию долга, рабочие группы и встречи, вне рамок налогового контроля, истребование документов вне рамок налоговой проверки, проведение предпроверочного анализа.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 49.
2. Двойная запись: Налоговый процессуальный кодекс защитит права налогоплательщиков: электрон. журн. 2005. No 7. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/a1/42324.html> (дата обращения: 04.10.2023).
3. Ляшенко Г., Петухов С. Газета Коммерсантъ: электронный журнал/ Г. Ляшенко, — 26.07.2025., № 136. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/596298> (дата обращения: 04.10.2023).
4. Налогово-процессуальный кодекс // ZAKON.RU: ежедн. интернет-изд. 2022. 16 окт. URL: https://zakon.ru/blog/2022/10/16/nalogovuj-processualnyj_kodeks_rf (дата обращения: 04.10.2023).
5. Налоговый кодекс Российской Федерации: часть 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2023. — № 32. Ст. 125
6. Постановление. Арбитражный суд Уральского округа от 05.10.2022 № А60-19031/2021 — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=253649#gCtvRtTUVaO1mmXC> (дата обращения: 04.10.2023).
7. Федеральный закон 127-ФЗ «О несостоятельности (Банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 35.
8. Федеральный закон 129-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 35.
9. Газета Коммерсантъ от 26.07.2005 «Деятельность администрации президента»

Материальный вред и его значение в уголовном праве

Касымов Адильбек Асылбекович, студент магистратуры

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан)

В статье исследуется правовая природа института материального вреда в уголовном праве Республики Казахстан. Проведен историко-правовой анализ его развития от норм обычного права до современных правовых положений. Рассмотрены теоретические аспекты понятия материального ущерба, его значение для защиты прав потерпевших, а также правовые нормы, регулирующие возмещение вреда. Отмечается необходимость конкретизации понятия материального вреда в законодательстве для повышения эффективности его правоприменения.

Ключевые слова: материальный вред, гражданское право, возмещение ущерба, причинение вреда, потерпевший, гражданский иск.

Институт материального ущерба играет ключевую роль в обеспечении защиты прав потерпевших в уголовном праве. В Казахстане его значение эволюциониро-

вало от компенсационных принципов права кочевых народов до современных правовых норм, закрепленных в Уголовно-процессуальном и Гражданском кодексах.

Целью данной статьи является анализ значимости материального ущерба в уголовном праве, его правового регулирования и места в системе защиты интересов потерпевших.

Указанные нормы прошли значительный путь развития, отражая изменения в социальной, экономической и правовой сферах страны.

Зарождение института материального ущерба в Казахстане можно проследить с кочевых времен, когда существовали нормы, регулирующие ответственность за причинение вреда. В степном праве кочевых народов ущерб возмещался в натуральной форме, например, лошадьми, верблюдами или скотом, количество которых определялось в зависимости от тяжести совершенного правонарушения [1, с. 215].

В казахском обычном праве не было специального термина «преступление». Вместо него у казахов употреблялись слова «жаман іс» или «жаман қылық» (дурное дело, дурное поведение)... Вследствие того, что у казахов общественные отношения развивались как патриархально-феодалные, обычное право долгое время в преступлении усматривало прежде всего материальный или моральный ущерб интересам потерпевшего или его сородичам [2, с. 154].

В составе Российской империи в законодательстве выделилась самостоятельная отрасль — гражданское право, в структуре которого оформился институт обязательств, возникающих из причинения вреда. Впервые обособленные нормы этого института были закреплены в томе № 10 Свода законов Российской империи, изданном в 1835 году. Ключевым положением этих норм являлось то, что гражданско-правовые обязательства продолжали быть следствием правонарушения. Право потерпевшего на денежную компенсацию возникало только в случае виновного поведения нарушителя. Законодатель также предусматривал возможность одновременного наступления гражданско-правовой и уголовной ответственности или же применение исключительно имущественных санкций. Если неправомерные, но не уголовно наказуемые действия лица причиняли третьему имущественный ущерб, потерпевший имел право требовать возмещения вреда и убытков. В таком виде институт гражданско-правовой ответственности за причинение вреда существовал вплоть до распада Российской империи.

С переходом к советской системе права началось формирование более структурированного подхода к возмещению материального ущерба. Все ранее принятые нормативные акты были признаны классово чуждыми новому государству и подлежали замене новым законодательством. Первый кодифицированный нормативный правовой акт гражданского законодательства был принят именно в советское время. Речь идет о Гражданском кодексе РСФСР 1922 года. В этом кодексе имелась отдельная глава, которая называлась «Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда» [3, с. 207].

Следующий этап развития рассматриваемого института связан с Основами гражданского законодательства

СССР и союзных республик 1961 года. По сравнению с ранее действовавшей моделью правового регулирования появились нормы, на основании которых устанавливалась возможность привлечь к гражданско-правовой ответственности государство за противоправные действия сотрудников правоохранительных органов и суда.

В 1963 году Верховный Совет Казахской Советской Социалистической Республики утвердил Гражданский кодекс Казахской Советской Социалистической Республики, который стал основой для дальнейшего развития законодательства о материальном ущербе в Казахстане.

Таким образом, институт материального ущерба в уголовном праве прошел значительный путь развития от обычных норм до современного законодательства, отражая изменения в обществе и правовой системе. Эволюция данного института отразила изменения в правовом регулировании, что позволяет рассмотреть его современное значение в уголовном праве и роль в защите прав потерпевших.

Согласно статье 166 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК), в уголовном процессе рассматриваются гражданские иски физических и юридических лиц о возмещении имущественного и морального вреда, причиненного непосредственно уголовным правонарушением или общественно опасным деянием невиняемого, а также о возмещении расходов на погребение, лечение потерпевшего, сумм, выплаченных ему в качестве страхового возмещения, пособия или пенсии, а также расходов, понесенных в связи с участием в производстве дознания, предварительного следствия и в суде, включая расходы на представительство.

На основании норм указанной статьи следует, что законодательство предусматривает три направления возмещения: имущественный и моральный вред, расходы, связанные с последствиями преступления, а также затраты, возникающие в рамках уголовного процесса. Такое правовое регулирование направлено на комплексную защиту прав потерпевших.

В уголовно-правовой литературе преступный вред, как правило, разделяется на материальный (имущественный) и нематериальный (неимущественный).

Согласно разъяснению Верховного Суда Республики Казахстан, под моральным вредом следует понимать нравственные или физические страдания, испытываемые гражданином в результате противоправного нарушения, умаления или лишения принадлежащих ему личных неимущественных благ и прав [4].

В отношении определения материального вреда следует отметить, что оно не закреплено в действующем законодательстве.

В то же время важным элементом правового регулирования выступает статья 917 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее — ГК), которая устанавливает, что вред (имущественный или неимущественный), причиненный неправомерными действиями (бездействием) имущественным или неимущественным благам и правам

граждан и юридических лиц, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объёме.

Преступлением может быть причинен вред здоровью, жизни, личности и имуществу. Отметим, что термин «вред» обычно употребляют при наступлении неблагоприятных последствий для здоровья, жизни, личности. Термины «убытки» и «ущерб» употребляются при наступлении неблагоприятных последствий в имущественной сфере потерпевшего [5, с. 62].

Исходя из этого материальный вред можно классифицировать как причиненному здоровью или жизни и имуществу.

Под вредом здоровью понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды. Вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) [5, с. 62].

Кроме того, в состав вреда включается упущенная выгода (неполученные доходы), которые потерпевший получил бы при обычных условиях оборота. Под неполученными доходами следует понимать также не только запланированную прибыль, но и естественное приращение, которое могло бы быть получено от поврежденного приплода в виде плодов и приплода.

В большинстве случаев реальный ущерб выражен очевидно, являясь прямым «первичным» вредом. Но он может выступать в виде косвенного «последующего» вреда [6].

Вред, причиненный повреждением здоровья, лишением жизни, может выступать в виде имущественного ущерба от утраты заработка, дохода от индивидуальной предпринимательской деятельности с образованием или без образования юридического лица. При этом в состав имущественного вреда будут входить затраты на лечение, посторонний уход, на усиленное питание, протезирование, приобретение транспортных средств, погребение и др.

Таким образом, в определенной части вред, причиненный повреждением здоровья, является реальным имущественным ущербом, но он может выражаться и в форме неполученного дохода.

Под вредом имуществу следует понимать порчу, повреждение, утрату, хищение имущества и т. п. Причем имущество необходимо понимать в широком смысле: вещь, совокупность вещей, наличные деньги и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права [5, с. 89].

В статье 9 ГК указывается, что под убытками подразумеваются расходы, которые произведены или должны быть произведены лицом, право которого нарушено, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

При этом, статья 40 УПК приводит содержание имущественного вреда, подлежащего возмещению лицам, пострадавшим от незаконных действий органов, ведущих уголовный процесс включая убытки от утраченной заработной платы, пенсий и пособий, компенсацию за незаконно конфискованное имущество и иных расходов.

Данные нормы создают правовую основу для защиты прав потерпевших и обеспечивают возможность восстановления их финансового положения после неправомерных действий со стороны причинителя вреда, что подчеркивает важность защиты прав граждан в уголовном процессе.

Т. О. Кошаева отмечает, что вред, причиненный преступлением, представляет собой сущность преступного последствия, отличающего его от правонарушений, регулируемых нормами гражданского или административного права. Преступление, посягая на объекты, охраняемые уголовным законом, причиняет вред физическим лицам, материальным объектам или общественным отношениям. Такой вред является результатом умышленных или неосторожных действий виновного лица и обладает социально вредным характером. Например, убийство лишает жизни человека, а кража нарушает имущественные права потерпевшего. В этом контексте «вред» и «преступные последствия» взаимосвязаны и отражают единый процесс, который определяет юридическую и социальную оценку преступления [7].

По мнению Г. С. Шкабина, материальный вред включает в себя последствия имущественного характера, такие как уничтожение или повреждение имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, разрушение транспортной инфраструктуры и другие. Кроме того, к материальному вреду относится ущерб, причиненный жизни или здоровью человека, например, смерть или телесные повреждения, что принято называть физическим вредом. Последний связан с негативными изменениями в организме человека, имеющими органический характер [8].

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что вред, причиненный преступлением, представляет собой сложное явление, включающее материальные и физические последствия. Он формирует основу для юридической оценки противоправных деяний и подчеркивает важность учета всех его аспектов как на стадии расследования преступлений, так и в процессе возмещения ущерба потерпевшим.

Таким образом, институт материального ущерба в уголовном праве Республики Казахстан прошел значительный путь развития от норм обычного права кочевых народов до современного законодательства. Анализ показал, что данный институт играет ключевую роль в защите прав потерпевших, обеспечивая возможность восстановления их имущественного положения.

Современное правовое регулирование, закрепленное в Уголовно-процессуальном и Гражданском кодексах Республики Казахстан, предоставляет широкий спектр возможностей для возмещения ущерба, включая компен-

сацию убытков, упущенной выгоды и расходов, связанных с последствиями преступления. Однако отсутствие четкого определения материального вреда в законодательстве требует дополнительного внимания.

Литература:

1. Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. 10 томдық. / Бағдарлама жетекшісі: С. З. Зиманов. Қазақша, орысша, түрікше, ағылшынша.— Алматы: Жеті жарғы, 2005. («Интеллектуал-Парасат» заң компаниясы). 6-том.— 2005.— 568 с.
2. Культелеев, Т. М. Уголовное обычное право казахов / Т. М. Культелеев. Алматы: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1955—301 с.
3. Викторов Вячеслав Юрьевич, Матвеев Павел Александрович, Толстова Ирина Александровна, Ковшевацкий Владислав Игоревич Становление института гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в Российском праве // Право и практика. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-za-prichinenie-vreda-v-rossiyskom-prave> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 7 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000007S> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: учебно-практическое пособие.— Москва: Проспект, 2023.— 168 с.
6. Ащеулов А. Т. Жайлин Г. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный преступлением против личности. — Алматы: ИПЦ Казгюу, 2000.— С. 39.
7. Кошаева, Т. О. Вред, причиняемый экономическими преступлениями/ Т. О. Кошаева // Журнал российского права. — 2002. — № 8. — С. 34–41
8. Шкабин, Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование / Г. С. Шкабин // Lex Russica. — 2016. — № 8. — С. 62–80

Анализ актуального состояния и тенденций киберпреступности в России

Катаев Сергей Александрович, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Западный филиал (г. Калининград)

В статье автором проведен анализ актуального состояния киберпреступности в России, выявлены основные тенденции в совершении киберпреступлений.

Ключевые слова: киберпреступность, преступления, совершенные с применением компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационные технологии, противодействие киберпреступности, преступления в сфере компьютерной информации.

В современном мире значительное влияние на все сферы деятельности каждого человека, общества и государства в целом оказывает стремительное развитие информационных технологий, информационно-коммуникационных сетей, повышение доступности высокотехнологичных устройств для широкого круга граждан.

Активное внедрение информационных и телекоммуникационных систем, цифровых решений, обеспечение их доступности для подавляющего большинства граждан, цифровизация банковской, управленческой, экономической и социальной сфер является одним из основных приоритетов внутренней политики в Российской Федерации [1].

Указанные тенденции информатизации общества не только способствуют принятию эффективных управленческих решений, оперативности обработки больших объемов данных, расширяют сферы применения новых

цифровых технологий, но и значительно повышают риски негативных последствий киберпреступлений, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации.

Понятие «киберпреступность» стало использоваться в научных исследованиях сравнительно недавно и включает в себя как преступления в сфере компьютерной информации, так и противоправные деяния, совершаемые с применением компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей [2].

С развитием и активным внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь совершенствуются способы и средства совершения киберпреступлений, которые представляют реальные угрозы для информационной безопасности личности, общества и государства.

Анализ сведений аналитических отчетов Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности в России за декабрь-ноябрь 2024, 2023 и 2022 года позволяет сделать вывод, что киберпреступления продолжают оставаться одним из самых распространенных видов противоправных деяний [3].

В период с декабря по ноябрь 2024 года в Российской Федерации зарегистрировано свыше 702 тыс. преступлений, при совершении которых были использованы информационно-телекоммуникационные технологии или совершенные в сфере компьютерной информации. При этом продолжается отмечаться положительная динамика роста указанных категории преступлений в сравнении с аналогичными периодами предыдущих лет. Так, в сравнении с 2023 годом количество преступлений увеличилось на 14,3 %, а в сравнении с показателями 2022 года на 53,3 %. Сохраняется устойчивая тенденция к увеличению удельного веса киберпреступлений в общем количестве совершаемых преступлений (в 2024 году – 39,9 %, в 2023 году — 34,1 %, в 2022 году — 25,8 %).

Для совершения преступных деяний злоумышленники продолжают активно применять средства мобильной связи и компьютерной техники, глобальную информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Рост количества преступлений, совершенных с использованием указанных средств, к показателям 2023 года, составил 16,4 %, и 25 %, соответственно. На 24,5 % увеличилось количество преступлений, совершенных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

По нашей оценке, в дальнейшем число таких преступлений будет продолжать расти, что обусловлено большим

количеством потенциальных жертв, использующих средства мобильной связи и компьютерной техники, пользующихся социальными сетями, мессенджерами, многочисленными цифровыми сервисами в различных сферах жизни. Расширение зон покрытия сетей сотовой связи, повышение доступности цифровых сервисов, увеличение доли домохозяйств, обеспеченных возможностью широкополосного доступа к глобальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в рамках реализации Федерального проекта «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи» [4], также будет косвенно способствовать росту данных преступлений.

Анализ статистических данных за 2022–2024 год позволяет сделать вывод о том, что раскрываемость киберпреступлений продолжает снижаться и в среднем составляет порядка 24–28 %. Достаточно высокая латентность киберпреступности обусловлена характерными особенностями киберпреступлений, качественно их отличающими от традиционных преступлений, — анонимность, трансграничность, практически мгновенное распространение информации [5] [6].

Таким образом, проблема противодействия киберпреступности остается актуальной на современном этапе развития общества и требует принятия кардинальных мер. Считаем, что применение комплексного подхода, выработка единой стратегии и использование современных средств и способов противодействия киберпреступности, адаптированных к реальной обстановке, с учетом прогноза развития и уровня создаваемых угроз, позволит переломить тенденцию роста совершаемых преступлений и нейтрализовать потенциальные угрозы для информационной безопасности личности, общества и государства.

Литература:

1. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (05.12.2024). — Текст: электронный // Сайт Президента России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75762> (дата обращения: 12.01.2025).
2. Камышанова С. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий: актуальные проблемы // Вестник науки. 2024. № 6 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniy-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-kompyuternyh-tehnologiy-aktualnye-problemy> (дата обращения: 12.01.2025).
3. Сборники Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности в России за декабрь-ноябрь 2024, 2023 и 2022 года. — Текст: электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 10.01.2025).
4. «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи». — Текст: электронный // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/> (дата обращения: 14.01.2025).
5. Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-v-rossii-aktualnye-vyzovy-i-uspeshnye-praktiki-borby-s-kiberprestupnostyu> (дата обращения: 11.01.2025).
6. Шевко Наиля Рашидовна Мошенничество в киберпространстве: реальный ущерб в виртуальном мире // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-kiberprostranstve-realnyy-uscherb-v-virtualnom-mire> (дата обращения: 11.01.2025).

Основные направления противодействия коррупции на государственной службе

Качейкина Мария Ильинична, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье рассматриваются ключевые механизмы противодействия коррупции в современной России, включая организационно-правовые, кадровые и общественные инструменты контроля. Особое внимание уделяется роли информационных технологий и интернета как эффективных средств борьбы с коррупцией, а также проблеме формирования антикоррупционного сознания у государственных служащих и молодежи. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к реализации антикоррупционной политики, основанного на взаимодействии государства и общества.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, государственная служба, общественный контроль, кадровые механизмы, информационные технологии, правовое регулирование, гражданское общество, антикоррупционное сознание, транснациональная преступность.

Проблема коррупции в современном мире приобрела поистине глобальный характер, став серьезным вызовом для государственных систем и общественных институтов во всем мире. Масштабы коррупционных проявлений неуклонно растут, охватывая все новые сферы общественной жизни и принимая все более изощренные формы. Особую опасность представляет транснациональный характер современной коррупции, позволяющий преступным элементам действовать вне национальных границ и юрисдикций.

Российское общество глубоко обеспокоено сложившейся ситуацией, поскольку коррупционные практики не только наносят колоссальный материальный ущерб государству и его гражданам, но и разрушают фундаментальные основы доверия между властью и обществом. Системный характер коррупции провоцирует массовые нарушения законодательства, формируя в обществе атмосферу правового нигилизма и безнаказанности.

Государственная антикоррупционная политика России представляет собой комплексную стратегию, включающую правовые, организационные, экономические и социальные меры противодействия коррупции. Важнейшими направлениями данной политики являются совершенствование законодательства, усиление контроля за доходами и расходами должностных лиц, повышение прозрачности государственного управления, развитие институтов гражданского общества.

Особое значение приобретает международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции, поскольку в условиях глобализации борьба с коррупционными проявлениями требует скоординированных усилий мирового сообщества. Необходимо развивать механизмы взаимной правовой помощи, обмена информацией и опытом между правоохранительными органами разных стран [2].

Скептическое отношение значительной части российского общества к возможности победить коррупцию не должно становиться препятствием для последовательной реализации антикоррупционной политики. Результативность борьбы с коррупцией во многом зависит от политической воли руководства страны, профессио-

нализма правоохранительных органов и активной гражданской позиции населения. Только совместными усилиями государства и общества можно добиться значимых результатов в противодействии коррупционным проявлениям.

Обширная нормативно-правовая база противодействия коррупции формирует основу организационно-правового механизма борьбы с данным явлением, рассматривая коррупцию как с позиции этических и моральных норм, так и с точки зрения международной значимости в системе деятельности государств. Кадровые механизмы представляют собой следующую важную группу инструментов противодействия коррупции. Формирование кадрового состава органов государственной власти выступает одной из ключевых составляющих антикоррупционной политики на государственной гражданской службе, успешность которой напрямую зависит от компетентности, уровня знания законов и морального облика государственного гражданского служащего.

Выработка антикоррупционного сознания должна осуществляться на всех этапах профессионального становления: во время получения высшего образования, при поступлении на государственную гражданскую службу и в процессе ее прохождения. Для формирования антикоррупционного правосознания будущего сотрудника требуется заблаговременное информирование о ситуациях, квалифицируемых законодательством Российской Федерации как коррупционные правонарушения, а также уведомление о возможных последствиях и ответственности, предусмотренной Административным и Уголовным кодексами РФ [3].

Принцип кадровой политики, закрепленный в Федеральном законе «О противодействии коррупции» [1], предусматривает учет длительного, безупречного и эффективного исполнения должностных обязанностей при назначении на вышестоящую должность, присвоении специального звания, классного чина, дипломатического ранга или поощрении государственного или муниципального служащего. Подобная мера призвана мотивировать антикоррупционное поведение сотрудника, поскольку со-

блюдение закона положительно влияет на перспективы карьерного роста.

Механизмы общественного контроля обладают значительным потенциалом в борьбе с коррупцией, однако на современном этапе их эффективность остается недостаточной. Среди всех существующих механизмов данная группа отличается наибольшей независимостью и объективностью, действуя исключительно в интересах граждан.

Независимые средства массовой информации играют ключевую роль в осуществлении контроля за коррупционностью органов государственной власти, выступая связующим звеном между негосударственными общественными объединениями, гражданами и государственными структурами. Расширение числа независимых СМИ становится все более актуальным, поскольку большинство популярных телевизионных каналов, газет и других информационных источников, освещающих коррупционные правонарушения, находятся в государственной собственности.

Информационная компьютерная сеть «Интернет» стала неотъемлемой частью современного общества и мощным инструментом противодействия коррупции в органах государственной власти Российской Федерации. Благодаря своей доступности и широкому охвату аудитории, интернет предоставляет гражданам уникальную возможность открыто обсуждать проблемы коррупции, делиться информацией о выявленных нарушениях и координировать антикоррупционные инициативы. Независимость интернет-платформ от традиционных средств

массовой информации позволяет пользователям свободно выражать свое мнение относительно действий должностных лиц и работы государственных органов.

Современная молодежь активно использует интернет как основной канал коммуникации, что делает его особенно эффективным инструментом для формирования антикоррупционного мировоззрения у подрастающего поколения. Социальные сети, форумы, блоги и другие онлайн-площадки создают пространство для открытого диалога между гражданами и представителями власти, способствуя повышению прозрачности государственного управления и укреплению механизмов общественного контроля [4].

Распространение информации о коррупционных правонарушениях через интернет происходит практически мгновенно, что затрудняет сокрытие противоправных действий и повышает вероятность привлечения виновных к ответственности. Интернет-технологии позволяют создавать специализированные порталы для сбора и анализа информации о коррупционных проявлениях, организовывать общественные расследования и привлекать внимание правоохранительных органов к выявленным нарушениям.

Политика противодействия коррупции представляет собой комплексный и непрерывный процесс, направленный на снижение уровня коррупции. Достижение успеха в реализации антикоррупционной политики возможно лишь при условии фундаментальных позитивных изменений в общественном, групповом и индивидуальном сознании граждан Российской Федерации.

Литература:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.
2. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: монография / В. В. Астанин. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 255 с.
3. Левакин, И. В. Противодействие коррупции: развитие законодательства и правоприменения / И. В. Левакин, Ж. А. Шишова // Российская юстиция. — 2022. — № 2. — С. 47–50.
4. Хабриева, Т. Я. Противодействие коррупции в публичной и частной сферах: правовые аспекты / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2021. — № 4. — С. 5–19.

Вопросы соблюдения прав граждан при применении конфискации и ареста имущества в рамках уголовных дел

Кичекова Жаргалма Георгиевна, слушатель
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

В статье рассматриваются позиции ЕСПЧ, Верховного Суда Российской Федерации по вопросам правомерности применения ареста и конфискации в рамках уголовных дел, сделан акцент на отсутствие понимания целей ареста у правоприменителей и необходимость совершенствования практики применения института конфискации в России.

Ключевые слова: конфискация, арест на имущество, изъятие имущества, дополнительное наказание, статистика применения конфискации, мера уголовно-правового характера, безвозмездное изъятие.

Issues of compliance with citizens' rights when applying confiscation and arrest of property in criminal cases

Kichekova Zhargalma Georgiyevna, the listener
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)

The article examines the positions of the ECHR and the Supreme Court of the Russian Federation on the legality of the use of arrest and confiscation in criminal cases, focusing on the lack of understanding of the purposes of arrest among law enforcement officers and the need to improve the practice of applying the institution of confiscation in Russia.

Keywords: *confiscation, seizure of property, seizure of property, additional punishment, statistics on the use of confiscation, a measure of a criminal law nature, gratuitous seizure.*

Конфискация имущества — мера уголовно-правового характера, под которой понимается принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора суда имущества, закрепленное в ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера — новый институт в российском уголовном законодательстве, введена на основании Федерального закона от 27 июля 2006 года № 15-ФЗ, т. е. существование насчитывает 17 лет. До 2003 года конфискация имущества регулировалась ст. 52 УК и под ней понималось принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного.

Отмена конфискации всего или части имущества осужденного была направлена, прежде всего, на гуманизацию уголовного законодательства. В текущем виде конфискация имущества — мера, позволяющая возместить вред, причиненный преступлением, не допустить легализации имущества, полученного преступным путем, а также изъять вещественные доказательства, что, безусловно, важно для раскрытия и расследования преступлений.

Соблюдение прав граждан при применении мер по конфискации и аресту имущества остается приоритетным вопросом. При этом необходимо помнить о соблюдении баланса частных и публичных интересов при конфискации и наложении ареста на имущество.

В таблицах 1 и 2 приведена статистика применения ареста и конфискации за 2022 год. Статистика взята с сайта Судебного департамента при Верховном суде.

Из таблицы 2 видим, что в 2022 году подано 46 619 ходатайств о наложении ареста на имущество, из них удовлетворено 39 543 ходатайства. Мера в виде ареста на имущество следует перед решением вопроса о непосредственно конфискации как превентивная (чтобы имущество не было реализовано, спрятано, уничтожено).

По сведениям из таблицы 1, на 2022 год сохраняется 646 тыс. арестов денежных средств на общую сумму более 600 млрд рублей, 12 646 арестов на автомобили и другие транспортные средства, 45 876 — на иное имущество.

При этом решен вопрос о конфискации только 1 % от всей арестованной суммы денежных средств, примерно

20 % транспортных средств, в отношении иного имущества — менее 1 %.

Эти показатели могут означать, что правоохранительные органы, во-первых, не спешат решать судьбу арестованного имущества, во-вторых, это может быть свидетельством длительных сроков рассмотрения дел, по которым был применен арест. Примечательно, что арест денежных средств явно применяется чаще по делам экономической направленности, а подозреваемые могут длительное время скрываться от следствия и суда, что, непременно, ведет к тому, что арестованные денежные средства находятся под арестом годами.

Данный статистический показатель (из таблицы 1), а именно, раздел 15 в Сводном статистическом отчете Судебного департамента при Верховном суде «Сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год», появился только в 2022 году, поэтому отследить динамику показателей из таблицы 1 не представляется возможным. В среднем ежегодно показатель удовлетворенных ходатайств об аресте имущества не меняется — 35–37 тысяч ходатайств. Тем не менее, статистика из таблицы 1 представляется пугающей и возникает закономерный вопрос: насколько соблюдаются права и интересы собственников арестованного имущества при применении меры в виде ареста их имущества?

Критерии правомерности вмешательства государства в право собственности при наложении ареста на имущество выработаны в практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). ЕСПЧ отмечает, что сам по себе арест имущества при производстве по уголовному делу признается допустимым и необходимым для осуществления контроля за использованием собственности. Однако, для того чтобы быть законным с точки зрения ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (защита собственности), «арест имущества всегда должен: 1) быть предусмотрен законом, 2) преследовать правомерную цель и 3) быть соразмерным преследуемой цели» [2].

Выявлены ошибки в определении целей конфискации и предмета ареста.

Забайкальский краевой суд отменил в Апелляционном определении арест на мотоцикл осужденного, по-

Таблица 1

Виды имущества	№ стр	Наложен арест по постановлениям судов (из раздела 4 строки 44 графы 4)	Продлен арест на имущество по постановлениям судов (из раздела 4 строки 48 графы 4)	Применена конфискация по приговорам судов (ст. 104.1 УК РФ) (из раздела 3 строки 34 графы 1)	Применена конфискация по иным судебным актам судов (ст. 104.1 УК РФ) (из раздела 3 строки 34 графы 1)
А		1	2	3	4
Денежные средства на счетах в рублях	1	646 529	1 108	162	3
Денежные средства на счетах в иностранной валюте	2	525	44	7	1
Денежные средства наличные (в рублях)	3	1 855	85	644	13
Денежные средства наличные (в иностранной валюте)	4	8 731	13	22	0
Жилые помещения (квартиры, дома, их доли)	5	3 992	1 145	17	0
Производственные помещения	6	149	81	0	0
Иные нежилые помещения	7	1 596	787	12	0
Земельные участки	8	4 058	1 276	34	0
Автомобили и другие транспортные средства	9	12 646	1 971	614	11
Мобильные устройства (телефоны, планшеты, ноутбуки т.п.)	10	4 245	30	3 616	22
Бытовая техника	11	839	31	42	1
Ценности	12	185	26	21	0
Оборудование	13	155	55	66	3
Средства производства	14	18	9	11	3
Товары и продукция	15	57	14	24	0
Орудия и иные средства совершения преступления	16	154	6	487	58
Иное имущество	17	45 876	983	5 833	20
из стр.1 сумма в рублях	18	639 694 656 279	378 745 173 395	6 657 473 560	2 000
из стр. 3 сумма в рублях	19	4 385 559 210	1 681 400 104	123 424 983	48 720

Таблица 2

№ стр.	Остаток производств по материалам на начало года	Поступило в производство материалов	Окончено производством	Из графы 3:			Из графы 4: в отношении несовершеннолетних	Вынесено частных определений	Из графы 8: в адрес органов предварительного расследования	Остаток производств по материалам на конец отчетного периода
				удовлетворено	отказано в удовлетворении	прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности				
44	264	46 619	46 588	39 543	4 128	2 917	103	4	1	295

скольку тот был наложен необоснованно и описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать обоснование принятого решения по вопросу, доказано ли, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иным средством совершения преступления. А в соответствии с п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», следует иметь в виду, что для целей применения пункта «г» части 1 статьи 104.1 УК РФ транспортное средство не может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного статьей 264 либо 264.1 УК РФ, следовательно, мотоцикл конфискации не подлежит [3].

Понимание и соблюдение критерия законности целей ареста имущества третьих лиц вызывает трудности у правоприменительных органов. Кроме того, в каждом из рассмотренных дел со стороны государства осуществлялось вмешательство в право собственности заинтересованных лиц.

ЕСПЧ понимает термин «собственность» шире, чем российский законодатель. В Постановлении от 13 де-

кабря 2011 г. по делу «Васильев и Ковтун против Российской Федерации» ЕСПЧ разъяснил, что «концепция «имущества», отраженная в первом абзаце статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, имеет автономное значение, которое не ограничивается правом собственности в отношении материальных вещей и не зависит от формальной классификации по национальному законодательству: некоторые иные права и интересы, представляющие собой активы, могут также рассматриваться как «имущественные права» и, следовательно, как «имущество» по смыслу данного положения» [4].

На основе анализа судебной практики Забайкальского края были выявлены следующие вопросы соблюдения прав граждан при применении конфискации как меры уголовно-правового характера по уголовным делам.

При изъятии транспортного средства как орудия незаконной охоты или незаконной рубки судами исследуется вопрос о том, является ли такое транспортное средство источником существования семьи осужденного.

Читинский районный суд Забайкальского края рассмотрел уголовное дело и пришел в ходе рассмотрения к выводу, что так как диких животных подсудимые выслеживали из будки автомашины, освещая охотугодья, используя его как средство совершения преступления, данный автомобиль не является источником существования семьи осужденного, таким образом, учитывая, что Ильинов И. Б., Овчинников А. В., Подопригора А. А. об-

винаются в совершении незаконной охоты с помощью указанного автомобиля, суд считает, что данное вещественное доказательство подлежит конфискации [5].

В то же время Читинский районный суд Забайкальского края в апелляционном определении по другому уголовному делу указал, что автомобиль использовался в основном как средство для перевозки угля и воды, поскольку осужденный проживает частном доме, также автомобиль был использован лишь однажды для перевозки древесины, а не систематически, в связи с чем ошибочен вывод суда о том, что автомобиль явился средством совершения преступления [6].

Следует отметить, что Верховный суд отметил в 2018 году неоднозначность складывающейся практики применения ст. 115 УК РФ, и в мае 2018 года был подготовлен проект Постановления по вопросам применения главы 15.1 УК. Верховный Суд внес ряд предложений по совершенствованию конфискации как меры уголовно-правового характера.

Постановление Пленума ВС РФ всё же было опубликовано в июне 2018 года, однако, содержало ряд как полезных для правоприменителя, так и дискуссионных положений, например, пункт 6 Постановления, согласно которому арест может быть наложен на имущество не только подозреваемого и обвиняемого, но и иных лиц, если есть достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий.

Таким образом, практика применения конфискации как меры уголовно-правового характера требует дальнейших изысканий и размышлений теоретиков права и правоприменителя.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Рос. газ. — 2018.
3. Апелляционное определение Забайкальского краевого суда по делу № 281–2020 от 12 февраля 2020 года // Портал Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.09.2023).
4. Постановление ЕСПЧ от 13 декабря 2011 г. по делу «Васильев и Ковтун против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. — 2012. — № 4.
5. Приговор Читинского районного суда Забайкальского края от 18 июня 2021 года по делу № 1–271/2021 // Портал Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 26.09.2023).
6. Апелляционное определение Читинского районного суда Забайкальского края от 11 февраля 2022 года по делу № 1–30/2021 // Портал Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 29.09.2023).
7. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газ. 2014.
8. ООО «Аврора малоэтажное строительство» против Российской Федерации: Постановление ЕСПЧ от 07 апреля 2020 г. по делу по делу // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 годы // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.10.2023).

Следует отметить, что цель наложения ареста на имущество третьих лиц в УПК не сформулирована, а сформулирована она лишь в 2014 году Конституционным судом в п. 3.1 Постановления от 21 октября 2014 г. № 25-П. К цели ареста имущества третьих лиц относятся только «обеспечение исполнения приговора в части предполагаемой конфискации имущества, а также обеспечение сохранности имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу» [7].

ЕСПЧ в п. 65 Постановления от 7 апреля 2020 г. по делу «ООО «Аврора Малоэтажное Строительство» против Российской Федерации» указал, что «арест имущества, защищающий интересы потерпевших и гражданских истцов, мог быть применен только в отношении имущества обвиняемых и гражданских ответчиков» [8].

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что институт конфискации имущества в современном уголовном праве нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходима дальнейшая проработка института конфискации имущества. Представляется, что нет необходимости в возвращении конфискации как меры уголовного наказания, но институт конфискации имущества нуждается в совершенствовании, так как практика его применения пока не сложилась, не является однозначной, о чем свидетельствуют также обращения в ЕСПЧ и признание допущенных нарушений со стороны ЕСПЧ.

В целом практика применения конфискации еще не сформирована, так как временной отрезок применения нормы составляет менее 20 лет. Ожидаем изменений в главе 15.1 УК с учетом выявленных недостатков и дискуссионных вопросов применения.

Проблемы квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм

Коденцева Кристина Игоревна, студент;
Желоков Николай Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Квалификация преступлений занимает важное место в правоприменительной деятельности и заключается в сопоставлении фактических обстоятельств дела с нормой уголовного права. Способ, которым она осуществляется, зачастую влияет на назначение справедливого наказания, соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

На практике нередко встречаются ситуации, когда деяние одновременно охватывается несколькими статьями УК РФ (или частями статей), среди которых необходимо выбрать лишь одну. Иными словами, происходит конкуренция норм. При этом, как указывает Верховный суд РФ конкуренцию необходимо отличать от идеальной совокупности преступлений. Так, к примеру, при идеальной совокупности одним действием совершаются несколько преступлений одновременно, но разными статьями и в некоторых случаях разными частями одной и той же статьи.

Советский ученый-правовед Кудрявцев В. Н. выделяет два вида конкуренции: 1) общей и специальной; 2) части и целого. Эти два основных вида он разграничивает между собой по содержанию совпадающих и несовпадающих признаков составов [1].

В Уголовном кодексе нет четкого понимания конкуренции норм, однако, как отмечает В. Б. Шакин «...после продолжительного периода практических и теоретических разработок по разрешению указанного вида конкуренции, законодатель официально закрепил правило преодоления конкуренции общей и специальных норм» [2]. Данное правило закреплено в ч. 3 ст. 17 УК РФ установлено, что «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме» [3].

В качестве примера конкуренции общей и специальной нормы следует выделить ч. 2 ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником» и ч. 1 ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями». Часть 1 ст. 285 УК РФ — это общая норма, охватывающая широкий круг действий связанных с превышением полномочий должностного лица. Часть 2 ст. 303 УК РФ — это специальная норма, которая конкретизирует ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу, если это деяние совершено конкретным лицом (производящим дознание, следователем, прокурором или защитником). Эта норма более узкая, так как охватывает специфические действия конкретных лиц. Таким образом, если преступление пред-

усмотрено общей и специальной нормой, совокупность преступлений отсутствует, ответственность назначается по специальной норме.

При конкуренции квалифицированных составов следует выбирать норму, наиболее квалифицированную, т. е. предусматривающую более строгую ответственность. Например, если конкурируют ч. 2 и ч. 4 ст. 158 УК РФ, будет использоваться ч. 4, которая предусматривает более серьезное наказание. Если в конкуренции находятся два привилегированных составов следует выбрать норму, предусматривающую меньшую ответственность. При привилегированного конкуренции состава квалифицированного необходимо выбирать и норму, предусматривающую меньшую ответственность, то есть привилегированный состав преступления. Например, если убийство совершено с особой жестокостью, но в состоянии аффекта, то применяться будет не ч. 2 ст. 105 УК РФ, а ст. 107 УК РФ, но в этом случае есть свои особенности.

Так на приговор Воронежского областного суда от 28 июня 2016 года, по которому Морозов А. Г. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 8 годам лишения свободы исправительной колонии старого режима, была подана апелляционная жалоба адвоката подсудимого об учете смягчающего наказания обстоятельства. Адвокат, не оспаривая виновности Морозова А. Г., полагал, что действия осужденного должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 107 УК РФ. Однако суд отвергнул доводы защиты о необходимости переквалификации на ч. 1 ст. 107 УК РФ и подтвердил правильность квалификации преступления. Экспертное заключение показало, что осужденный находился в состоянии аффекта из-за длительной психотравмирующей ситуации, но суд установил, что его действия не были систематическими противоправными. Суд пришел к выводу, что Морозов действовал с умыслом на убийство, поскольку исходя из содержания его действий, не мог предвидеть наступление смерти от этих действий, поэтому действия осужденного квалифицированы верно и оснований для применения ст. 107 УК РФ не имеется [4].

Неправильная квалификация преступлений может повлечь за собой разное наказание, иногда не соответствующее тяжести совершенного преступления, что в свою очередь не позволяет в полном объеме достичь главной цели назначения наказания, а именно восстановление социальной справедливости. Для решения данной проблемы предлагается дополнить УК РФ новой статьей 17.1 «Конкуренция норм» с положениями: 1. Конкуренцией норм признается совершение одного преступления, подпадающего под признаки, предусмотренные двумя или

более нормами Особенной части настоящего Кодекса, применению из которых подлежит одна. 2. Если преступление предусмотрено общей и специальной нормой, совокупность преступлений отсутствует, ответственность на-

значается по специальной норме. 3. Если преступление предусмотрено нормой-целого и нормой-части, применяется норма, которая с наибольшей полнотой охватывает все фактические признаки преступления.

Литература:

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступления. — М.: Юридическая литература, 1972. — 352 с.
2. Шакин В. Б. Преодоление конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: дис.... канд. юрид. наук. М., 2004.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 2023. — № 18. — Ст. 3238.
4. Решение Верховного суда: определение № 14-АПУ16–12 URL:<https://www.zakonrf.info/suddoc/e6bc9bbf2eec999ccddddec87abb4e8b/> (дата обращения: 27.11.2024).

Перспективы развития криминалистической тактики предъявления для опознания

Крюкова Арина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Редков Сергей Константинович, кандидат педагогических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассмотрены современные направления развития тактики предъявления для опознания с учетом совершенствования российской криминалистики на основе информационных технологий.

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания, информационные технологии, программа, изображение, обобщенный портрет.

В современном мире информационные технологии нашли свое применение во всех сферах жизни, в частности и в уголовно-процессуальных отношениях. Они способствуют оптимизации деятельности правоохранительных органов.

Информационные технологии часто используются для фиксации хода и результатов предъявления для опознания. Фото- и видеосъемка позволяют снизить вероятность нарушений процедуры и тактики предъявления для опознания, повышает ответственность следователя и участников следственного действия за результаты опознания, уменьшает количество случаев признания результатов опознания недопустимым доказательством. Кроме того, видеозапись помогает зафиксировать в динамике эмоции опознаваемого и опознающего во время проведения следственного действия, что зачастую подтверждает объективность и искренность показаний потерпевших. Например, в преступлениях против половой неприкосновенности, потерпевшие при виде опознаваемого могут терять сознание, плакать или испытывать аналогичные сильные неподдельные эмоции, которые устраняют сомнения в достоверности результатов опознания. Видеозапись может свидетельствовать о том, что опознающий узнал человека несмотря на то, что отрицает этот факт или, напротив, намеренно оговорил непричастное к преступлению лицо.

Однако использование фото- и видеосъемки законодательно не закреплено, за исключением случаев прове-

дения предъявления для опознания с использованием видео-конференц-связи, ввиду чего следователь и защитник прибегают к использованию таких средств по собственной инициативе. Анализируя практику, Л. Г. Татьяна делает вывод, что результаты опознания чаще всего по сравнению с результатами других следственных действий оспариваются сторонами [5, с. 170], ввиду этого справедливо полагать, что УПК РФ будет дополнен нормой, обязующей должностных лиц фиксировать ход и результаты следственных действий посредством фото- и видеосъемки.

Ранее проблема, связанная с невозможностью непосредственного участия кого-либо из участников уголовного процесса в предъявлении для опознания ввиду отсутствия в месте проведения следственного действия, решалась путем дачи следователем поручения о производстве данного следственного действия другому следователю в другом регионе. Однако, как справедливо замечают П. М. Титов, Я. А. Шараева и Т. В. Гриценко: «Для всесторонности и объективности расследования все-таки следователь (дознатель) как главный субъект расследования уголовного дела должен непосредственно проводить следственные действия» [6, с. 120]. Ввиду этого иногда стали применяться системы видео-конференц-связи. Они помогают избежать приостановления предварительного следствия, документной волокиты и сэконо-

Одним из основных препятствий проведения следственного действия дистанционно является отсутствие технической возможности, в частности необходимых устройств, соединения, обеспечивающего качественную передачу данных. Кроме того, следователи зачастую не обладают знаниями для осуществления надлежащего подключения. Неурегулированным остается вопрос применения защитных серверов, не допускающих разглашение данных предварительного расследования. В перспективе видео-конференц-связь будет чаще применяться в ходе предъявления для опознания, а вышеперечисленные вопросы будут надлежащим образом разрешены.

Информационные технологии позволяют создавать программы, в частности графические редакторы нового поколения, которые по введенным в программу параметрам-признакам смогут самостоятельно изобразить предмет в полный его размер.

Кроме того, в последнее время все чаще появляется информация о возможностях искусственных нейронных сетей (ИНС). ИНС могут легко распознавать и классифицировать образы, в частности фотоизображения, голоса, звуки. Компанией Nvidia была разработана нейросеть StyleGAN, которая может создавать лица людей, которых не существует. Нейросеть обрабатывает большой массив фотографий реальных людей, заимствует элементы внешности из разных изображений и создает на их основе «нового» человека, при этом корректируя его образ так, что он становится максимально приближенным к реалистичному.

Результаты такого процесса можно увидеть на сайте thispersondoesnotexist.com, который при каждом обновлении страницы выводит подобные изображения на экран. На некоторых изображениях усматриваются дефекты, однако интенсивное развитие технологий позволяет говорить о том, что в скором времени они будут устранены и изображения станут максимально реалистичными. Нейросети будут применяться для генерации изображений, близких к изображению опознаваемого по фотографии лица.

Новые программы позволят отображать не только анатомические, но и функциональные признаки человека, в частности его жестикуляцию, походку. Наиболее полная информация об объекте будет способствовать детализации образа, а, значит, ускорению процесса поиска подозреваемого.

Решению проблемы поиска фотографий, содержащих изображения похожих лиц, будет способствовать разработка и использование программ, которые бы обеспечивали доступ в единый массив фотоизображений для автоматической выборки ряда схожих изображений на основе введенного в систему фотоизображения опознаваемого лица. В России и ближнем зарубежье были разработаны и используются такие системы автоматизированной идентификации личности по изображениям, как «КРИМНЕТ», «Портрет 4.3», «Образ++». Однако, как отмечает А. А. Отаров: «Разнообразие систем автоматизированной идентификации, с одной стороны, указывает на большой спрос в этой области, а с другой — показы-

вает, что ни одно из предлагаемых решений не является оптимальным» [4, с. 128]. В настоящее время данные программы ориентированы преимущественно на решение экспертно-криминалистических и оперативно-розыскных задач, поэтому они применяются в деятельности специалистов экспертно-криминалистических, информационных центров, центров оперативно-розыскной информации. Данные программы не предназначены для следователей и дознавателей.

Правоохранительные органы довольно часто находят трупы, имеющие такие травмы или посмертные изменения, которые очень затрудняют возможность их опознания. Как пишет А. М. Зинин, в этом случае может применяться методика изготовления изображения на основе фотографии головы трупа «с применением комплектов, разработанных для создания субъективных портретов» [2, с. 65]. Создает изображение криминалист, который устанавливает характеристики основных элементов лица, в первую очередь носовой и ротовой областей. Признаки ротовой области формируются на основе исследования строения зубного аппарата.

Иногда сотрудники правоохранительных органов находят только останки человека. В этом случае при обнаружении черепа может быть произведена реконструкция лица по черепу. Чаще всего используется графическая реконструкция. А. М. Зинин пишет, что «методика реконструкции базируется на статистически проверенных данных о средних характеристиках мягких тканей лица, соответствующих определенным участкам черепа» [5, с. 66]. В последнее время для составления графического изображения используются специализированные программы.

Потребность в моделировании внешнего облика человека также возникает в случае розыска детей или преступников, долгое время скрывающихся от правосудия. Это связано с тем, что данные лица в силу естественных биологических процессов меняют свой облик. Специалист-художник и специалист в области анатомии и стоматологии, применяя знания о закономерностях возрастной изменчивости признаков внешности, рисуют актуальный портрет лица. В настоящее время применяются компьютерные программы, позволяющие проводить такое моделирование.

Иногда в практике для розыска человека при отсутствии его фотографии в деле составляется его обобщенный портрет. Он аккумулирует в себе все характерные признаки, свойственные определенной родственно-семейной группе разыскиваемого лица. Обобщенный портрет создается на основе множества фотографий лиц, связанных родством с разыскиваемым лицом, и представляет собой усредненное изображение представителя рода. На сегодняшний день существуют программы, которые позволяют создать обобщенный портрет.

Следует отметить полезные свойства программ, моделирующих изображение в разных ракурсах. Они позволяют детально рассмотреть и проанализировать признаки внешности в разных положениях головы, а именно в анфас, 3/4 поворота головы и в профиль. Так, если у спе-

циалиста имеется только одна фотография разыскиваемого лица, на которой голова находится в определенном положении, компьютерные программы позволяют смоделировать изображение в трех плоскостях. Это делает возможным проведение сравнительного анализа 3-D модели с фотоизображением погибшего, умершего, имеющимся только в каком-либо одном положении головы.

Несмотря на наличие названных программ, многие следователи не применяют их, так как на местах отсутствует программное обеспечение. В будущем усовершенствованные версии таких программ будут установлены на всех рабочих местах следователей, а применения таких программ станет обязательным. Программы, работая на основе алгоритмов, будут наиболее точно и достоверно формировать образ человека, в связи с чем полученные с помощью них модели будут закреплены в законодательстве как самостоятельные объекты предъявления для опознания.

Стремительное развитие информационной среды позволяет утверждать, что в будущем появятся программы, которые позволят моделировать не только лицо поврежденного трупа по фотографии его головы или черепа, но и целостный образ умершего человека по фотографии его трупа или его отдельных частей. Они позволят опознать измененный до неузнаваемости труп или опознать труп до проведения его реставрации. Такие программы создадут возможность для проведения предъявления для опознания опосредованно, а именно с помощью представления фотоизображения, созданного программой. Положение о возможности предъявления для опознания трупа по его фотоизображению, созданному в специализированной программе, будет законодательно закреплено.

Для проверки результатов опознания в таких программах может быть реализована функция сопоставления фотографий живого и умершего человека. Данная функция будет полезна в случае необходимости опознания большого количества трупов в результате катастрофы. Например, в случае авиакатастрофы будут сфотографированы обнаруженные останки тел, фотографии загружены в программу. В эту же программу будут загружены фотографии лиц, летящих на данном рейсе. Программа позволит идентифицировать всех трупов без больших временных затрат.

В больших городах поиск подозреваемых осуществляется довольно быстро ввиду того, что в городе установлено множество камер с функцией распознавания лиц. После получения ориентировки осуществляется просмотр камер, которые находятся в радиусе, в котором произошло происшествие. В настоящее время осуществляется активная установка таких камер в небольших городах. Впоследствии все камеры будут заменены на камеры с функцией распознавания лиц.

Ввиду большого количества камер в городах справедливо предположить, что в УПК РФ будет закреплена возможность предъявления для опознания лица по его видеоизображению. По аналогии с предъявлением для опознания лица по его фотографии, такая форма следственного дей-

ствия будет допускаться в случае отсутствия возможности непосредственного предъявления лица для опознания. Преимуществом такой формы предъявления для опознания будет возможность опознания лица по его динамическим признакам. Видеозапись будет законодательно признана одним из объектов предъявления для опознания. Будут разработаны рекомендации проведения следственного действия, освещены его тактические особенности, озвучены тактические приемы. Кабинеты следователей будут оснащены оборудованием, которое позволит воспроизвести видеозапись без потери качества изображения и звука. Если на видеозаписи будут присутствовать лица, имеющие сходство во внешности с опознаваемым, отпадет необходимость поиска статистов, что сократит время подготовки к проведению предъявления для опознания.

Несмотря на то, что предъявление для опознания по признакам голоса и речи применяется в следственной практике достаточно редко, многие авторы, в частности Т. А. Вольская видят необходимость в нормативном закреплении и регламентации данного вида предъявления для опознания [1, с. 5]. Справедливо полагать, что в будущем данный вид предъявления для опознания будет осуществляться не только на основании имеющихся криминалистических рекомендаций, но и в соответствии с законодательными требованиями.

На законодательном уровне будет закреплена возможность предъявления для опознания по фонограмме голоса и речи. Возможности звукозаписывающих и других устройств позволяют создать звукозапись высокого качества. Компьютерные и акустические устройства могут смоделировать фоновый шум, который присутствовал в момент восприятия опознающим голоса опознаваемого, а также на основе имеющегося голоса или речи создать виртуальные модели с несколько видоизмененными эффектами, в результате чего отпадет необходимость подбора статистов, имеющих схожие голос и речь с голосом и речью опознаваемого лица. Среди таких программ Clowfish Voice Changer, AV Voice Changer; AV VoizGame, Funny Voice, MorphVOX JR, Scramby, Fake Voice; VoiceMod, AthTek Free Voice Changer и другие.

В настоящее время 3-D принтеры не применяются для создания предметов, которые могут быть предъявлены для опознания. Однако предметы, напечатанные на 3-D принтере, могут достаточно точно передавать признаки, названные опознающим во время допроса, а также позволяют лучше рассмотреть созданный предмет. На основании увиденного у следователя формируется и сохраняется в памяти образ искомого предмета. Однако 3-D принтеры — достаточно дорогостоящее оборудование. Постепенно осуществляется оснащение государственных органов необходимой техникой. В будущем 3-D принтеры будут активно применяться для создания 3-D моделей предметов, предъявляемых для опознания. Это несколько упростит поиск предметов, которые были похищены или иным образом фигурировали в происшествии, например, в качестве орудия совершения преступления.

Основным источником получения информации и коммуникации является сеть «Интернет». В настоящее время в различных сферах активно разрабатываются обучающие и интерактивные программы, которые позволяют получать и закреплять знания. Такие программы, предназначенные для персонального компьютера или мобильного устройства, будут применяться для повышения квалификации и обмена опытом между сотрудниками правоохранительных органов, в частности следователей. Они будут содержать криминалистические рекомендации, регламенты, инструкции, памятки по выполнению следственных действий, в частности предъявления для опознания. По аналогии с такими правовыми системами, как «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» в программы необходимо включить научные статьи, анализ следственной и судебной практики. Функция проверки знаний также не будет лишней, например, вопрос, моделирующий ситуацию, который предполагает краткий ответ.

Для обеспечения безопасности опознающего, а также для создания ему спокойной обстановки, располагающей к мыслительной деятельности и опознанию объекта, ка-

бинеты следователей переоборудуются, в частности устанавливаются стекла, обеспечивающие одностороннюю видимость. В кабинетах появляется телевизионное оборудование, которое позволяет транслировать изображение из помещения, где находится опознаваемый, в помещение, где присутствует опознающий.

И. В. Огурцов пишет следующее: «В настоящее время развивается система опознания человека по запаховым следам (ольгофакторные следы человека — одорология)» [3, с. 315]. Запах каждого человека уникален и несет личностную информацию о человеке, а значит может выступать в качестве индивидуализирующего признака, на основании которого возможно опознание человека.

Таким образом, развитие предъявления для опознания будет осуществляться по нескольким направлениям: появление новых видов и объектов предъявления для опознания, совершенствование действующего законодательства, разработка научных трудов — новых тактических рекомендаций, использование информационных технологий при производстве следственного действия, улучшение технической оснащённости кабинетов следователей.

Литература:

1. Вольская Т. А. Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Вольская Татьяна Александровна. — Воронеж, 2006. — 201 с.
2. Зинин А. М. Моделирование внешнего облика человека в расследовании и судебной экспертизе / А. М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2018. — № 7. — С. 61–67.
3. Огурцов И. В. Роль, место и значение криминалистических методов в установлении местонахождения без вести пропавших граждан и опознания неизвестных трупов / И. В. Огурцов // Молодой ученый. — 2009. — № 12 (12). — С. 314–319.
4. Отаров А. А. Отдельные виды предъявления для опознания и перспективы их совершенствования / А. А. Отаров // Юристъ — Правоведъ. — 2020. — № 1 (92). — С. 125–129.
5. Татьяна Л. Г. Дискуссионные вопросы предъявления для опознания / Л. Г. Татьяна // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — Т.3. — № 4. — С. 169–172.
6. Титов П. М., Шараева Я. А., Гриценко Т. В. Производство следственных действий с использованием видео-конференц-связи / П. М. Титов, Я. А. Шараева, Т. В. Гриценко // Юристъ — Правоведъ. — 2023. — № 1 (104). — С. 118–123.

Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, в условиях цифровой трансформации

Лукьянов Дмитрий Константинович, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Статья посвящена вопросам правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации. Рассматриваются ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие защиту детей от вредоносного контента, а также анализируются предлагаемые в научном сообществе меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: цифровая трансформация, безопасность, несовершеннолетние, сеть Интернет, защита детей.

Защита прав детей в Российской Федерации неизменно занимает центральное место в государственной политике,

что находит подтверждение в Конституции Российской Федерации и иных актах законодательства государства.

Важно отметить, что «обеспечение безопасности юношества и детства стало одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации. Понятие личной безопасности расширяется и охватывает теперь не только физическую неприкосновенность, защищенность личности, в том числе ребенка, от вредоносных посягательств со стороны других лиц. В условиях повсеместной компьютеризации к личной безопасности присоединяется и компонент обеспечения психологической безопасности путем охраны личности от противоправных вербальных посягательств в виртуальном пространстве» [1, с.2].

Наличие проблемы в указанной сфере отмечается в литературе: «проблема обеспечения информационной безопасности в настоящее время является актуальной как для Российской Федерации, так и для всего мирового сообщества. С огромной скоростью возрастает количество киберугроз не только для граждан, но и для организаций, общества, государства. Особого внимания заслуживает такая проблема, как обеспечение информационной безопасности детей и подростков. Именно несовершеннолетние чаще подвергаются негативному воздействию в сети «Интернет», они рискуют стать жертвами кибербуллинга, мошенничества и неправомерного доступа к личной информации. Среди распространенных угроз информационной безопасности несовершеннолетних также можно выделить постоянное увеличение количества интернет-сайтов с агрессивным или нелегальным контентом, в том числе призывающих к суициду и склоняющих к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, а также осуществление посредством сети Интернет киберпреследований и виртуальных домогательств» [3, с.234].

На сегодняшний день сформирована правовая база, состоящая из различных нормативно-правовых и иных актов, регулирующих информационную безопасность несовершеннолетних. В качестве примера стоит привести Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Указанный акт регулирует защиту детей от информации, которая может нанести вред их здоровью или развитию, включая такую информацию в информационной продукции. В частности, на основании рассматриваемого закона Первый кассационный суд общей юрисдикции Постановлением от 24.10.2024 г. по делу № 16–6529/2024 привлёк к административной ответственности гражданина за пропаганду нетрадиционных ценностей, т. к. в силу ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к такой информации, а также информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения [8].

Также стоит отметить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Отмечается, что он «регулирует распространение информации, определяя

категории запрещенного контента и накладывая на владельцев социальных сетей обязанность по модерации контента и блокированию доступа к нему в случае, если этот контент подпадает под категорию запрещенного» [2]. Следовательно, этот закон регулирует общие вопросы, связанные с информационной безопасностью, в т. ч. и защите персональных данных несовершеннолетних.

В 2015 г. была принята Концепция информационной безопасности детей (утверждена распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 г. № 2471-р), однако была отменена в связи с принятием новой в 2023 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.04.2023 г. № 1105-р). Действующая концепция делает упор на то, что современные дети являются активными пользователями сети «Интернет». Она направлена на защиту детей от информационных угроз в цифровой среде и включает в себя меры по повышению цифровой грамотности и безопасности детей. Новшеством является планирование проведения уроков цифровой грамотности в учебных учреждениях.

Ещё одним актом, требующим внимания, является Приказ Минкомсвязи России от 16 июня 2014 г. № 161, который устанавливает требования к мерам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. При несоблюдении таких требований к нарушителю применяются меры административной ответственности. Например, в одном из дел судами трёх инстанций была установлена вина владельца торгового центра в том, что он не обеспечил необходимые условия для безопасности детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию — дети беспрепятственно могли воспользоваться сетью Wi-Fi [7].

На фоне бурного развития информационного общества и глобальных изменений, вызванных пандемией, международными санкциями и переходом образовательных процессов в цифровую сферу, вопросы обеспечения информационной безопасности детей приобрели особую значимость. В условиях, когда многие процессы жизни, включая образование, становятся полностью цифровыми, необходимость защиты детей от вредоносного воздействия информации, угрожающей их здоровью и психоэмоциональному состоянию, становится неотложной задачей для всего общества.

Среди явных признаков текущей эпохи стоит отметить активное вовлечение детей в виртуальное пространство. Интернет и информационные технологии становятся для них не просто инструментами для получения знаний, но и важнейшими каналами для коммуникации и саморазвития. Однако с этим приходит и немалая угроза. Виртуальная реальность, несмотря на свои очевидные преимущества, несет в себе массу опасностей, таких как киберпреступность, насилие в интернете и манипуляции сознанием. Все эти факторы становятся реальной угрозой информационной безопасности несовершеннолетних, что в свою очередь требует разработки эффективных юридических механизмов защиты их прав.

Стремительный рост числа пользователей среди детей, который с каждым годом становится все более оче-

видным, заставляет правовую систему адаптироваться к новым вызовам. Разработка систем защиты, ориентированных на их потребности и особенности восприятия, становится не просто важной, но и критически необходимой. Указанные системы должны предусматривать не только технические средства защиты, но и правовые инструменты, направленные на предотвращение влияния вредоносной информации на их психику и личностное развитие. Важно, чтобы законодательство, регулирующее эти вопросы, было гибким и готовым оперативно реагировать на быстро меняющуюся цифровую среду.

Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних требует комплексного подхода, включающего как профилактику, так и правовые меры по защите от уже возникших угроз. Важно отметить, что одной из мер, предлагаемых исследователями и представителями органов власти, является введение возрастного ценза. Так, Т. И. Сустина предлагает внести в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» норму о необходимости достижения несовершеннолетним 14-летнего возраста при предоставлении ему информационных услуг, в связи с которыми обрабатываются его персональные данные [5]. В январе 2025 г. от депутата Государственной Думы Российской Федерации поступило предложение ввести такое же возрастное ограничение, но относительно пользования социальными сетями [9].

Т. И. Сустиной также указывается на то, что «в целях обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних следует развивать правовое регулирование данной области. Так, например, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации в главе 3 устанавливает основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности, при этом не учитывая несовершеннолетних, как особых, наиболее уяз-

вимых субъектов информационных отношений. Таким образом целесообразным является включение в Доктрину информационной безопасности Российской Федерации положений об основах правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации была утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646). Кроме того, информационная безопасность несовершеннолетних является составляющей формирующейся системы обеспечения комплексной безопасности детей. В этой связи одной из приоритетных задач реализации Стратегии комплексной безопасности детей в РФ является обеспечение их информационной безопасности» [4, с.424].

Также исследователи в области информационной безопасности предлагают принять отдельный специальный нормативно-правовой акт. Так, А. С. Федорова указывает, что «действующее законодательство в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних требует систематизации (создания универсального нормативного акта) и совершенствования [6, с.166]. Считаем, что данная мера не является эффективной, а только приведёт к временным и финансовым затратам. По нашему мнению, достаточно внести изменения уже в действующее законодательство.

Таким образом, правовое регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации требует комплексного подхода, включающего как правовые меры, так и повышение осведомленности у детей и их родителей. В условиях активного использования детьми интернет-ресурсов и растущих угроз, поступающих из них, необходима трансформация действующего правового регулирования путём внесения изменений.

Литература:

1. Барей Н. С., Мальцева В. А. Информационная безопасность детей в виртуальном пространстве. Кибербуллинг как стигматизационный фактор [1] // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 1 (143). — С.1–6.
2. Виноградов В. А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты // Журнал российского права. — 2024. — № 9. — С. 72–87.
3. Миронова С. М., Симонова С. С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — № 2. — С. 234–241.
4. Сустина Т. И. Интересы несовершеннолетних в информационно-правовых отношениях и состояние их информационной безопасности // Образование и право. — 2023. — № 7. — С.423–425.
5. Сустина Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: дис.... канд. юрид. наук / Сустина Т. И.; ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта». — Москва, 2023.
6. Федорова А. С. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // КриминалистЪ. — 2022. — № 2 (39). — С.163–166.
7. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.05.2021 № 16–3163/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2024 по делу № 16–6529/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
9. В Госдуме предложили запретить детям до 14 лет пользоваться соцсетями // URL: <https://ria.ru/20250115/sotsseti-1993758944.html> (дата обращения: 16.01.2025).

Правовое регулирование криптовалюты и блокчейна в РФ

Мирошниченко Алексей Владимирович, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Правовое регулирование криптовалют и технологий блокчейна в Российской Федерации является одной из наиболее актуальных тем, поскольку эти технологии активно развиваются и влияют на различные сферы экономики, от финансового сектора до логистики и государственных услуг. В условиях стремительного роста популярности цифровых активов, их использования для расчетов и инвестиций, отсутствие четкой правовой базы приводит к юридическим рискам, неопределенности в построении партнерских отношений. Целью написания статьи является определение текущего состояния правового регулирования криптовалют и блокчейна в РФ и разработка рекомендаций по его совершенствованию. Для достижения цели необходимо решить задачи, направленные на выявление правовых рисков и проблем, связанных с отсутствием четкой нормативной базы в РФ, и формирование предложений по совершенствованию законодательства с учетом международной практики и национальных особенностей. Для проведения исследования используются такие методы, как анализ научной литературы и нормативных правовых актов, компаративный и системный методы. Теоретическая значимость заключается в систематизации знаний о правовом регулировании криптовалют и блокчейн и анализе перспектив их применения в различных сферах экономики. Практическая значимость работы состоит в разработке рекомендаций, которые могут быть использованы законодателями, предпринимателями и государственными органами для минимизации рисков и эффективного использования возможностей, предоставляемых новыми технологиями. Результаты исследования могут стать основой для дальнейших научных работ, а также для разработки и реализации государственной политики в данной сфере.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, криптовалюта, блокчейн, закон.

Правовое регулирование криптовалют в России сталкивается с рядом сложностей, связанных с природой этих активов и их техническими особенностями. Криптовалюты, появившиеся с запуском системы «Биткоин» в 2009 году, изначально представляли собой независимый от государственных и банковских структур финансовый инструмент. Их распространение вызвало необходимость разработки правовых механизмов, которые позволяли бы контролировать их оборот и защищать интересы участников сделок [2, с. 129]. Однако в российском законодательстве до сих пор отсутствует цельная и однозначная концепция регулирования криптовалют.

С точки зрения юридической природы криптовалюты, основная проблема заключается в ее неоднозначной классификации. Согласно статье 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, имущество, включая безналичные денежные средства, ценные бумаги, нематериальные блага. Однако криптовалюта, не имеющая физической формы, не может быть отнесена к категории вещей [4, с. 92]. В то же время она не является безналичными денежными средствами, так как их выпуск и обращение не зависят от обеспечения реальными активами, что требуется, например, для электронных денег, определенных Законом № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Этот закон дает определение электронных денежных средств как средств, предоставленных пользователем эмитенту для выполнения обязательств перед третьими лицами, причем информация о размере средств фиксируется без открытия банковского счета. Для признания криптовалюты электронными деньгами необходимо ее обеспечение реальными деньгами, чего в большинстве случаев не происходит [10, с. 508].

Основой развития законодательства стало принятие Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этот закон ввел понятие «цифровая валюта», которая может быть легализована только при условии, что она выпущена сертифицированным государственным оператором [7, с. 246]. Оператор обязан вести централизованный реестр пользователей и обеспечивать их идентификацию. Такие требования делают легальную цифровую валюту противоположной децентрализованным и анонимным криптовалютам, таким как биткоин.

Анонимность — еще одна фундаментальная характеристика криптовалют, которая противоречит правовым требованиям [6, с. 59]. В российском законодательстве отмечается идентификация сторон сделки для обеспечения прозрачности операций и предотвращения незаконной деятельности. В то же время криптовалюты, основанные на децентрализованных блокчейн-системах, позволяют пользователям оставаться анонимными или действовать под псевдонимами.

Введение в ГК РФ категории «цифровые права» в статье 141.1 стало попыткой найти альтернативный подход к регулированию цифровых активов. Цифровые права представляют собой имущественные и иные права, которые могут быть переданы, обременены или ограничены исключительно в рамках информационной системы [9, с. 504]. Этот подход предлагает рассматривать криптовалюту как электронную ценную бумагу или имущественное право, что расширяет ее возможное использование в экономике. Однако такая концепция ограничивается тем, что только определенные федеральным законом активы могут

быть отнесены к цифровым правам. Например, цифровые финансовые активы, регулируемые Законом № 259-ФЗ, ближе к ценным бумагам, чем к криптовалютам, так как подразумевают оборот денежных требований и корпоративных прав [1, с. 60].

Цифровые финансовые активы требуют ведения централизованных реестров, идентификации владельцев и декларирования операций. Это исключает использование децентрализованных систем, таких как блокчейн, и значительно отличается от концепции классических криптовалют. В результате самоисполняемость сделок, являющаяся одной из ключевых характеристик криптовалют, теряет свое значение в правовом пространстве [5, с. 114].

Особое внимание уделяется налогообложению операций с криптовалютами. Хотя в Законе № 259-ФЗ указан общий принцип использования рыночной цены для расчета налоговой базы, метод определения стоимости криптовалюты остается неясным. Федеральная налоговая служба должна разработать соответствующие разъяснения, но пока неизвестно, будут ли использоваться данные внутреннего курса платформы или внешних конвертационных систем.

Несмотря на усилия законодателя, регулирование криптовалют в России остается фрагментарным и несовершенным [3, с. 102]. Попытки адаптировать криптовалюты к существующим правовым нормам неизбежно приводят к утрате их основных преимуществ: децентрализованности, анонимности и низких транзакционных издержек. В результате вместо интеграции криптовалют в экономику создаются новые цифровые инструменты, которые, хотя и соответствуют требованиям законодательства, не пользуются популярностью у пользователей.

Эти проблемы отражены в Концепции законодательного регулирования механизмов оборота цифровых валют, опубликованной Правительством РФ в 2022 году. Концепция предлагает усиление контроля за криптовалютными платформами и разработку гарантий для пользователей. Однако эти меры вызывают сомнения в их эффективности, поскольку противоречат самой природе криптовалют [8, с. 838]. Децентрализация и анонимность, лежащие в основе популярности криптовалют, не совместимы с жестким государственным контролем.

Для решения проблем правового регулирования криптовалют в России необходимо:

1. Создание отдельной правовой категории для криптовалют. Вместо привязки криптовалют к существующим категориям, таким как безналичные деньги или имущество, можно создать отдельную категорию «цифровых валют», которая будет учитывать их особенности, такие как децентрализация и анонимность, при этом соблюдая минимальные требования к прозрачности для предотвращения незаконной деятельности.

2. Регулирование криптобирж и платформ. Следует создать систему лицензирования криптобирж, обязательную идентификацию пользователей и контроль за их деятельностью, что позволит сбалансировать децентрализацию и необходимость контроля. В то же время операции внутри криптосистем должны оставаться вне вмешательства государства, за исключением подозрений в незаконной деятельности.

3. Налогообложение и прозрачность транзакций. Для эффективного налогообложения криптовалют можно внедрить автоматизированные системы мониторинга операций, зарегистрированных через лицензированные платформы. Необходимо разработать четкие стандарты для определения рыночной стоимости криптовалют для налогообложения.

4. Внедрение национальной цифровой валюты. Создание цифрового рубля, подконтрольного государству, позволит интегрировать преимущества блокчейн-технологий в национальную финансовую систему, обеспечивая стабильность и прозрачность, контроль за финансовыми операциями.

5. Международное сотрудничество и стандарты. Для эффективного регулирования криптовалют следует активно сотрудничать с международными организациями для разработки глобальных стандартов, которые обеспечат безопасность и прозрачность криптовалютных операций.

6. Образование и повышение правовой осведомленности. Для минимизации правовых рисков необходимо обучать пользователей криптовалютам и разъяснять им правовые последствия операций с цифровыми активами.

Таким образом, в условиях растущего интереса и распространения криптовалют в России, эффективное правовое регулирование этих активов требует гибкости и инноваций. Ключевыми задачами остаются создание четкой правовой категории для криптовалют, разработка механизмов контроля за криптобиржами и платформами, налогообложение криптовалютных операций.

Литература:

1. Дубов Е. И., Дубова М. Е. Перспективы развития правового регулирования криптовалюты в Российской Федерации // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2018. № 4. С. 59–63.
2. Желтова В. А. Правовой статус криптовалюты как объекта гражданских прав // Академический юридический журнал. 2023. № 4 (48). С. 128–131.
3. Қойшыбайұлы Қ., Копбаев Д. З., Бидайшиева А. Б. Правовое регулирование блокчейн и криптовалют: проблемы и перспективы выпуска токенов и их оборот на территории Республики Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. № 1 (72). С. 98–107.

4. Пулатов А. Правовая природа и уникальность продуктов, созданных на основе технологий блокчейн (криптовалюта, токен, смарт-контракт) // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. Москва, 2023. С. 88–97.
5. Сулайманова Ч. Н., Маликов А. М. Блокчейн в залоговых правоотношениях: инновации и правовое регулирование // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2024. Т. 24. № 3. С. 112–116.
6. Тагаева С. Н. Правовой режим криптовалюты в системе объектов гражданских прав в Российской Федерации // Юридический вестник. 2023. № 1 (13). С. 57–62.
7. Федоренко Н. В. Использование технологии распределенного реестра (блокчейн) в цивилистическом процессе и блокчейн-арбитраж // Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского экономического союза. Ростов-на-Дону, 2023. С. 245–248.
8. Хакк Б. В. Проблемы правового регулирования криптовалюты в РФ (на примере Bitcoin и других криптовалют, работающих на системе «blockchain») // Проблемы развития рынка товаров и услуг: перспективы и возможности субъектов РФ. 2020. С. 837–839.
9. Ma Z. New perspectives on the use of blockchain technology in finance: a content analysis // Eurasian Law Journal. 2024. № 4 (191). P. 504–505.
10. Way He. Blockchain technology to enhance the public service capability of digital government // The Eurasian Law Journal. 2023. № 6 (181). Pp. 507–508.

Дистанционное мошенничество и способы его совершения

Нагайцев Артур Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Макеева Инна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Академия труда и социальных отношений (г. Москва)

В статье рассматривается один из видов преступления против собственности — мошенничество — и дистанционные способы его совершения.

Ключевые слова: *мошенничество, дистанционные способы, чужое имущество*

Стремительное развитие современных технологий, их использование в различных сферах общественных отношений открывают новые возможности для совершения преступлений. Мошенничество не стало исключением — все чаще благодаря новым технологиям оно совершается дистанционно. Согласно ст. 159 УК РФ, мошенничество — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1]. При дистанционном мошенничестве предметом хищения будут выступать только денежные средства, на которые претендуют преступники.

Дистанционное мошенничество осуществляется преступником на расстоянии посредством компьютерных или телефонных сетей, с помощью которых он связывается с другим лицом, и обманным путем убеждает его передать ему определенные данные или денежные средства.

Преступников привлекает большой размер прибыли, краткосрочность взаимодействия с жертвой, безграничное число контактов с ней, финансовая и информационная неграмотность и внушаемость потерпевших, а также их нечастое обращение в правоохранительные органы из-за чувства стыда и неготовности показать свою некомпетентность. В числе первых, кого заинтересовал этот вид мошенничества, были осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы [2]. Указанные пре-

ступления совершаются с использованием определенных программ, которые позволяют изменить IP-адрес, управлять денежными переводами, осуществлять подмену телефонных номеров с целью сохранения анонимности при совершении преступления и сокрытия следов для запутывания правоохранительных органов при расследовании. Для совершения дистанционного мошенничества преступнику не требуется вступать в прямой контакт с жертвой, чтобы получить от нее необходимые данные.

Существует множество способов совершения дистанционного мошенничества. Фишинг — это метод получения конфиденциальной информации (пароли, номера кредитных карт и банковские реквизиты) путем маскировки под легитимные организации: мошенники отправляют электронные письма или создают поддельные веб-сайты, которые кажутся настоящими, и просят ввести там персональные данные, а когда жертва представляет информацию, мошенники используют ее для кражи денег или личных данных [3]. Следующим способом дистанционного мошенничества является получение одноразового пароля, который отправляется на номер телефона, привязанный к банковской карте. С помощью данного пароля мошенники получают доступ к денежным средствам на карте, определенным сайтам с важной информацией, страницам социальных сетей или онлайн-кошелькам.

Также можно выделить преступления, совершаемые непосредственно через интернет. Наиболее распространенным методом является фальшивые покупки или продажи на различных интернет-площадках. Для этого создаются зеркальные сайты или сайты-двойники, которые ничем не отличаются от оригинального функционально и внешне, за исключением того, что все товары и услуги, которые представлены на данных сайтах, не могут быть проданы или использованы, так как их попросту не существует. Для реализации данного преступления мошенники стараются как можно быстрее завлечь покупателя определенным товаром, а затем предложить ему сделать предоплату на банковскую карту. Для этого клиенту необходимо ввести определенный пароль, который создается и высылается мошенниками. После того как данный пароль будет использован, все банковские данные, а также средства на карте, будут в распоряжении мошенников.

К дистанционному мошенничеству также следует отнести преступления, совершенные с помощью программного обеспечения, например таких приложений, как AnyDesk и TeamViewer. С помощью первой программы мошенники получают удаленный доступ к компьютеру пользователя и могут использовать это для хищения де-

нежных средств или информации, которая имеет ценность. Вторая программа позволяет связаться по видеосвязи с жертвой и убедить ее использовать вредоносные файлы или самостоятельно загрузить их на компьютер пользователя.

Следующим способом дистанционного мошенничества является использование QR-кодов. Преступники размещают в общественных местах QR-коды, при переходе по которым гражданам обещают гарантированные соцвыплаты. На самом деле таким образом с банковских карт похищают денежные средства. Как правило, такие QR-коды размещают в местах, где они очень заметны, но при этом их размещение трудно контролировать: на стенах домов, в подъездах, на парковках, на остановках общественного транспорта, других общественных местах и объектах наибольшего скопления людей [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент дистанционное мошенничество является преступлением, которое требует более подробного изучения и совершенствования способов противодействия ему, поскольку для его совершения могут быть использованы программы и другие современные технологии, которые изначально были созданы для помощи пользователям.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.12.2024).
2. Лустин В. И. Дистанционные мошенничества // Закон и власть. 2023. — № 5. — С. 67–74.
3. Иванникова М. А. Финансовые мошенничества в современном мире: виды мошенничества, меры предосторожности и борьбы с ними // Вестник науки. — 2023. — № 12 (69). Т. 3 — С. 331–334.
4. Сычев А. В, Домовец С. С. О некоторых способах совершения дистанционных мошенничеств в современных условиях и методах их предупреждения // Юрист-правоведь. — 2023. — № 2 (105). — С. 174–181.

Этапы расследования коррупционных преступлений: анализ, методы и практическая значимость

Павлов Борис Александрович, студент
Тюменский государственный университет

Данная статья рассматривает и дает анализ этапам расследования преступлений в коррупционной сфере. Статья условно поделена на несколько этапов, каждый из которых включает в себя отдельный этап расследования преступлений подобной группы. В выводе указываются основные особенности, замечания и идеи по улучшению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: взятка, получение взятки, коррупция, коррупционные преступления.

This article examines and analyzes the stages of investigation of crimes in the corruption sphere. The article is conditionally divided into several stages, each of which includes a separate stage in the investigation of crimes of a similar group. The conclusion indicates the main features, comments and ideas for improving the current situation.

Keywords: bribe, receiving a bribe, corruption, corruption crimes.

Актуальность изучения данной темы напрямую обусловлена возросшим в 2024 году количеством коррупционных преступлений [1], а также значимостью из-

учения и будущего применения знаний и умений по предотвращению роста данных преступлений в будущем. Коррупция — явление, которое возможно во всех сферах

жизнедеятельности людей. Наиболее подверженными в данный момент сферами жизни выступают [2]: финансово-кредитная сфера, потребительский рынок, деятельность органов власти и управления, сфера освоения бюджетных средств, а также строительства. Данные области охватывают широкую часть жизни граждан Российской Федерации, а значит несут прямую угрозу безопасности России.

Затрагивая тему расследования коррупционных преступлений, стоит сказать, что это — обширный и многоуровневый процесс, налаженный годами борьбы с данным явлением. Преступные лица, желая утаить совершение преступления прибегают к обширному количеству способов обхода правопорядка, в этот список входит: отмывание денежных средств, вывод на офшорные счета, оформление имущества на близких родственников, криптовалюты и многое другое.

Так, взяточничество и по сей день остается наиболее часто совершаемым коррупционным преступлением. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [3]: «Оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие».

На такой обширный список должен быть справедливый ответ, однако расследование взяточничества и по сей день остается одним из самых сложных в работе следователей. Причинами этого могут стать:

Субъектом преступления выступает лицо, которое в момент совершения преступления или в период до занятии или занимает определенную должность в правоохранительных органах, а значит, имеет определенный набор навыков и умений по скрыванию своих деяний, а также то, что подобные преступления совершаются в условиях полной анонимности и зачастую не имеют свидетелей.

Ключевым моментом выступает факт того, что при совершении взятки выгодополучателями выступают обе стороны, а значит нет мотивации свидетельствовать друг о друге в полицию, что также увеличивает число латентных преступлений в данной стези.

Данный список причин являет собой ряд больших проблем при расследовании, однако определенная методика все же есть. При производстве следствия по тем или иным преступлениям, следователь ориентируется на конкретно сложившуюся следственную ситуацию, которая включает в себя ряд пунктов: время, место, субъект и иные. Следственная ситуация занимает важную роль при расследовании индивидуально каждого преступления.

Говоря о значении следственной ситуации, Л. Я. Драпкин [4] отмечает, что «формируя различные ре-

шения по уголовным делам, выдвигая версии, составляя планы раскрытия и расследования преступлений, проводя тактические операции и отдельные процессуальные действия, следователь исходит не из реальной ситуации (пусть это представляется оптимальным), а из ее информационной модели, из того, что отражено в его сознании и стало своеобразной базой (хотя и вторичной, отраженной) для дальнейшей деятельности».

На современном этапе экспертами — криминалистами выделяется два этапа расследования преступления: первоначальный и последующий. Первоначальный этап это обнаружение преступления, возбуждение уголовного дела и собирание данных. Содержание последующего этапа находится в прямой зависимости от действий следователя на этапе первоначальном.

Пожалуй, одним из самых явных преступлений в коррупционной сфере выступает взятка. Говоря о расследовании уголовных дел, связанных с расследованием коррупционного преступления, чаще всего являют собой следующие следственные ситуации:

1. Поступило заявление о будущей взятки, возбуждено уголовное дело
2. Спустя определенное время после дачи взятки

Первая ситуация, в большинстве случаев, гарантирует успех в раскрытии преступления для следователя, при качественном сложении обстоятельств в единую картину. Основной задачей следователя в данной ситуации выступает скорость принятия верных решений, обнаружение, фиксация и изъятие предмета взятки и иной доказательственной базы. В этот же момент следователь должен выяснить и зафиксировать все детали: само деяние, объективные признаки, предмет взятки, источник средств, участников, смягчающие и отягчающие признаки. Здесь же выясняется правовой статус взяткополучателя, что может подтверждаться приказом о приеме на работу или трудовой книжкой.

В случае же, если следователь получил информацию слишком поздно, чтобы произвести первый сценарий, его задачами будет: поэтапное и тщательное собирание доказательственной базы и ее исследование. Установление предполагаемых преступников, опрос возможных свидетелей, обыск, осмотр места происшествия и документов. Важную роль в данном этапе будет играть личный допрос подозреваемых, так как существует огромное множество способов вести допрос, а в случае взяточничества, допрос может стать единственной зацепкой для распутывания дела.

Подводя итог, можно сделать вывод, что процесс расследования коррупционного преступления выступает в роли сложно исследуемого преступления, при расследовании которого от следователя требуется высокий уровень профессионализма и собранности. Все этапы можно условно разделить на: предварительный, который включает в себя инициацию расследования, оценку поступающей информации. За ним следует сбор доказательственной базы для будущего уголовного дела, его систематизация

и упорядочивание. И заключительный — формулирование обвинения и передача дела в суд. Все эти меры позволяют следователю быстро и четко реагировать на совершенное коррупционное преступление.

Литература:

1. Генпрокурор РФ Краснов: Около 30 тысяч чиновников за год наказаны за коррупцию Читайте на WWW.KPRU: <https://www.kp.ru/online/news/6129222/>. — Текст: электронный // Комсомольская правда: [сайт]. — URL: <https://www.kp.ru/online/news/6129222/> (дата обращения: 23.01.2025).
2. В МВД назвали наиболее коррупционные сферы в России. — Текст: электронный // RG RU: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2021/12/09/v-mvd-nazvali-naibolee-korrupcionnye-sfery-v-rossii.html?ysclid=m69j3z8jh2453285869> (дата обращения: 23.01.2025).
3. Акт правительства Российской Федерации «Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 № 24 // Российская газета
4. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. — 164 с.

Особенности соблюдения баланса частных и публичных интересов при оспаривании распорядительных решений государственных и муниципальных органов в Российской Федерации

Пахомиков Андрей Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лактаева Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуется соотношение института оспаривания распорядительных решений государственных и муниципальных органов и баланса частных и публичных интересов в Российской Федерации.

В административных правоотношениях, которые возникают между властными и невластными субъектами, важно сохранять баланс частных и публичных интересов. Возможность оспорить решение государственного или муниципального органа в случае нарушения прав и законных интересов имеет большое значение для достижения этого баланса.

По причине того, что одна сторона правоотношений представлена государством в лице уполномоченных органов и их должностных лиц, а другая — гражданами и организациями, не наделёнными властными полномочиями, субъекты изначально находятся в неравном положении. Это означает, что вторые находятся в менее выгодном положении, поскольку решения государственных и муниципальных органов, затрагивающие их права и интересы, не всегда могут быть законными и обоснованными. Данная проблема в особенности соотносится с правовыми последствиями, вытекающими из распорядительных решений государственных и муниципальных органов, которыми физические или юридические лица наделяются субъективными правами или обязанностями.

Указанные обстоятельства потенциально создают условия для злоупотребления полномочиями, со стороны государственных и муниципальных органов и их долж-

ностных лиц, помимо этого существует вероятность неправильного толкования или применения нормы закона, при принятии того или иного распорядительного решения, в виду некомпетентности должностного лица. Все это ведет к возникновению негативных последствий: росту недоверия к государству среди граждан, нарушению демократических принципов, принципов законности и основ правового государства.

Для недопущения наступления указанных негативных последствий в государстве должен существовать реальный, рабочий механизм оспаривания неправомερных распорядительных решений государственных и муниципальных органов. В России существует административный и судебный порядок обжалования таких решений. При этом в законодательстве и правоприменительной практике существует ряд проблем, возникающих при обжаловании решений государственных и муниципальных органов в судебном и во внесудебном порядке.

Среди основных проблем, которые могут возникать при обжаловании решений государственных и муниципальных органов в Российской Федерации, можно выделить:

1. Сложности с оценкой законности принятого решения. Часто бывает сложно понять, на каких основаниях

было принято то или иное решение, особенно если оно противоречит законодательству.

2. Недостаточная эффективность мер по восстановлению нарушенных прав и интересов. Зачастую, даже при отмене обжалуемого решения, восстановление прав может быть затруднено, в связи с тем, что государство предлагает недостаточно мер и усилий к этому.

3. Судебная практика не всегда является единообразной и зачастую направлена на защиту интересов государства, а не лиц, обратившихся в суд с жалобой.

4. Формальный подход вышестоящего органа к оценке правомерности оспариваемого решения, при обжаловании во внесудебном порядке.

Эти и иные проблемы возникают в процессе практического применения правовых норм, при этом перед законодателем стоит наиболее сложная теоретическая проблема, которая связана с соблюдением баланса частных и публичных интересов.

Как верно отмечает Морозова К. Н., в своей статье: «Применительно к административным делам имеет особое значение поиск оптимального соотношения публичного и частного в праве, как неоднократно высказывается, Конституционный суд РФ, в своих правовых позициях, нахождения так называемого баланса, поскольку по таким делам изначально субъекты спорного материального правоотношения не равны и их рассмотрение судом сопряжено с присутствием публичного интереса. В связи с этим необходимо соблюдение разумного баланса между публичным и частным в административном судопроизводстве». [5, с. 162]

Для целей исследования необходимо определить, что относится к публичным и частным интересам.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 75 Постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» дает следующее разъяснение относительно того, что входит в публичные интересы: «Применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды». [3]

Косаренко Н. Н. в своей статье «Категория «интерес» в системе публичного и частного права» определяет частные интересы, как охраняемые правом интересы, присущие конкретным лицам и социальным группам. [4, с. 159]

Таким образом за счет глобальности, более высокого уровня рисков и иных объективных факторов публичные интересы имеют наиболее высокое значение для всего общества в целом. Однако защита частных интересов отдельных лиц является важнейшей основой правового государства и гражданского общества, декларированных Конституцией РФ.

Специфика административного судопроизводства по делам об оспаривании распорядительных решений пред-

полагает столкновение публичных и частных интересов, публичные интересы в качестве ответчика отстаивают государственные и муниципальные органы, истцами выступают физические лица и организации, которые считают, что их права и интересы затронуты и нарушены действиями (бездействием) уполномоченных органов.

Следует уделять особое внимание роли суда в процессе оспаривания административных актов. На основании тезисов статьи Морозовой К. Н. можно сделать вывод о том, что суд в административном процессе по умолчанию занимает более активную роль чем в иных видах процесса, государство определяет правила организации судебного процесса, и его ход не может определяться исключительно волей материально заинтересованного лица, такую волю в интересах правопорядка ограничивает либо дополняет активность суда в административном процессе. Активность суда обусловлена наличием у него специфических полномочий, не характерных, например, для гражданского судопроизводства.

Статья 14 КАС РФ, в частности, наделяет суд полномочиями по выявлению и истребованию по собственной инициативе доказательств с целью всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе для, а также для правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении и разрешении административного дела. [2]

Также в соответствии со статьей 59 КАС РФ суд вправе самостоятельно получать необходимые для рассмотрения и разрешения административного дела сведения из открытых источников, в том числе из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». [2]

Общий принцип активности суда в административном процессе, а также полномочия по самостоятельному поиску доказательств потенциально могут служить причиной нарушения принципа состязательности сторон, установленного статьей 14 КАС РФ, так как суд фактически может подменять роль государственного органа и отказывать истцу в защите нарушенного права даже в тех случаях, когда государственным органом не приведены достаточные доказательства своей позиции.

В судебной практике Верховного Суда РФ есть правовая позиция, согласно которой суд не может выполнять работу государственных органов. Это значит, что если административный ответчик не доказал законность своих действий после того, как ему ранее отказали, то суд не имеет права признать отказ законным, ссылаясь на другие обстоятельства или нормы права. На практике это положение работает не всегда. Когда административный истец указывает на подобное нарушение, суд зачастую утверждает, что это не влияет на исход дела. Однако такое поведение суда является существенным нарушением норм процессуального права. Вместо того чтобы

быть независимым арбитром, суд фактически помогает административному ответчику доказать законность его действий.

Такая подмена ролей является категорически недопустимой, так как нарушает баланс интересов, сдвигая его не в пользу защиты прав частных лиц. Данная проблема является коренной и обусловлена общими особенностями административного судопроизводства, а именно естественным стремлением государства к защите своих публичных интересов, таким образом чаша весов в балансе частных и публичных интересов изначально сдвинута в пользу публичного интереса. Целью законодателя и правоприменителей должно быть стремление к определенному идеалу — балансу интересов. Как, верно, указывают в своей статье Фионогенова О. Е. и Ломаев А. Ю. «целью

ограничения прав частных лиц в угоду публичного интереса может являться только нахождение компромиссных решений». [6, с. 23]

Таким образом, законодатель и правоприменитель, должны стремиться к общему принципу добросовестности и законности, несмотря, на то, что они выступают от имени государства и имеют публичные интересы, а, следовательно, и заинтересованность в защите позиции государственных и муниципальных органов по делам об оспаривании принятых ими распорядительных решений. В противном случае возникнет такая ситуация, при которой механизм защиты частных интересов потеряет свою работоспособность и будет декларирован лишь на бумаге, что существенно нарушит конституционный принцип правового государства.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. N 31. ст. 4398.
2. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024) — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 29.12.2024 г.)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/c167a636661d96a3ef0cbfac022f30bd46398725/ (дата обращения 29.12.2024 г.)
4. Косаренко Н. Н. Категория «интерес» в системе публичного и частного права // Государство и гражданское общество. — 2007. № 3
5. Морозова, К. Н. Проблемы обжалования решений, действий (бездействия) федеральных органов исполнительной власти и должностных лиц / К. Н. Морозова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 44 (439). — С. 159–163. — URL: <https://moluch.ru/archive/439/95941/> (дата обращения: 29.12.2024)
6. Фионогенова О. Е., Ломаев А. Ю. Критерии разграничения публичного и частного интересов // Правовая политика и правовая жизнь — 2014. — № 2

Проблема подмены судом функций административного органа при оспаривании распорядительных решений государственных и муниципальных органов в Российской Федерации

Пахомиков Андрей Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лактаева Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуется проблема подмены судом функций административного органа при оспаривании распорядительных решений государственных и муниципальных органов в Российской Федерации и предлагается способ ее решения.

Целью судебного разбирательства по делам об оспаривании распорядительных решений государственных и муниципальных органов в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации является рассмотрение спора по су-

щество и определение факта законности или незаконности того или иного распорядительного решения. [6, с. 192]

Для определения предмета рассмотрения в арбитражных делах, связанных с оспариванием государственно-властных ненормативных актов, ключевую роль играет позиция, изложенная в решении Арбитражного

суда Ярославской области от 07 декабря 2024 года по делу А82–2400/2023. Суд, определяя наличие (отсутствие) оснований для оспаривания заключения Управления Федеральной антимонопольной службы в порядке главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации указывает, что заключение не является ненормативным правовым актом, в смысле, придаваемом ему статьей 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, так как не носит властно-распорядительный характер, не возлагает на общество какие-либо обязанности и не предусматривает ответственность за их неисполнение. [5]

К решениям, носящим властно-распорядительный характер, представляется возможным отнести приказ Министерства природных ресурсов и экологии субъекта Российской Федерации об аннулировании у организации лицензии на право пользования недрами с целью разведки и добычи строительных песков. Рассмотрим пример судебной правоприменительной практики по данному вопросу.

Примером ситуации, когда государственный орган выходит за рамки своей компетенции при принятии распорядительного решения является спор, рассмотренный в рамках арбитражного дела № А61–1154/2022. Это дело является в определенной степени уникальным, так как оно содержит в себе еще и пример подмены судом функций административно-распорядительного органа.

Обратимся к Постановлению Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2023 года по делу № А61–1154/2022, подтвержденному впоследствии Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 декабря 2023 года. Истцом выступало ООО «Карьер+», предметом оспаривания стало распорядительное решение Министерства природных ресурсов и экологии Республики Северная Осетия-Алания об аннулировании лицензии на право пользования недрами, оформленное протоколом и приказом. Дело рассматривалось по правилам главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Арбитражный суд первой инстанции установил существенные нарушения, допущенные государственным органом при принятии распорядительного решения об аннулировании лицензии на право пользования недрами. Нарушение заключалось в неправильном и необоснованном применении норм Закона РФ от 21.02.1992 N 2395–1 «О недрах». [4] В частности, Министерством природных ресурсов и экологии в качестве основания для аннулирования лицензии было применено основание прекращения права пользования недрами, предусмотренное пунктом 1 части 2 статьи 20 Закона о недрах. Основанием для применения этой нормы является возникновение непосредственной угрозы жизни или здоровью людей в результате осуществления пользования недрами. При этом данная статья предусматривает совершенно иную санкцию в виде прекращения права пользования недрами и внесении соответствующей записи в государственный

реестр участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами, по соответствующей лицензии на пользование недрами. [3]

Порядок принятия решения об аннулировании государственной лицензии предусмотрен иным нормативным актом — Федеральным законом от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Порядок аннулирования лицензии установлен частями 11 и 12 статьи 20 этого закона. Закон предусматривает аннулирование лицензии только по решению суда на основании рассмотрения заявления лицензирующего органа об аннулировании лицензии. [2]

При этом суд первой инстанции установил не только факт неправильного применения закона при вынесении распорядительного решения, но еще и признал необоснованным само применение положений пункта 1 части 2 статьи 20 Закона о недрах.

Таким образом Министерством природы было принято необоснованное распорядительное решение об аннулировании лицензии на право пользования недрами, выданное ООО «Карьер+». При вынесении решения государственный орган вышел за пределы установленной компетенции и взял на себя полномочия, отнесенные законом к ведению суда.

Сделанный судом первой инстанции вывод представляется правильным. В резолютивной части судебного акта суд, установив фактические обстоятельства дела и проведя их юридическую квалификацию, решил: признать недействительным решение Министерства природных ресурсов и экологии Республики Северная Осетия-Алания об аннулировании действия лицензии; Обязать Министерство природных ресурсов и экологии Республики Северная Осетия-Алания продлить ООО «Карьер+» срок действия лицензии на право пользования недрами как это испрошено в заявлении истца. [4]

Постановлением Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февраля 2023 года решение суда первой инстанции было отменено, и новым судебным актом в удовлетворении исковых требований ООО «Карьер+» было отказано. Суд, принимая такое решение нашёл обоснованным утверждение Минприроды о том, что деятельность истца ведет к возникновению непосредственной угрозы жизни или здоровью людей. Подобный вывод суда представляется необоснованным, учитывая существенные нарушения, допущенные при принятии оспариваемого распорядительного решения, это предположение подтверждается судебным актом кассационной инстанции. [4]

Постановлением суда кассационной инстанции вышеуказанный судебный акт был отменен, дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. [4]

Повторно рассматривая дело апелляционный суд вынес Постановление, в котором было установлено существенное нарушение, допущенное судом первой инстанции. Суд апелляционной инстанции указал на недопустимость подмены судом распорядительных функций государственного органа, выразившихся в возложении

на Ответчика обязанности продлить срок действия лицензии на право пользования недрами. Таким образом в анализируемом деле распорядительный орган (Минприроды) неправоммерно принял решение, относящееся к компетенции судебного органа, а суд в свою очередь, подменил своим решением распорядительные функции государственного органа.

Суд апелляционной инстанции, устраняя нарушение, постановил изложить данный абзац резолютивной части решения в следующей редакции: «Возложить на Ответчика обязанность рассмотреть заявление Истца о продлении срока действия лицензии на право пользования недрами по существу, принять соответствующее решение». Правильность выводов суда апелляционной инстанции подтверждается Постановлением суда кассационной инстанции от 27 декабря 2023 года. [4]

Свое решение суд апелляционной инстанции мотивировал ссылкой на общие положения о задачах судопроизводства в арбитражных судах, установленных положениями статьи 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, толкуя указанные положения расширительно. По нашему мнению, положения указанной статьи не в полной мере обосновывают недопустимость подмены судом функций государственного органа.

Таким образом в актуальной судебной практике существует реальная проблема подмены судом распорядительных функций государственного органа при принятии решения по делу об оспаривании решения этого органа. По результатам анализа были сформулированы предложения по улучшению нормативного регулирования. Представляется необходимым сформулировать предло-

жения по совершенствованию регулирования в данной области для недопущения возникновения аналогичных судебных ошибок. [1]

В результате анализа правовых норм и разъяснений Верховного суда Российской Федерации, регулирующих исследуемый аспект, обнаружилась следующая проблема. Правовые нормы главы 22 Кодекса административного судопроизводства и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса не уделяют достаточного внимания вопросу соотношения компетенции суда и властно-распорядительных функций государственного или муниципального органа в случае вынесения решения о признании распорядительного решения незаконным, что позволяет сделать вывод о наличии пробела в праве.

В связи с этим представляется необходимым внести изменения в Четвертый абзац пункта 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 и изложить его следующим образом: «Если в соответствии с законом за наделенными публичными полномочиями органом или лицом сохраняется возможность принять то или иное решение по существу вопроса, затрагивающего права, свободы, законные интересы административного истца (заявителя), суд не вправе принимать решение по существу этого вопроса а, может ограничиться только возложением на соответствующий орган обязанности повторно рассмотреть поставленный гражданином, организацией вопрос». Такие разъяснения позволят пресечь проблему размытия судами пределов компетенции при вынесении судебных актов по делам об оспаривании распорядительных решений государственных и муниципальных органов.

Литература:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 29.12.2024).
2. Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 12.12.2024).
3. Закон РФ от 21 февраля 1992 г. N 2395-1 «О недрах» (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 14.12.2024).
4. Интернет-портал картотека арбитражных дел. Судебные акты по арбитражному делу № А61-1154/2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://kad.arbitr.ru/Card/2b1c35e2-ff36-4c16-86ab-d6c8e8d8b732>. (дата обращения: 12.12.2024).
5. Интернет-портал картотека арбитражных дел. Решение Арбитражного суда Ярославской области от 07 декабря 2024 года по делу А82-2400/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа kad.arbitr.ru/Document/Pdf/44dc3d77-ca0e-4a9b-8e66-7a2180bfb2d7/855628f3-07fd-4cad-a2f7-3d433ff803d1/A82-2400-2023_20241207_Reshenie.pdf?isAddStamp=True. (дата обращения: 11.12.2024).
6. Клекачев Н. С. Существенные различия судебных разбирательств по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и по делам об оспаривании ненормативных правовых актов в арбитражном процессе: сравнительная характеристика // Особое производство в цивилистическом процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 июня 2022 года, 2022. — С. 188–194.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 4 (555) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 05.02.2025. Дата выхода в свет: 12.02.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.